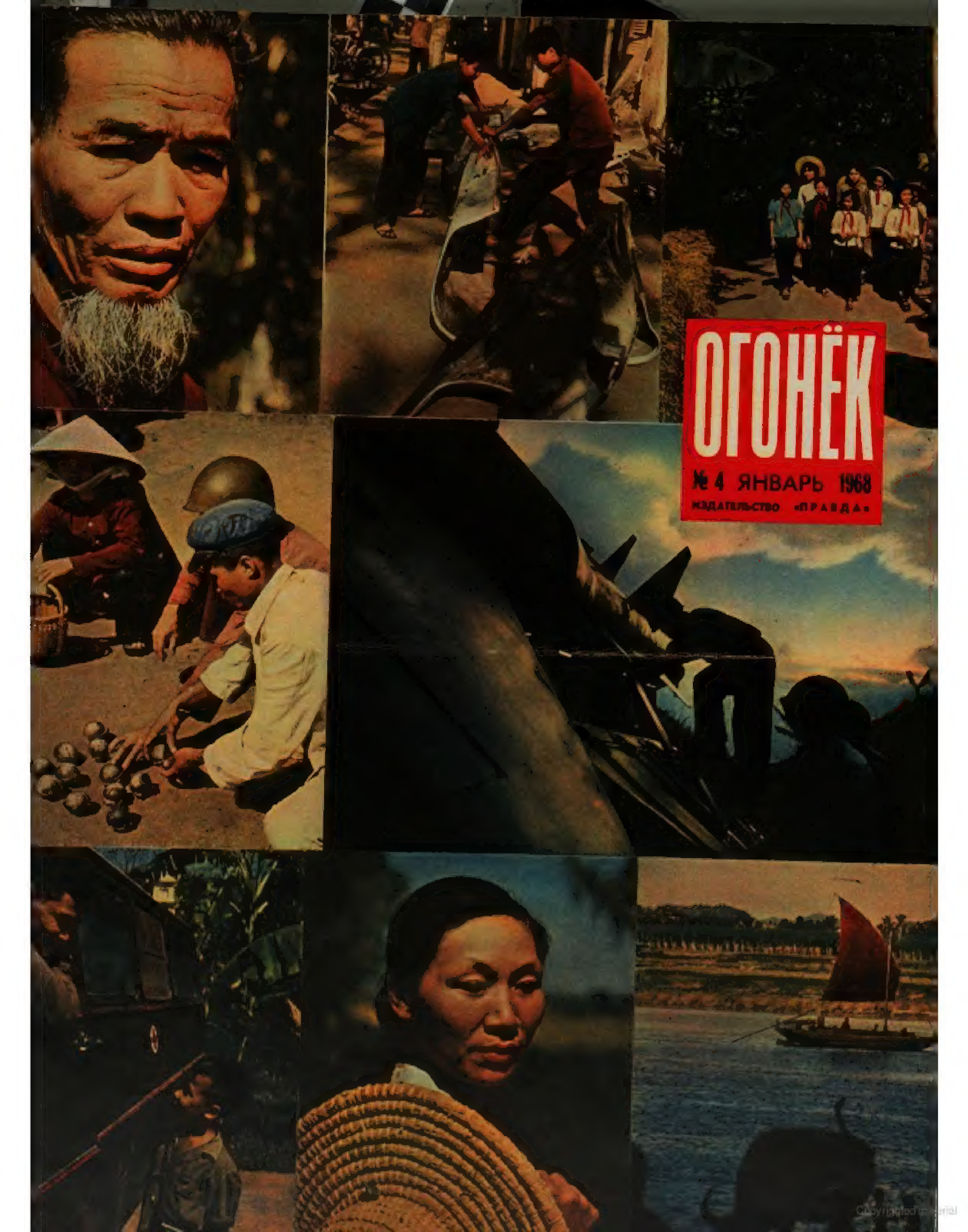
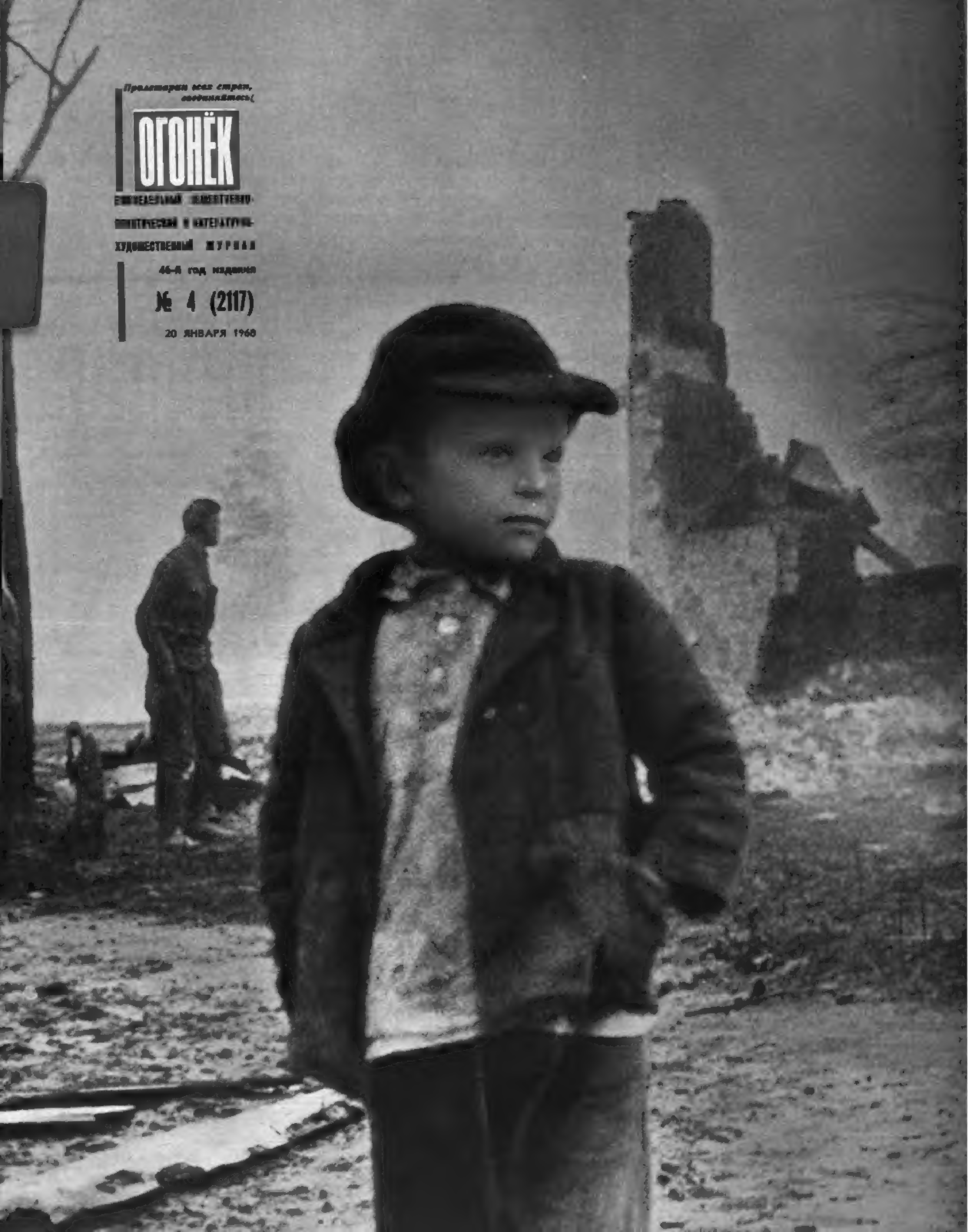

ОГОНЁК
№ 4 ЯНВАРЬ 1968
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

46-й год издания

№ 4 (2117)

20 ЯНВАРЯ 1968

25 ЛЕТ СПУСТЯ

«А дома у нас нету. Его фашисты «сожгли». Год 1943-й.

Анатолий Фролов. ГОД 1968-й.

25 ЛЕТ СПУСТЯ

Враги сожгли родную хату.

Михаил Исаковский.

Село Ульяново. Большое, как все среднерусские села. Вытянулось от околицы к околице долгим порядком изб. Белые крыши, белые скворечники над ними. Белая земля, белый день и только даль голубая да небо над головой, чистое, спокойное небо России. Над печными трубами зависли густые березовые дымы. Не шелохнутся, не дрогнут. Будто прочно держат на себе голубой свод.

Мирное русское село. Каких тысячи.

Я был в Ульянове четверть века назад, но никогда не видел его таким вот, как в это морозное январское утро. Я вообще никогда не видел села Ульянова. Его не было на земле в тот суровый и многотрудный год.

Судьба военного корреспондента привела меня в село, изрытое воронками бомб и снарядов, испепеленное, с черными трубами русских печей, с колоколенкой, чудом уцелевшей на высоком юру.

Только что отгремел жаркий бой, один из множества тех, которые потом назовет народ Орловско-Курской битвой. Я шел бывшей улицей мимо хваленых гитлеровских «тигров», кострами дымящихся тут и там. В рурской броне зияли рваными ранами пробоины, сникли орудийные башни, порвались острые гусеничные ленты, еще вчера безнаказанно топтавшие священную землю. Эти «тигры» уже отвоевали, и на одном из них кто-то из наших солдат штыком ли, ножом ли начертал: «На-ко выкуси!»

Только-только лавина пехоты прошла тут, выбивая гитлеровцев из окопов, дотов и блиндажей. Бой еще гремит за селом. Слышны взрывы, частые пулеметные очереди, выстрелы... На бреющем полете, стремительно рассекая клубы черного дыма, проносятся над землей наши штурмовики. Санитары подбирают раненых, спешат связисты, подтягиваются к линии боя резервные части. Прохожу к церкви. Рядом один уцелевший дом — двухэтажное кирпичное здание. Когда-то стены его были белыми, сейчас закопченные, черные, с красными, будто кровоточащими ранами — следы от осколков. Вокруг дома земля устлана листами бумаг. Почти на каждом знак — хищный орел со свастикой в когтях. Бумаги исписаны, испечатаны чужой вязью слов. Приказы, распоряжения, списки... Тут была комендатура, здесь распоряжались судьбами людей, жизнью...

Фронтовики знают и до сих пор помнят запах войны. У бывшей комендатуры он показался мне еще более смрадным и удушливым. Дым от горящих архивов (успели оккупанты исписать горы бумаг) едко щекочет горло, слезит глаза. Прохожу дальше. И вдруг, как наваждение, как сон, из густой пелены дыма возникает хрупкая, тощенькая фигурка ребенка. Он стоит подле еще жарко тлеющегося рухнувшего дома с черным вистом печи на пепелище. Стоит и смотрит на все громадными глазами.

— Ты чей?

— Наш.

— Откуда взялся?

— Эвон, из церкви.

— Что ты там делал?

— Прятался. Я не один, там в подполе все наши сельские. А фрицев выгнали?

— Выгнали.— Говорю и сам вдруг чувствую, как к горлу подкатывается горький комок.— Дом-то твой где?

— А дома у нас нету. Его фашист сжег. Вона печка одна осталась.— И машет рукой в сторону курящегося пепелища.

Где-то за селом грозно заговорила артиллерия. С новым жаром вспыхнула перестрелка, громыхнуло небо, расколотое стремительным полетом штурмовиков. Мальчишка не вздрогнул, не втянул голову в плечи, а только проводил самолеты громадными на исхудалом лице глазами. Он уже уверовал: раз пришли наши — больше бояться нечего. Я сделал снимок мальчонка. Посоветовал:

— Ты беги к мамке, а то убьют тебя здесь.

— Не, теперь не убьют...

Так познакомился я с Толей Фроловым из села Ульянова.

И вот снова иду селом, в котором был четверть века назад и которого никогда не видел, потому что не было тогда села, было пепелище с черными неуклюжими вистами печей. Мы снова встретились с Анатолием. Здоровый молодой мужчина идет навстречу. Я гляжу ему в глаза, тогда они были большие, удивленные и радостные оттого, что пришли наши. Но где-то глубоко вгнездилась в них недетская, взрослая боль от всего, что успел пережить мальчик.

Анатолий глядит на меня весело. Большие, чуть с лукавинкой глаза, открытое русское лицо.

— А я вас не помню. В тот день со многими солдатами подружился.— Смотрит на фотографию.— А это, значит, вы меня снимали. Вот это помню, аппаратом щелкали.

Спрашиваю, как сложилась его судьба.

— После фронта было тяжело, ни кола ни двора. Жили у тети Груши Сорокиной. Потом колхоз построил дом. Школу окончить не удалось. Сами понимаете, какие времена пережили. После шестого класса ушел работать грузчиком, все подмога матери. Потом окончил горнопромышленное училище, стал проходчиком на шахте. В армии служил. В школе шоферов занимался. Теперь вот кручу баранку в своем совхозе «Ульяновском». Жена есть, дочка двух лет — Людочкой зовут. Мама уже на пенсии. А отец не вернулся с той войны, погиб. Ульяново наше, конечно, не узнаете. Живем мы хорошо, по-доброму, мирно.— Анатолий улыбается, и я снова, как 25 лет назад, делаю его снимок...

Их встретил я в те же дни лета 43-го года. В том же Ульяновском районе. Они шли вслед за наступающими частями нашей армии, впрягшись в самодельные тележки. Большая семья Куприковых возвращалась к дому. На одной из тележек, в которую впряглись глава семьи Андрей Николаевич, его жена Анна Павловна и сестра Пелагея,— нехитрый домашний скарб. Девочка (Аня) спит, прикрытая отцовским пиджаком. Вторую повозку везут мальчишки лет по десять — двенадцать — Миша и Коля. А рядом, пыля босыми ногами, спешат к родному дому Нина и Валя. Познакомившись, спрашиваю:

— Куда и откуда?

— Да из села Никольского, туда нас фашист со всей округи согнал. Вот бредем помаленьку в родное свое Долгое.

— Так ведь Долгое еще под немцем?

— Пока дойдем, наше будет,— уверенно сказал Андрей Николаевич.

Село Долгое недалеко от Ульянова. И опять мирные дымы в небо, белые, в ожеледи ветви деревьев. Скворечники, крепкие, уютные дома.

Почти все Куприковы по-прежнему живут в родном селе. Только Андрея Николаевича нет в живых: погиб под Брянском.

Аня, та, что спала в тележке, работает на пенькозаводе; Нина — ее вы видите на фотографии рядом с братом — полевод; Михаил (он везет тележку) — тракторист; Николай — теплотехник. И только Валя вылетела из родного гнезда, потянули ее дали дальние — Сибирь. У всех у них сейчас свои семьи, свои дома. И Анне Павловне хватает хлопот: нянчит внуков и не в одном дому хозяйничает...

Вот и вся история о двух фотографиях далекой военной поры. Я возвращаюсь в Москву ярким, веселым днем, и на душе у меня хорошо от встречи с людьми, которых пришлось увидеть на дорогах войны. Я вспоминаю их лица, улыбки, вспоминаю лицо матери, жены погибшего солдата Андрея Николаевича Куприкова. Он один из миллионов не вернувшихся к родным домам ради того, чтобы мирно и добро жило село Ульяново, Долгое и еще тысячи и тысячи сел на нашей родной земле.

Михаил САВИН

Домой.

Семья Куприковых: Анна, Нина, Анна Павловна, Николай и Михаил. ГОД 1968-й.

Вот они, молдавские тракторы.

Много

Царство садов и виноградников. Край зеленолистый. Край задушевных песен и огневых танцев. Край, населенный людьми мужественными и трудолюбивыми. Это Молдавия. Такой она была всегда. Такой знают и любят ее народы нашей страны. Однако все мы знаем и любим и другую Молдавию: республику высокоразвитого социалистического сельского хозяйства, республику индустриальную, республику высокой культуры. Тракторы с маркой кишиневского завода, электродвигатели, трансформаторы, приборы сложнейшей конструкции... Восемь вузов и около пятидесяти средних специальных учебных заведений, где учатся юные молдаване... Около 44 тысяч тракторов и более 15 тысяч грузовых автомашин на полях колхозов и совхозов... Все это тоже Молдавия. Но такой она была не всегда. Такой республика стала за годы Советской власти, принесшей Молдавии новую, счастливую жизнь.

Полвека назад над многострадальной молдавской землей взошло солнце свободы. И 14 января республика отмечала большой праздник: 50-летие установления Советской власти в Молдавии. В этот день на улицах городов и сел республики реяли красные флаги. В Кишиневе, в театре оперы и балета, состоялось торжественное собрание представителей партийных, советских и общественных организаций республики, посвященное славной дате. Вступительной речью собрание открыл Первый секретарь ЦК КП Молдавии И. И. Бодюл. С докладом выступил Председатель Совета Министров Молдавской ССР А. Ф. Диордица. Участники торжественного собрания приняли приветственное письмо ЦК КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР и Совету Министров СССР.

Выступает народная артистка СССР, лауреат Государственной премии Тамара Чебан в сопровождении оркестра «Флуераш».

Фото Е. Халдея.

РАДОСТЕЙ ТЕБЕ, МОЛДОВА!

Среди участников торжественного собрания в Кишиневе — группа коммунистов-ветеранов: М. Ф. Ломечкина, И. П. Интавский, А. С. Семенов-Блаз, В. Ф. Кравцов.

Фото Е. Драйшнера. ТАСС.

Н. ВЕРИНА

Фото Л. Бородулина.

БОЯТЬСЯ НЕЧЕГО! МОЛОДЦЫ!

В фойе Дома культуры имени Ильича мы стояли перед большой рельефной картой, пытаясь определить: сколько стран мира пользуется изделиями Харьковского канатного завода? Дело это было в общем-то безнадежное: уж больно много линий тянулось отсюда на все континенты. И вдруг позади нас раздался голос:

— Извините, что вмешиваюсь, только, думаю, напрасно вы себя подсчетом утруждаете. Наш завод продукции дает много и качество ее доброе. Вот и шлют заказы самые разные государства. Ведь канаты да шпагаты надобны и рыбакам для тралов и виноградарям для подвязки лозы. И нефтяникам, и пищевикам, и шахтерам, и морякам. Может, видели, у нас в техкабинете лежит канат: 350 миллиметров по окружности. Он годится для ледоколов, с ним и в Антарктиду идут. А плоские стальные тросы, необходимые для шахтных подъемников? Только мы одни их и делаем...

Как-то сразу вызвал симпатию этот молодой человек. Мы разговорились и узнали, что завод славен не только канатами да шпагатами, но и многим другим. А главное — упорной, каждодневной заботой о рабочем человеке, которая ощущается буквально на каждом шагу. Тут для рабочего любят все делать основательно, на совесть.

Примеры? Сколько угодно! Пионерский лагерь «канатки», основанный еще в 30-е годы, зовут «Лесной сказкой». И это действительно сказка и по красоте и по всевозможным удобствам для 1 600 ребят, отдыхающих там за лето. Поликлиника, поражающая чистотой и самым современным оборудованием. Вечерняя двухсменная школа рабочей молодежи в здании заводоуправления. А заводское общежитие — уютные, нарядные комнаты — расположилось в двух шагах от проходной на улице Китаенко, сплошь застроенной заводскими домами. На той же улице — профилакторий, детский комбинат и Дворец культуры, где мы сейчас находимся.

По всему было видно, что наш собеседник готов говорить о своем заводе еще и еще. Но мы попросили его рассказать о себе и узнали, что пришел он на «канатку» в 1958 году учеником слесаря, а теперь, окончив институт, работает инженером в конструкторском бюро завода. Зовут его Владимир Соловьев.

Соловьев? Но ведь сюда, на канатный завод, нас привел интереснейший документ 50-летней давности, подписанный, между прочим, и этой фамилией.

История такова. В 1917 году, сразу после победы Октября, предприниматели Южнорусского товарищества пеньковой и канатной промышленности объявили о своем намерении закрыть Новобаварскую фабрику и уволить всех рабочих. Такое решение якобы вызывалось отсутствием сырья и топлива. На самом же деле это был откровенный саботаж. Однако рабочие с таким решением не смирились и 27 ноября созвали экстренное собрание рабочих и служащих. И постановили: обратиться в высшие революционные организации с требованием взять под свою защиту предприятие и принять все меры к тому, чтобы фабрика не останавливалась. В протоколе собрания так и записано: «Остановка нашей фабрики вызовет расстройство в продовольственном деле и прекратит снабжение рудников необходимыми канатами и другими материалами, вызовет сокращение или даже полную остановку добычи топлива».

● Антонина Шевченко — старший оператор машиносчетной станции.

● Заводской «Огонек» в Доме культуры.

А подписи под протоколом стояли такие: «Председатель собрания Миланич, секретарь Соловьев».

— А что, Володя, тот Соловьев — просто ваш однофамилец? — спросили мы.

— Нет, не просто,— улыбнулся Володя.— Он мой дед.

Василий Григорьевич Соловьев в 1911 году пришел в Харьков пешком из подмосковного Павлова Посада и поступил машинистом на «канатку». Вел там подпольную работу. В 1918 году возглавил первую партячейку на фабрике. Но то уж позже. А в семнадцатом Василий Григорьевич активно участвовал в национализации фабрики.

События тогда развивались так. Владелец «канатки» заявил: если даже рабочие и достанут топливо, он все равно фабрику не пустит. Тогда рабочие национализировали предприятие и стали хозяйничать сами. Однако опыта у них еще не было. Запасы сырья на складе таяли, быстро пустела и касса. Что делать? Решили послать в Петроград ходоков. В Совнарком, к В. И. Ленину, поехали Михаил Павлович Крицын и Владислав Владиславович Швойницкий. Их встреча с Владимиром Ильичем состоялась 19 декабря 1917 года. В своих воспоминаниях В. В. Швойницкий так описывает эту встречу:

«...Рассказали мы товарищу Ленину подробно:

— Фабрику мы взять сумели, а как дальше — не знаем. Скоро получка — денег нет! Как быть? Как бы на этом не выиграли хозяева!

— Бояться нечего! Молодцы! — сказал Ильич.

Вынув записную книжку, он быстро набросал несколько записок в учреждения, подробно рассказал, что нам нужно делать.

Затем, взяв нас за руки, товарищ Ленин стал нас расспрашивать о жизни рабочих завода, как была принята ими Октябрьская революция, как смотрят рабочие на Учредительное собрание, какое настроение рабочих... Когда мы отвечали, он что-то быстро записывал в свой блокнот. Так побеседовали мы с ним полчаса...»

Владимир Ильич помог рабочим изыскать средства и решить трудные вопросы управления.

...Полвека — срок не такой уж большой. А перемены тут произошли огромные. Володя Соловьев многое уже рассказал нам, но хотелось все посмотреть своими глазами.

В цехах Володя прежде всего познакомил нас с товарищами своего отца. (Да, нужно сказать, что Михаил Васильевич Соловьев тоже проработал на этом заводе почти всю свою жизнь и теперь он на пенсии.) И по цехам мы ходили в сопровождении комсомольцев двадцатых годов, ветеранов «канатки» — Г. И. Мясниченко, П. А. Мордовенко, В. Ф. Климанова. Всем им по возрасту можно бы и на отдых, но они не спешат с этим. Водили нас ветераны завода по цеховым пролетам и поглядывали искоса: каково, мол, впечатление? На наш взгляд, цеха были самыми обычными: громады машин, транспортеры, провода... Но когда мы сказали об этом, то в ответ рабочие не без ехидства заметили, что вот ежели бы мы сами, на своем-то горбу, потаскали здоровенные мешки с пыльной кострой, с отходами, как это было раньше, тогда бы нас, конечно, эти цеха впечатлили. Совсем иначе мы бы смотрели на быстро и ловко уносящий отходы пневмотранспорт и на машины для чески пеньки, сконструированные заводским КБ и созданные здесь же, в этих самых цехах, этими самыми рабочими. Ведь не так уж далеки времена, когда ческа пеньки производилась вручную и была каторжным трудом. А теперь механизация. И труда и учета. Да-да, и учета — есть тут новехонькая, с иголочки машиносчетная станция, ведущая учет выпускаемой продукции.

Вечером в Доме культуры был заводской праздник, посвященный хорошим людям «канатки». Просторное фойе, залитое светом, уже не было гулким. Его заполнила нарядная толпа. На столиках — вазы с цветами, фруктами, пирожными. На эстраде — свой оркестр. И здесь мы увидали всех хозяев завода: и тех, с кем не были знакомы, и тех, кого уже знали. Гремела музыка. Хозяева завода отдыхали.

ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ

АРМИЯ-ОСВОБОДИТЕЛЬНИЦА

Выполняя свою благородную миссию, Советские Вооруженные Силы в ходе операций 1944 года освободили Румынию, Болгарию, значительную часть Польши, Чехословакии, Югославии, большую часть Венгрии и Северную Норвегию.

Народы Восточной Европы, освобожденные Советской Армией от фашистского порабощения, встали на самостоятельный путь демократического развития и поднялись на вооруженную борьбу против немецкого фашизма.

20 августа 1944 года войска 2-го Украинского фронта под командованием генерала армии Р. Я. Малиновского и войска 3-го Украинского фронта под командованием генерала армии Ф. И. Толбухина начали стратегическую наступательную операцию на юге против войск противника, объединенных в группу армий «Южная Украина». Операция была с успехом осуществлена. Основные силы группы «Южная Украина» были разгромлены. Румыния вышла из войны. 26 августа советские войска заняли Рени и Измаил. 27 августа они с ходу овладели Фокшанским укрепленным районом. В тот же день немецко-фашистские войска, действовавшие восточнее Прута, прекратили сопротивление. 27 августа наши воины освободили также город Галац. А 28-го Браилов и порт на Дунае Сулина; 29 августа пехотинцы и танкисты во взаимодействии с кораблями и десантными частями Черноморского флота овладели Констанцей. 31 августа по приказу Ставки Верховного Главнокомандования советские войска вступили в Бухарест.

Советские и румынские войска совместно продолжали борьбу против общего врага. «В огне войны против фашизма,— говорил Г. Георгиу-Деж,— ковалось румыно-советское братство по оружию, крепла братская дружба нашего народа с народом страны победившего социализма, горячая признательность и Советской Армии — освободительнице, солдаты которой проливали свою кровь во имя свободы нашей страны».

...8 сентября 1944 года войска 3-го Украинского фронта вступили в Болгарию, где день ото дня усиливалось антифашистское движение. В ночь на 9 сентября в Софии началось восстание, руководимое Коммунистической партией Болгарии и Отечественным фронтом. Болгарский народ видел в советских воинах своих освободителей и встречал их хлебом-солью. В донесении Политуправления 3-го Украинского фронта от 10 сентября 1944 года говорилось: «Во время прохождения наших частей жители толпами собирались на улицах, забрасывали наших бойцов цветами».

...Победная весна 1945 года. 15 апреля небо Москвы вновь озарилось огнями артиллерийского салюта. Советские воины разгромили группу немецких войск, пытавшихся отступить из Вены на север, и овладели при этом городами Корнейбург и Флоридсдорф — мощными опорными пунктами обороны немцев на левом берегу Дуная.

Стремясь сохранить Вену, ее исторические памятники, произведения искусства, командующий 3-м Украинским фронтом Маршал Советского Союза Ф. И. Толбухин обнародовал обращение к жителям города. В нем говорилось: «Жители города Вены! Красная Армия, громя немецко-фашистские войска, подошла к Вене.

Красная Армия вступила в пределы Австрии не с целью захвата австрийской территории, а исключительно с целью разгрома вражеских немецко-фашистских войск и освобождения Австрии от немецкой зависимости.

...Час освобождения столицы Австрии — Вены от немецкого господства настал, но отступающие немецко-фашистские войска хотят превратить и Вену в поле боя, как это они сделали в Будапеште. Это грозит Вене и ее жителям такими же разрушениями и ужасами войны, которые были причинены немцами Будапешту и его населению.

Ради сохранения столицы Австрии, ее исторических памятников культуры и искусства предлагаю:

1. Всему населению, кому дорога Вена, из города не эвакуироваться, ибо с очищением Вены от немцев вы будете избавлены от ужасов войны, а тех, кто эвакуируется, немцы погонят на гибель.

2. Не давать немцам минировать Вену, взрывать ее мосты и превращать дома в укрепления.

3. Организовать борьбу против немцев и защиту от разрушения ее гитлеровцами.

4. Всем венцам активно мешать вывозу немцами из Вены промышленного оборудования, товаров, продовольствия и не позволять грабить население Вены.

Граждане Вены!

Помогайте Красной Армии в освобождении столицы Австрии Вены, вкладывайте свою долю в дело освобождения Австрии от немецко-фашистского ига.

Командующий войсками 3-го Украинского фронта
Маршал Советского Союза ТОЛБУХИН
6 апреля 1945 года».

...К середине декабря 1944 года войска 2-го Украинского фронта в стремительном наступлении через Венгрию подошли к границе Чехословакии. 14 декабря части 6-й гвардейской танковой армии форсировали реку Ипель и вступили на чехословацкую землю.

Советская Армия шла на помощь братскому чехословацкому народу, поднявшему в Праге восстание против немецко-фашистских оккупантов. После ожесточенных боев 9 мая в Прагу вступили подвижные войска 1-го Украинского фронта. 12 мая 1945 года командующий этими войсками Маршал Советского Союза И. С. Конев доносил Верховному Главнокомандованию: «Должен доложить, что население Чехословакии и особенно города Праги очень восторженно встретило войска Красной Армии. На улицах Праги население непрерывно приветствовало войска Красной Армии, отдельные группы проходящих бойцов, офицеров и проезжающих генералов».

Освобождение Праги и всей Чехословакии было последней операцией Советской Армии против фашистской Германии. Этой операцией закончилась война в Европе.

Май 1945 года. Жители Златой Праги приветствуют воинов Советской Армии, армии-освободительницы.

Яков ХЕЛЕМСКИЙ

Ключ

Люблю поэтов белорусских.
У них стихи не белоручки,
А работяги — мастера.
За тихим шелестом пера —
Гул жерновов неутомимых,
И скрип колес, и посвист кос,
И эхо самодельной мины,
Врага пустившей под откос.

Живет в мелодике стихов
Свобода первозданной речи,
Жужжанье пчел, журчанье речек
И журавлей осенний зов.

О, эти ДЖЫ и ДЗЕ и ЦЕ!
Д з я ў ч ы н а,
з б о ж ж а,
д з е н ь,
д з i в о с н ы[1].
Созвездьям слов созвучны сосны,
Лозняк в закатном озерце,
И вздохи дремлющего вяза,
И дрозд в ольховой бирюзе,
И дрожь цимбал, и дерзость «МАЗа»,
Чья громыхающая масса
Сродни и зубру и грозе.

Тут новизна и старина
В переплетающемся ритме,
Тут все, что создал в словолитне
Первопечатник Скорина́,
Все, что певали мужики,
А после выплавил Купала,
Все, что в столетьях закипало
Нужде и битвам вопреки.

Живая лирика дубрав
И эпос Минска, Бреста, Орши!
Вы вновь, объятья распростерши,
Всю музыку в себя вобрав,
От старых сказов до верлибра,
Тончайшие оттенки выбрав,
Звучанье чистое храня,
Зовете
дружески
меня.

Стихотворенье-приглашенье,
Как полномочный ваш посол,
Слетает на рабочий стол,
Опять взывая к претворенью.
Оно подыскивает ключ
К моей душе. И он подобран.
Я слышу тихое:
— Д з е н ь д о б р ы!
Переведи, переозвучь!

Я говорю:
— Д з е н ь д о б р ы, с я б р а![2] —
И вот, работой в руки забран,
Опять вступаю,
Беларусь,
В твой мир поющий и звенящий,
Под своды пущи, в сумрак чащи,
И сам
певучим
становлюсь.

---

[1] Девушка, зерно, день, чудесный.
[2] День добрый, друг!

Г. КОПОСОВ

Фото автора.

РАСВУМЧОРР

Вот так сюрприз! Вылетел из Кировска всего на тридцать минут — хотел сверху сфотографировать рудник,— и вдруг узнаем: аэропорт Кировска закрылся. Туман!

— Куда полетим? В Умбу или в Мурманск?— спрашивает командир самолета Владимир Кривулин.

— Лучше в Мурманск,— отзывается пилот Слава Еремеев.

— Хорошо. Летим в Мурманск,— соглашается Кривулин.— Сделаем еще два круга. А вдруг...

Как чувствовал. Пока летали, туман стал реже. И мы благополучно приземляемся в Кировске...

В центре города есть трехэтажное бело-желтое здание, старомодное, с излишествами, но стоит оно крепко и в полярную ночь всегда освещено — там управление комбината «Апатит» имени С. М. Кирова.

На фасаде здания орден Ленина — награда комбинату за успешное выполнение государственных планов по выпуску апатитового концентрата и освоению производственных мощностей. Поднимаюсь на второй этаж. Здесь торжественно стоит на вечном хранении Памятное знамя ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР и ВЦСПС, врученное накануне 50-летия Великого Октября.

Предприятие признанное, передовое, гордое своим прошлым и настоящим, очень нужное людям. Апатит — камень плодородия.

Георгий Александрович Голованов, кандидат технических наук, директор комбината, сыплет цифрами, еле успеваю записывать.

— «Апатит» экспортирует продукцию в 16 стран мира. Молодой рудник «Центральный» обогнал ветерана «Кировский», дал в юбилейном году 7 миллионов 200 тысяч тонн апатитовой руды. На «Центральном» все уникальное. Поезжайте туда. Счастливого пути!

Еду на знаменитое плато (о нем песня сложена: «На плато Расвумчорр не приходит весна. На плато Расвумчорр все снега да снега»). Сейчас дорога на плато широкая, ровная, расчищенная мощными бульдозерами. Дорога оживленная. Не на всех улицах Кировска встретишь столько машин. Не то что раньше («Потому что дорога несчастий полна. И бульдозеру нужно мужское плечо»). Прошли два «лайнера» — так здесь называют «татры» с переделанными крытыми кузовами, покрашенными голубой краской.

Первый раз на Расвумчорр я поднимался в январе 1962 года. Тогда было начало. Вот строчки из моей старой записной книжки:

«К сердцу Расвумчорра, к его богатствам идут строители, идут сквозь камень и снег. Одни грызут перфораторами скальную породу, пробивают многокилометровый тоннель внутри горы, другие на вершине плато, на высоте 1 050 метров, строят рудник.

Дорога — 11 километров. Идут колонной из шести тракторов с санями. Водители: Сергей Золотарев из Владимира, Николай Волков из Калининской области, Иван Григорьевич Григорьев из Пскова, Иван Солдатенко из Сумской области и Николай Подосенов.

Мокрый снег; идем медленно, часто вытаскиваем двойной или тройной тягой застрявшую машину.

Поднялся ветер, дороги совсем не видно, а ошибешься, в сторону на шаг — и обрыв 300 метров. Бригадир, дорожный мастер Иван Антонович Горб, идет впереди головной машины и буквально прощупывает дорогу.

Казалось, во тьме, в вихрях снега мечутся не бульдозеры, а с ревом и визгом насмерть бьются какие-то чудовища с огненными глазами. Океан тьмы и снега.

Пришли на плато через пять часов голодные, как черти».

...Тогда — пять часов, теперь — двадцать минут. Да, ровно через двадцать минут я был на руднике «Центральный». Здесь все напоминает укрепленную крепость. Враги — мороз, ураганный ветер и снег. На окнах металлические сетки, все кабели закрыты специальными щитами. Металл и бетон. Горят лампы «искусственное солнце». Недавно прошла пурга, и здание копра, гаража, бытовки — все покрыто спрессованной толстой коркой снежной штукатурки.

Первое знакомство... Алексей Алексеевич Кулешов, главный инженер рудника. Спрашиваю:

— Что изменилось?

— Все, абсолютно все. За исключением погоды. Новые буровые станки. Двадцатисемитонные самосвалы «БелАЗы» получили. Люди поднимаются на плато через ствол — лифт на сорок пять человек работает. Все нормально, а многие не верили, что можно вообще здесь работать... Интересный случай? Что-то не припоминаю.

Алексей Алексеевич вызывает по телефону диспетчера:

— Задержите «восьмерку», корреспондент придет.

«Восьмерка» — огромный желтый самосвал. Сажусь в кабину к водителю Александру Кузнецову. Он еще и бригадир. В смене у него сегодня работает тридцать три машины — тридцать три богатыря. Пока ждем очереди у экскаватора, успеваю взять интервью.

— В эти края меня дружок после армии затянул. Сначала работал на руднике «Кировский», а теперь вот уже несколько лет здесь, на Малой Антарктиде,— так мы плато называем. Все поближе к романтике. Даже передвижной буфет у нас зовется «Пингвин». Рвачей мало, здесь для них не климат. Хорошо бы и нам устроить экскурсию для некоторых председателей колхозов — посмотрели бы, где и каким трудом добывается камень плодородия, может быть, стали бы лучше хранить удобрения.

Экскаватор вгрызается в серо-белые куски взорванной руды и аккуратно несет их в наш кузов. Сброс. Машина напрягается, дрожит и немного покачивается. Теперь путь к рудоспуску. И здесь мне повезло. В стороне от зияющего черного, страшного 600-метрового колодца остановился «газик», а из него вывалился Горб. Тот самый Иван Горб, с которым я пять лет назад поднимался первый раз сюда. Теперь Иван Антонович — уже начальник дорожного отдела всего комбината. Пополнел, говорит, бросил курить, получил новую квартиру с удобствами. На слова остался скупой.

Разговорить его я так и не сумел. Зато нашел в газете «Кировский рабочий» статью шофера автобазы С. Долгих «Наш Антоныч», в которой он пишет: «Природа не обидела его. Широкоплечий, высокого роста, прямо-таки Тарас Бульба, только без усов». Дел у Тараса Бульбы хватает. Грузы идут на плато днем и ночью, зимой и летом. Дорога нужна руднику, как воздух. Многое зависит от того, как сработает дорожная служба. Хорошо работает. Водители говорят: «Ездим по горбовским дорогам».

Вот какое оно теперь, плато Расвумчорр!

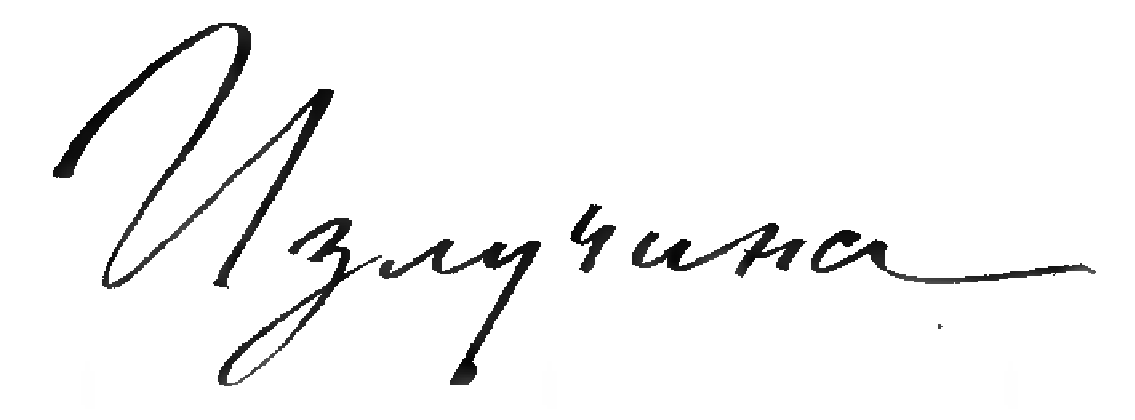
Живет в городе Кировске, работает слесарем-электриком на комбинате «Апатит» Иван Андреевич Сорокин.

Апатит — камень плодородия. Чтобы достать его, в Хибинах построили комбинат, открытые карьеры и десятки километров подземных тоннелей, обогатительные фабрики и новые города.

Плато Расвумчорр, рудник «Центральный».

Антон ПРИШЕЛЕЦ

Я ЛЕЧУ

Я лечу.
Смотрю. Молчу.
Ощущаю. Наблюдаю.
Сам с собою рассуждаю.

За штурвалом —
Крепкий малый.
Может быть, таких, как он,
У России
Миллион.
Может быть, таким, как он,
Грозный космос
Покорен!

Прадед мой
Ходил к царю —
Три недели пеше топал!
А теперь — благодарю:
Три часа —
Москва — Европа!

Все любуются,
Кто чем:
Тот — полями,
Этот — лесом
И, конечно, вместе с тем —
Симпатичной стюардессой.

Интересно всем лететь,
Окунуться в высоту.
Нынче,
Стоит захотеть,
И к твоим услугам —
«ТУ»!

Я лечу,
Я бурей рвусь!
Мчатся села, города.
Милая Россия! Русь!
Вот бы
Прадеда сюда!

ИВАН ПАХОМОВ

Самолет завершал полет,
Шел над городом на посадку.
Город — это живой народ,
Школа, клиника, детплощадка.

Город летчику был не свой,
В нем не наши играют дети.
Только летчику все равно,
Он в ответе
За все на свете.

Вдруг в машине заглох мотор!
На решение — полминуты!
Смерть пилоту грозит в упор.
Под рукой — кольцо парашюта.

Мы живем
Не всё для себя,
Нам свое
Не всего дороже.
Этих милых чужих ребят
Разве может он уничтожить?

Не зови его, парашют,
Не пойдет наш пилот на это.
До последних своих секунд
Он посланец Страны Советов!

Грузно клонится самолет,
Страшный
Сам с неживым мотором.
Но всей силой своей пилот
Все уводит его
За город.

Вот и врезался в землю он
За последним рабочим домом.
И под ним —
Навек погребен
Русский летчик Иван Пахомов...
Так вот принято на Руси:
Сам умри, а других спаси!

МАМА

Мама смотрит на сынка:
«Подрастает... Подрастает...»
Мама смотрит
И вздыхает:
Жалко маме Игорька.

Вот уж
Паспорт получил...
В первый раз
Усы побрил...

И девчонка-однолетка
Раньше появлялась редко —
Стала чаще с каждым днем.
И уходят —
Все вдвоем.

Она с добрыми глазами,
Но слегка,
Исподтишка,
Все настойчивей у мамы
Отбирает Игорька.

То в кино,
То на концерте.
«Нынче поздно я вернусь».
И у мамы ноет сердце,
На глаза ложится грусть.

И крадется непослушно
В грудь обида на сынка,
На ту девочку в веснушках,
Что чужая ей пока.
«Уведет... Уже уводит...»
Мама, мама!
Не жалей...

Сколько ж горького в природе
У счастливых матерей!

МЕНЯЮ ЗАПИСНУЮ КНИЖКУ

Меняю записную книжку,
Она совсем изношена, стара.
Уже листки
Не держатся под крышкой,
И вообще в архив ее пора.

Все адреса друзей столичных,
Всех, с кем прошел
Суровой жизни круг,
Переношу на новые странички,
Как жителей подвалов и лачуг.

И радуюсь:
На клеточках квадратных,
Где каждого спешу я поселить,
Как новоселам,
Будет им приятно,
А мне их легче будет находить.

Но сердце вдруг
Такая схватит жалость:
Опять черта,
Опять кого-то нет.
Друзья мои!
Как мало вас осталось
От тех далеких
И тревожных лет!

Одних жестокой унесло волною,
Других другие увели края.
А те расстались,
Не простясь со мною,
И многие мне больше не друзья.

Утрат не счесть,
Они горчей полыни,
Они собрались здесь
Со всех дорог.
И адресами нужными, живыми
Я и полкнижки
Заселить не мог.

Теперь все реже
Крепко жмут мне руку,
Все глуше откликается мне даль...

Со старой книжкой,
Как со старым другом,
Мне расставаться
Бесконечно жаль!

ВИШНЕВЫЙ САД

Еще я сплю,
Еще чуть свет,
А этот взбалмошный сосед —
Охотник, рыболов, грибник —
Уже стучит ко мне:
— Старик!
Как можно дрыхнуть до сих пор?
А ну проснись,
Протри свой взор!

Он, слышу, подошел к окну
И настежь ставни распахнул.
— Смотри сюда! Глотай весну!
(А сам уж, кажется, глотнул!)

И мы идем.
Но мы не дышим
Под кружевным навесом вишен;
Не дышим, повредить боясь
Весны божественную вязь...

Цвети,
Сверкай, мой белый сад!
Пусть целый день
Скворцы свистят!

И как тут цвету не кипеть,
И как тут песню не запеть,
Когда идет, в ребро толкая,
По всем садам
Весна такая!

УЛИЦА ЗЕЛЕНАЯ

На одном ее конце —
Новый «Домик рыбака»,
На другом конце, на горке,—
Старый «зáмок» лесника.

И вокруг леса, леса!
От весны до осени
Это улица моя
С птицами и лосями.

Тут живу я и хожу
Ранними рассветами.
Тут я вроде бы служу
Государству этому.

Я брожу себе, свищу,
Вечно что-нибудь ищу:
То чернику, ежевику,
Иль грибы, иль костянику.

А бывает, загрущу —
Встречусь с черным вороном.
А случается, ищу
Строчку стихотворную.

Заливайтесь, соловьи!
Вы по всем лесам мои.
Дятлы, клювы наточите,
Веселей в кору стучите!

До зимы не отпускает,
Словно полоненного,
Вот она моя какая,
Улица зеленая!

ИЗЛУЧИНА

Россия!
Ивы да березки,
Да голубая даль дорог,
Да на дорогах
То московский,
То наш поволжский говорок.

Вот на шоссе, сигналя, вышел
Грузовичок — не как-нибудь!—
Он полон школьных ребятишек:
В десятилетку держат путь.

Теперь в селе капусту рубят,
Хрустят литые кочаны.
Теперь девчонок крепче любят,
И загсы парами полны.

На повороте — дым из трубки! —
Трещит, пыхтит мотоциклет.
На мотоцикле почта в юбке,
А за спиной гора газет.

Тут стадо заняло дорогу,
Река молочная ревет!
Шофер! Не задави корову —
Она с дороги не свернет.

Мой русский край!
Ты весь изучен,
Исхожен, милый, до тайги.
Но нет родней из всех излучин
Излучины родной реки!

ПОЭТУ

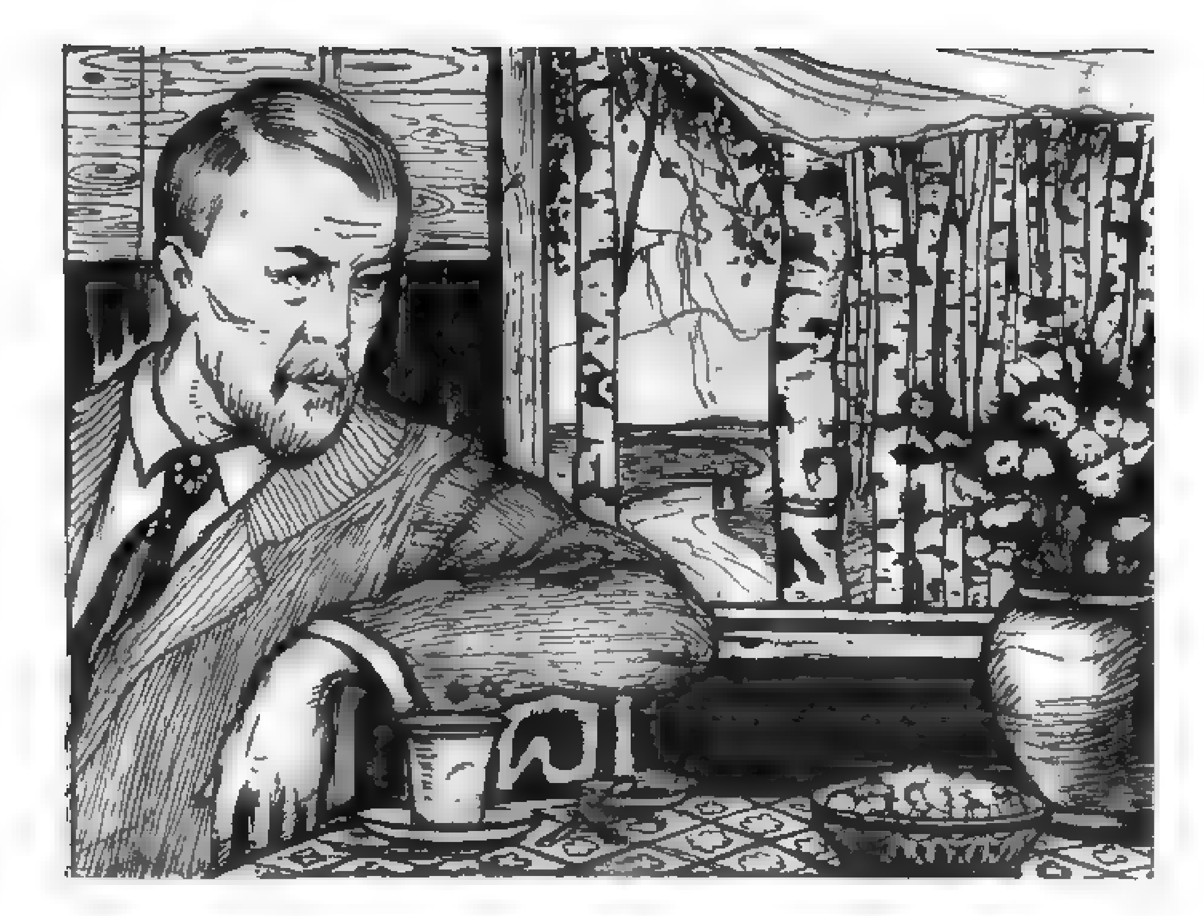
Ты пишешь кровью?
Сердце отдаешь?
Пусть будет стих твой
На тебя похож!

Ты очень добрый?
Или очень злой?
Пускай и стих
Таким же будет твой!

Отец и мать,
Когда дитя родят,
Свои черты
Увидеть в нем хотят.

Твой стих — твой сын,
Родным пусть будет он.
Все не твое,
Все народное — вон!

Пусть будет стих твой
На тебя похож.
Все непохожее —
Неправда,
Ложь!

Новелла

Рюрик ИВНЕВ

Сахар

Рисунок Н. Виноградовой

Дача была самой обыкновенной, подмосковной. Высокие березы стояли прямо, как солдаты во время парада, и, вероятно, если бы у них были руки, то они держали бы их по швам. Гости сидели на террасе вокруг круглого стола, накрытого цветной скатертью. Хозяйка разливала чай. Она улыбалась, потому что считала, что в такие минуты нельзя не улыбаться, ибо она не могла себе представить, что можно разливать чай с серьезным лицом.

Когда Глеб протянул руку за сахарницей, луч солнца, прорвавшийся сквозь густую зелень деревьев, скользнул по ослепительно белым кусочкам сахара. И с этого все началось. Глебом внезапно овладела мысль о том, как быстро мы привыкаем ко всем окружающим нас предметам, до того быстро, что они для нас как бы перестают существовать, несмотря на то, что они все время находятся около нас. Они иногда удаляются, но никогда не покидают нас окончательно, отличаясь этим от живых существ, с которыми мы бываем тесно связаны. Предметов вокруг было много, и он не мог понять, почему обратил особое внимание именно на сахар, а не на цветы, стоявшие на столе в глиняном кувшине, или на варенье в стеклянных вазочках. Быть может, потому, что на эти белые, как мел, куски упал прощальный луч заходящего солнца, показавшийся ему похожим на чей-то указательный палец. Но сама мысль о сахаре была такою всепоглощающей, что он не пытался больше вникать в причины, почему именно сахар привлек его пристальное внимание.

Пока гости говорили о погоде и о разных

НА КРАСНЫЙ СВЕТ

Этот спектакль в театре Гоголя идет без занавеса. Мигают навстречу зрительному залу красные, зеленые, желтые глаза светофоров. Они словно вовлекают и нас в какие-то неведомые [illegible] столкновения, сложно открывают либо преграждают каждому из нас путь. И мы уже невольно настраиваемся на это напряженное чередование ритмов: «Опасно!», «Приготовьтесь!», «Можете спокойно продолжать путь»...

Нас[illegible] и весь тон пьесы А. Чановского и П. Павловского «Невеста» на редкость выразительно подчеркнуты четкой музыкальной сменой световых сигналов, теней, фигур, движущихся за экраном, хотя сама по себе находка художника С. Н. Ахвледиани кажется простой, как и песни Ильи Катаева, которые какими-то на удивление домашними, обыкновенными голосами исполняют за сценой:

Весь мой мир в руках твоих,
Ты не верь, что я слаба,
И теперь моя судьба
Быть твоей судьбой...

В пьесе речь идет о судьбе двух людей: Володи Харламова и Вали Кудрявцевой — его невесты. На самом деле тема гораздо шире. Речь идет и о тех, кто стоит рядом с любящими, и о тех, кто не знает их лично, но так или иначе причастен к их судьбе... Трудно ли взять на себя вину другого? Можно ли отказаться от собственного счастья, если ты убежден, что это поможет другу? Каждый ли имеет право принять такую жертву?.. И трудно ли признать перед всеми — да и перед самим собой — свою ошибку?.. Эти — и многие другие — вопросы ставит перед собой герои пьесы, а вслед за ними и зрители.

«Невеста» — это пьеса о справедливости, о долге, о нравственности. О том, кто и в каких случаях может считать себя правым. Именно об этом задумываются герои спектакля, поставленного Ю. Хмелецким

Отлично играет Володю Харламова артист А. Марченко. Следствию было известно, что это он, Володя, сбил велосипедиста, что он вел машину, не имея шоферских прав. Характеристика с места работы, представленная суду, была явно не в его пользу: «Груб, заносчив, подводит коллектив»; да и на самом суде он отказался от защиты, как все полагали, переоценив свои силы. А видишь его очень разным. Резкий, смущенный, удрученный, обиженный, растерявшийся... Сначала он восстановил против себя всех, кто его судит. А потом, по мере того как сталкиваются и обнажаются характеры, выявляются причины поступков,— у Володи Марченко становится все больше друзей. И на сцене и в зале.

Не только А. Марченко нашел интересные краски для своей роли. В спектакле чувствуется крепкий актерский ансамбль, увлеченный пьесой и вызывающий горячую зрительскую отдачу. Зритель — как и герои — чувствует: если ты и твои поступки нужны людям — иди к ним на помощь, выручай их из беды. Если нужно, иди на красный свет!

Галина СМЕТАНИНА

На снимке: «Невеста». В заглавной роли артистка Е. Мартынова.

ТЕАТ

событиях, казавшихся им в тот момент наиболее интересными, Глеб ушел в мир воспоминаний, но эти воспоминания были связаны только с одним предметом — сахаром, простым, обычным белым сахаром.

...Глебу три года. Он в Белянах, чудесном пригороде Варшавы. То же солнце, почти такая же зелень, почти такая же терраса, почти такой же круглый стол. Бабушка. Дедушка. Пять молодых тетушек. И гости. Глеб забыл о варенье. Он помнил только аккуратные кусочки белого, как цветущая вишня, сахара. Он пьет чай с удовольствием. Чай очень сладкий. Но ему кажется, что если прибавить еще один кусочек сахара, который пристально смотрит на него из фарфоровой сахарницы с голубыми цветочками, то чай стал бы еще вкуснее. Но взять самому нельзя, это неприлично. Попросить бабушку тоже нельзя, так как он уже знаком с отвратительным словом «жадность», напоминающим ему еще более отвратительное слово «жаба».

Он уже видел настоящих, живых жаб на берегу пруда. Ему еще тогда подумалось: почему жаба такая противная, а лягушки забавные и не вызывают отвращения, если их не есть, как их едят во Франции? Об этом рассказывала бабушка, ездившая недавно в Париж.

Потом каким-то чудом он перенесся из Белян в крепость Карс. В этом городке на границе с Турцией его мать была начальницей гимназии. Окна его комнаты выходили на главную улицу — Александровскую.

Хотя ему только семь лет, он уже чувствует себя полновластным хозяином. Чай подается тогда, когда ему хочется. И сахар — тоже — блестящий, хрустящий, белый, как полотно его простыни. С мамой очень приятно пить чай: во-первых, потому что это мама, а во-вторых, ему любопытно думать о том, как все это интересно получается, что мама любит пить чай со сливками, а он терпеть не может сливок и пьет чай с маленькими ломтиками лимона. Но вот с сахаром происходит что-то неладное. Он такой же белый, такой же приятный на вид и на вкус, но, как это ни странно, он потерял всю свою прелесть. Пусть он не потерял сладость, но прелесть потерял. Глеб сам кладет себе сахар. Но почему-то больше двух кусков не берет. Попробовал положить один раз третий кусочек, но стало так же противно, как тогда, когда попробовал пить со сливками.

Но вот внезапно Глеб переносится в Тифлис. Он в кадетском корпусе. С погонами, на которых красуются две буквы: «ТК».

Он сам себе напоминает маленького игрушечного солдатика. На Головинском проспекте весной дурманящий запах цветущей акации, белой, как сахар.

Детство есть детство. Все идет обычным путем. Он уже привык к тому, что гимназисты на улице кричат ему вдогонку:

Кадет, кадет
На палочку надет,—

и больше не обращает на это внимания.

Но сахар. Четыре раза в день: утром, в полдень, за обедом и к ужину кадеты получают к чаю по три кусочка такого же белого, как в Белянах и в Карсе. Но Глеб больше двух кусков не кладет в чай, так как — он понял теперь окончательно — ему не нравится слишком сладкий чай. Но остается третий, свободный кусок. Что же с ним делать? Сначала Глеб просто оставлял его на столе. Но потом кадеты, сидевшие рядом, заметили это и когда узнали, что этот лакомый для них кусочек ему не нужен, начали спорить между собой, кому он должен принадлежать. Вместо «яблока раздора» получился «сахар раздора». Глеба начало это занимать; так как он был неоспоримым хозяином этого куска, то он начал выдавать его по своему усмотрению тому, кого считал в этот момент наиболее достойным. Это было логично, но логика не всегда в чести. Свободный кусочек сахара вызвал недовольство, доходившее до ссор и даже драк среди претендентов. А Глебу нравилось, что среди нескольких сот кадетов он оказался единственным, который добровольно отказывался от одного кусочка сахара...

1916 год. Петроград. Маленькая трехкомнатная квартира. Глебу 26 лет. Живет он у тетушки. Одной из тех, которая была в Белянах. Теперь она вдова. У нее четырнадцатилетний сын Коля, его двоюродный брат. Империя трещит по швам. В столице голод. Исчез хлеб. Исчез сахар. Но тетя Ксения, хотя и с большим трудом, достает немного сахара. И вот она объявила, что теперь они будут пить чай вприкуску. На столе блестят белые кусочки, бережно уложенные по чайному блюдцу. Но двоюродный брат Глеба, Коля, запихивал эти маленькие кусочки в рот так усердно, что щеки у него раздувались, как при флюсе. Тетя Ксения с ужасом смотрит на него и говорит:

— Колечка, но ведь ты пьешь чай не вприкуску, а вщекуску.

И вдруг ветер времени переносит Глеба не через море, а маленькое озеро, состоящее из 365 волн-дней, в ту же квартиру на 5-й этаж. Те же комнаты, та же тетя Ксения, и уже пятнадцатилетний Колечка, но как все переменилось вокруг. Одни торжествуют, другие рвут на себе волосы. И опять сахар, тот же белый, сладкий сахар. Он сильно поднялся в цене и, очевидно, возгордился этим. Было такое впечатление, как будто он держится так, как человек, знающий себе цену. Это приводит тетю Ксению в отчаяние.

Однажды за утренним чаем она сказала Глебу:

— Не могу понять, как ты, бывая каждый день у Луначарского, не можешь достать через него хотя бы фунт сахара.

Глеб улыбнулся, вспомнив, что еще вчера он видел, как Луначарский пил чай и не вщекуску, как еще недавно Колечка, а в настоящую прикуску.

Тетя Ксения не унималась:

— Министр, то есть, как они теперь называются, наркомы, не может устроить для своего секретаря немного сахара.

Глеб сразу понял ход мыслей тети Ксении. В эту минуту он возненавидел сахар, так как понял, что он, белоснежный, может загрязнить душу человека хуже, чем сажа.

Все это вспомнил Глеб на террасе подмосковной дачи, когда луч солнца скользнул по фарфоровой сахарнице, из которой он хотел взять свои неизменные два кусочка сахара.

...Р БЕЗ АДРЕСА

Поговорите с московскими театралами: они расскажут, где находится любой театр и как к нему проехать.

Но, увы, никто не знает адреса Московского театра комедии. А ведь его спектакли видели зрители и Дальнего Востока, и Донбасса, и Целинного края...

Московский гастрольный театр комедии с грустью зовет себя «Театром без адреса», «Театром без крыши». Но можно ли поверить, что коллектив из 120 человек — люди, несущие привет столицы и в большие города страны и в маленькие поселки,— вот уже пятнадцать лет не имеет своей крыши?!

Почти круглый год актеры находятся в разъездах, на периферии; везде им предоставляют лучшие помещения, лучшие сцены. А в Москве разве только какой-нибудь клуб, смилостивись, даст свою сцену на вечер-другой. А где актерам работать днем?..

Мне посчастливилось: театр показывал «Интервенцию» Л. Славина на сцене Дома культуры «Правды». Это серьезный, сложный и веселый одновременно спектакль о судьбе революции на Юге России. 50 ролей! Значит, одних только костюмов надо больше 50! Решительный и дерзкий режиссер Я. М. Крапопольский, вот уже 15 лет возглавляющий коллектив, отважился в полубездомных условиях поднять к жизни этакую массу народа. Спектакль интересен, идет живо. Смотришь его и невольно думаешь об актерах, которым так трудно живется. Да и о зрителях Москвы, которые могли бы чаще видеть этот интересный театр, если бы он получил пристанище.

Г. КОВАЛЕНКО

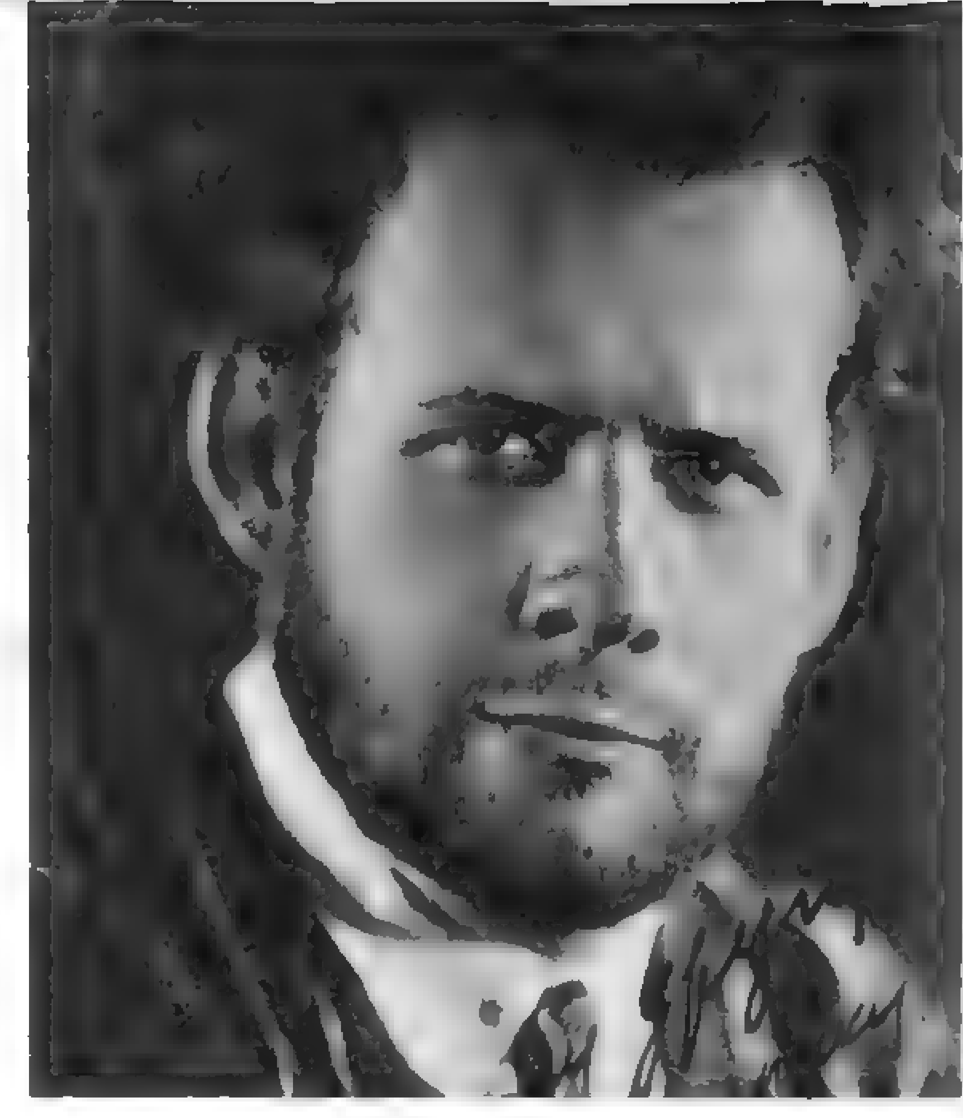
На снимке: сцена из спектакля «Интервенция»

Фото А. Бочинина.

23 января 1968 года исполняется семьдесят лет со дня рождения выдающегося художника, советского кинорежиссера Сергея Михайловича Эйзенштейна. Эта дата отмечается во множестве стран.

Мы печатаем воспоминания о С. М. Эйзенштейне народного артиста СССР Григория Васильевича АЛЕКСАНДРОВА, которыми он любезно поделился с редакцией журнала «Огонек».

Гр. АЛЕКСАНДРОВ, народный артист СССР

Сергей Эйзенштейн.

Неопубликованный снимок из архива Г. В. Александрова.

¡QUE V

Когда в середине 20-х годов на многих экранах мира взвился красный флаг «Броненосца «Потемкин», имя советского кинорежиссера Сергея Эйзенштейна стало известно всюду, где существовало кино.

Приезжавшие в Москву деятели культуры различных стран искали с ним встречи. Мексиканские художники Диего Ривера, Альфаро Сикейрос, американец Рис Вильямс, который вместе с Джоном Ридом и Амброзом Бирсом был очевидцем мексиканской революции 1910-х годов, многое рассказывали об этой далекой и удивительной стране. Но прошло немало времени, свершилось немало творческих событий в жизни Эйзенштейна, были созданы фильмы «Октябрь», «Старое и Новое», прежде чем наша съемочная группа попала в Мексику.

К тому времени изобрели звуковое кино, и советским кинематографистам было интересно узнать, что делается в этой области за рубежом. Группа С. М. Эйзенштейна в составе оператора Эдуарда Тиссэ и автора этих строк по рекомендации А. В. Луначарского была командирована в Европу.

В Германии мы участвовали в создании антивоенной картины «Ядовитый газ», в Швейцарии — «Женское счастье — женское несчастье», который стал первым швейцарским фильмом. В Париже мы снимали звуковой экспериментальный фильм «Сентиментальный романс».

Поступали предложения от многих европейских кинофирм. Шли переговоры с англичанами, и было решено принять приглашение голливудской фирмы «Парамоунт».

Голливуд торжественно встретил советских кинематографистов. Но при первой же встрече Чарли Чаплин спросил нас:

— Зачем вы приехали в Голливуд?

— Нам интересно узнать, [redacted] делаются здесь кинокартины,— от[redacted]

— Здесь никто не делает кинокартин,— сказал Чаплин.— Здесь делают деньги при помощи кинокартин, а это совсем другое дело. Если же вы хотите посмотреть, как делаются хорошие фильмы, возвращайтесь туда, где снимался «Броненосец «Потемкин»...

Мы вспомнили это дружеское предупреждение, когда дело коснулось выбора сюжета для фильма: тут и начались трудности и препятствия. Никто не отказывал, но интересные для нас темы и проб[redacted]...

То банк отказывался субсидировать съемку, то в плане студии не оказывалось свободного места... В течение года наша группа, к которой присоединился англичанин Айвор Монтегю, подготовила три сценария: «Золото Зутера» (история об открытии Калифорнии и калифорнийской золотой лихорадке), «Стеклянный дом» (комедия об американском образе жизни) и, наконец, в содружестве с Теодором Драйзером — «Американскую трагедию».

Но ни один из этих сценариев, конечно, не мог быть поставлен. От нашей группы требовали фильмов в рамках голливудских коммерческих понятий. На это советские кинематографисты согласиться не могли.

И мы решили покинуть Голли[redacted]

Вернуться домой мы хотели через Японию, чтобы завершить кругосветное путешествие. В некоторых голливудских газетах был описан наш отъезд из Сан-Франциско. Журналист-«очевидец» описывал, как три советских мушкетера стояли на палубе уходящего корабля и прощально махали платочками...

На самом же деле ничего подобного не было. Мы получили приглашение Диего Риверы, Альфаро Сикейроса и других наших друзей приехать в Мексику и снять фильм, свободный от требований голливудских хозяев.

В то время у Советского Союза не было дипломатических отношений ни с Соединенными Штатами, ни с Мексикой, и мы действовали на свой страх и риск. Но в столице Мексики нас встретили друзья СССР, которые и помогали нам по мере своих сил и возможностей.

Когда по доносу из США мы были арестованы, мексиканские прогрессивные деятели встали на нашу защиту; их поддержали Чарли Чаплин, Теодор Драйзер, Бернард Шоу, Альберт Эйнштейн, Томас Эдисон. А прибывший в Мексику (в эти дни) посол республиканской Испании Альварес Дель Вайо взял нас на поруки.

После нескольких недель переговоров мы наконец смогли приступить к работе.

В то время в Мексике еще не было своей кинопромышленности. Отдельные группы снимали картины — подражания голливудским и европейским коммерческим фильмам, в которых для рекламы туристских фирм показывали экзотику: приключения иностранцев и «шикарную жизнь» помещиков.

Наши мексиканские друзья познакомили нас с настоящей жизнью народа. Мы объехали множество отдаленных мест, находящихся вдали от туристских маршрутов, и увидели ту Мексику, которая еще не появлялась на экранах. Во время этого путешествия нас сопровождали писатели, художники, ученые и молодые энтузиасты, которые впоследствии стали создателями мексиканского кино.

Владимир Маяковский, который побывал в Мексике немногим ранее нас, писал в своих воспоминаниях: «Говорят, муниципалитет повесил на одной из застав... вывеску: в Мехико-Сити без штанов вход воспрещается». Мы уже не обнаружили таких плакатов, но, путешествуя по отдаленным районам Юкатана, убедились, что многие индейцы не признают одежды (она действительно невыносима в атмосфере тропической жары) и предпочитают носить только широкополые соломенные шляпы, защищающие от солнца.

Но не эти особенности быта увлекли нас. Увидев многие памятники мексиканской старины, величественные пирамиды, развалины древних обсерваторий, храмов, крепостей, мы поняли историю страны, полную революционной борьбы и непрестанного стремления к свободе и независимости.

На основании всего того, что мы видели, слышали, почувствовали, был написан сценарий «Как живет Мексика» («Que viva Mexico»).

После неудачного голливудского эксперимента С. М. Эйзенштейну особенно хотелось сделать фильм, где жизненная правда противостояла бы той «фабрике снов», которую представляет собою Голливуд. Разнообразный, разнохарактерный материал, почерпнутый из жизни Мексики, с оригинальными обычаями различных индейских племен, сохранивших традиции давних веков, богатая, яркая природа Мексики с ее тропическими джунглями, снежными горами, дикими пустынями, где произрастает более 500 видов кактусов,— все это раскрывало перед нами необъятный мир, неведомый доселе киноискусству.

Возникла мысль сделать необычную картину, создав как бы новую кинодраматургию. Мы назвали сценарий «эстафетным»: решили построить сюжет так, чтобы он охватывал события многих сотен лет. Это должен был быть фильм о формировании человеческого сознания, о борьбе народов за свободу и независимость, о революционной истории страны.

Сюжет разворачивался как единая драматургическая линия, во времени охватывающая многовековую историю. Объектами съемок [redacted] древней Мексики, великой культуры народов майя и ацтеков, разрушенной и уничтоженной испанскими завоевателями. Частично эти памятники сохранились до наших времен, несмотря на то, что испанские завоеватели пытались сровнять с землей все, что напоминало бы высокую и неповторимую культуру.

В течение семнадцати месяцев мы упорно работали, преодолевая множество трудностей и препятствий. Нам удалось снять более 70 тысяч метров и зафиксировать на пленке некоторые, пожалуй, уже неповторимые события и фак[redacted]

Жизнь, с которой мы сталкивались, совершенствовала и углубляла первоначальные наши планы. Формировалась удивительная, необычная во всех отношениях картина. Вдохновение С. М. Эйзенштейна открывало все новые и новые возможности киновыразительности. Мастерство оператора Эдуарда Тиссэ достигло небывалого совершенства. Создавалось произведение совершенно нового и подлинно новаторского типа.

Просмотры снятого материала в Голливуде (где проявлялся и печатался материал) вызывали восторги прогрессивных писателей, кинематографистов и критиков.

Наши друзья, смотревшие материал, считали, что Эйзенштейн открыл Мексику для кино и положил начало мексиканскому киноискусству.

Но у реакционных кругов Голливуда революционное содержание нашего фильма вызвало опасения и беспокойство. Нашлись и в Мексике группы, которым была неугодна наша работа. Трудностей у нас становилось все больше и больше, и, когда оставалось снять всего несколько важных эпизодов, обстановка для работы стала невозможной.

И, к великому сожалению, мы были вынуждены покинуть Мексику.

В Нью-Йорке мы долго вели переговоры об окончании фильма, договорились о том, что снятый материал будет отправлен в Москву, где мы и смонтируем картину. Но материал в Москву не был прислан.

За прошедшие десятилетия на экранах мира появилось множество фильмов, смонтированных из копий нашего материала. Те, которые мне довелось видеть, очень далеки от планов, задуманных Сергеем Михайловичем Эйзенштейном.

Эпизоды массовых революционных сцен были использованы в таком нашумевшем фильме, как «Вива Вилья», сцены боя быков — в комедии Эдди Кантора. Какими бы побуждениями ни руководствовались создатели этих картин — корыстными мотивами, коммерческими соображениями или желаниями вложить свою лепту в творческий труд С. М. Эйзенштейна,— их попытки обработать материал ока[redacted] далекими от оригинала.

Со всей откровенностью я должен заявить: ЭТИ ФИЛЬМЫ НИ В КОЕЙ МЕРЕ НЕ СООТВЕТСТВУЮТ АВТОРСКОМУ ЗАМЫСЛУ, а в большинстве случаев искажают его. Вырванные из монтажного контекста, отдельные эпизоды и кадры предстают перед зрителем в извращенном виде.

В настоящее время снятый нами

С. М. Эйзенштейн рисует Мексику.

Кинорежиссеры Григорий Васильевич Александров (слева) и Сергей Михайлович Эйзенштейн.

IVA MEXICO!

материал находится в Нью-Йоркском музее современного искусства. Копии различных эпизодов имеются во всех киноакадемиях и киномузеях мира, их демонстрируют на докладах и лекциях как классику современного киноискусства. Об этом написано множество статей и книг. Изданы различные варианты сценария, но мне еще не попадался такой, который соответствовал бы оригиналу. Передо мною книжка, изданная в 1951 году Уругвайским университетом в Монтевидео, в которой опубликован на испанском языке якобы сценарий Эйзенштейна и Александрова. Но все это, хотя и соответствует определенным периодам нашей работы, не является тем законченным сценарием, который сформировался у нас, когда съемки заканчивались.

В моих архивах и архивах Сергея Михайловича Эйзенштейна имеются рукописи сценария, монтажных разработок, эскизы музыкального плана, по которым можно было бы воссоздать фильм в том виде, в каком он был задуман нашим великим кинорежиссером. Историк кино Дж. Лайда систематизировал и описал все кадры, хранящиеся в музее. Он сделал три учебных фильма, которые демонстрируются в фильмотеках многих киномузеев. Этот материал имеет не только архивную, музейную ценность. Он чрезвычайно современен как по содержанию, так и по форме.

Мексиканский фильм — единственная неоконченная работа Эйзенштейна и Тиссэ. И сегодня, в дни семидесятилетия Сергея Михайловича Эйзенштейна, которое отмечается во всем мире, нужно найти пути для завершения этого произведения, необходимого современному киноискусству.

Кадр из фильма «Мексика».

Сол
Тандетн

Петя Корзинкин позвонил мне в день выхода журнала, в котором был напечатан мой очерк «Я оказался живой...»[1].

— Здравствуй, старик...— сказал Петя, и уже по тому, как он это произнес, я сразу почувствовал, что у Пети приготовлено для меня нечто особенное.

— Здравствуй... — сказал я, сжавшись в ожидании.

— Что же это, старик, получается? — продолжал медленно Корзинкин.— Одного человека ты великодушно, так сказать, воскресил, а другого убил раньше времени...

— Ничего не понимаю,— сказал я.

— А чего уж тут понимать!.. Профессор Померанцев рассказывает у тебя, как он во время октябрьских боев послал в разведку на Арбат солдата...

— Тандетникова,— помог я.

— Да, да, редкая такая фамилия... Померанцев говорит, что солдат не вернулся, был убит юнкерами...

— Говорит.

— А он не был, понимаешь, убит тогда. Он погиб позже, через полтора года, на Южном фронте.

— Откуда ты, Петя, все это знаешь?

— А как же мне, голубчик, не знать этого, если Георгий Николаевич Тандетников — мой дядя, дядя Юра, которого я прекрасно помню... Муж моей родной по матери тетушки, тети Наташи...

Пете Корзинкину за шестьдесят, и надо бы величать его Петром Дмитриевичем, но никто из знакомых так его не зовет, все — Петей, а знакомо с ним — это уж точно! — пол-Москвы, да и среди остальной половины столичных жителей немало найдется знающих Корзинкина. Я еще не помню случая, чтобы какая-нибудь произнесенная при Пете фамилия была ему неведомой. То ли он служил с этим человеком еще в Первой конной, где Петя был ординарцем при штабе армии, и Буденный пишет о нем: «Быстрый, проворный мальчишка, рвавшийся в бой...» То ли выпускали вместе первую в Москве детскую газету, которая называлась «Школьная правда». Или в «Комсомолке» работали, в «Красной звезде», во фронтовой редакции «Вперед, на врага!». А после войны в «Крыльях Родины» сотрудничали. Это коллеги, а те, о ком он писал, у кого брал интервью? Ну, сами представляете, сколько может быть знакомств и дружб у вездесущего московского репортера! Вы читали, наверно, книгу «В редакцию не вернулся» — о павших на войне журналистах. Вышло два тома, и готовится к изданию третий. Составитель всех трех — Корзинкин. Собирание такой книги — это кропотливейший розыск, это обширная переписка с сотнями адресатов... Мир и без того тесен, а при наличии в нем таких общительных и памятливых людей, как Петр Корзинкин, становится еще теснее... И надо же, чтобы именно его, Корзинкина, родственником оказался упомянутый мною в очерке солдат Тандетников!

Ошеломленный Петиным разоблачительным звонком, я не сразу как-то осознал, что жизнь, расщедрясь, предлагает мне неожиданное продолжение очерка, который в сюжетном отношении был вроде бы завершен. И вот судьба еще одного бойца революции...

Теперь уже я позвонил Петру, чтобы расспросить его подробней о дяде.

— А не лучше ли тебе начать с Натальи Федоровны!— сказал Корзинкин.— Она сейчас в Толстопальцеве с внучкой, на даче. Я бы и сам с тобой съездил, да что-то нездоровится это время, не выхожу из дому... Я дам тебе провожатую, Зоя поедет, моя дочка. Она на третьем курсе журналистского факультета, и ей будет любопытно послушать ваш разговор. Не возражаешь?.. Не забудь захватить с собой авоську поместительней, там яблок нынче — девать некуда! Без яблок тебя не отпустят.

В Толстопальцево — с Киевского вокзала, полчаса на электричке. С Зоей я прежде не встречался, но мигом узнал ее в выходившей из метро толпе: до того они схожи с отцом. Пока ехали, выработали маленький план действий. Наталья Федоровна не была предупреждена о нашем приезде, и поэтому мы решили, что Зоя войдет в дом первой и постарается подготовить ее к разговору, насколько это можно сделать за две-три минуты, а затем уж войду я. Но получилось не совсем так: как только мы отворили калитку, наперерез нам метнулась девчурка лет пяти и за-

[1] См. «Огонек» № 44 за 1967 год.

Наталья Федоровна в гостях у А. А. Померанцева.

Фото А. Бочинина.

ДАТ

ИКОВ

А. СТАРКОВ

кричала на весь двор: «Бабушка, бабушка! Зоя приехала с каким-то дяденькой!..» И на крыльцо вышла хозяйка дома.

Мне, да, видимо, не только мне, всегда трудна первая встреча с человеком, особенно когда ты вынужден прикоснуться к какой-то его ране, разбудить в нем уже притихшую, быть может, боль... Я показал Наталье Федоровне журнал с очерком о Померанцеве и прочел ей то место, где Алексей Александрович вспоминает солдата Тандетникова. Она не сразу заговорила, она молча перечла эти стро-[redacted]:

— Все эти дни предчувствие у меня было, неизъяснимая нахлынула тоска... Осень, конечно, глубокий октябрь, и сын с невесткой перебрались уже на зиму в город, но мне не впервые оставаться здесь в эту пору, да и Аленка со мной, а с Аленой не заскучаешь. И все же что-то томило меня, глухо стучалось в душу... В газетах, по радио — события тех дней, воспоминания... Места себе не нахожу: вижу и слышу Юру... Перед самым вашим приходом держала в руке его фотографию, вот эту.

Снимок молодого черноволосого (шевелюра густая-густая) и темноглазого солдата в гимнастерке с высоким, под самый подбородок, воротником, с окантованными, как полагалось вольноопределяющимся, погончиками, на которых только пуговка, приклеен к удостоверению. Читаю: «Депутатский мандат № 75 (цифры почти стерлись, «7» еще проглядывается, а от «5» остался лишь нижний завиток, который можно принять и за «3» и за «8»). Предъявитель сего Георгий Тандетников — член Московского Совета Солдатских Депутатов от 8-й роты 193-го запасного полка (это все очень четко). 7 ноября 1917 г.».

— Удостоверение выдано после октябрьских событий. Но депутатом Юру избрали раньше, до боев. И он говорил, что это спасло его... На Арбате, рассказывал, в засаду попал, в плен к юнкерам. Увидели, что вольноопределяющийся, из образованных, значит, сорвали погоны, расстрелять угрожают. А он им: «Стреляйте!.. Только запомните, что я депутат... За мою голову десять отдадите». Дело-то у них было уже проиграно, красногвардейцы прижимали... И Юру — в подвал. Ночь просидел, утром — тишина, толкнулся в дверь — не заперта. Нет никого. И он вышел на волю...

Мы недолго пробыли у Натальи Федоровны. Я видел, что ей трудно говорить, что она не может преодолеть внутреннего смятения. Для этого необходимо какое-то время, и я не решался вот так сразу дотошно расспрашивать ее, с ходу ворошить прошлое... Наталья Федоровна сказала, что на днях они переедут с внучкой в город. А там у нее хранятся Юрины письма, кое-какие документы. Она переберет их, поищет то, что может представить для меня интерес.

И мы условились встретиться в городе.

Встретились у Корзинкиных. У них, потому что Наталье Федоровне хотелось, чтобы была и ее сестра, Петина мать. А той 83 года, она лежит.

...Медленно-медленно раскручивается передо мной семейная хроника, и я не тороплю ее, не подгоняю.

— Нас у родителей было пятнадцать. Анна вот старшая, я восьмая. Отец из крепостных. Когда освобождение объявили, мальчишкой, десяти лет, босым пришел в Москву. Ну, как тысячи таких же мальчишек. Кто на завод, кто в магазин на обучение, кто на кухню в ресторан. Нашего приглядел часовых дел мастер. Видно, и школа была толковой и ученичьи руки оказались переимчивы. Чудо-часовщик получился из парнишки. Битюгу под копыто угодят часики — отец поколдует над ними, и, глядишь, опять бегут, будто новенькие. Мы жили в подвале на Покровке, но когда ребятишек полный короб набрался — в живых постоянно с десяток бегало,— перевезли нас за город, в Кусково. Там было проще и прокормить и одеть-обуть этакую ораву... Сыновьям отец старался дать гимназическое образование, а девчонкам, считал, хватит и сельской начальной. Но мы все постепенно в Москву перебирались: братья — в гимназию, сестры — к какому-нибудь ремеслу пристроиться. Мы держались около старшей нашей, Анны, которая как бы перенимала нас от родителей под свое крыло. Она была замужем за бухгалтером и сама при хорошем деле: модисткой в шляпной мастерской у мадам Кетхудовой.

— Я и Наталью определила к нашей мадам...

— Числилась в ученицах, но шитью не обучали. Весь день в бегах по магазинам, по складам. Привозили шелк для подкладки, ленты, искусственные цветы, бандо...

— Что это — бандо?— спрашивает Зоя, которая прислушивается к нашей беседе, уютно пристроившись с книгой на диванчике.

— Кусок жесткой марли. Прикреплялся сзади у шляпы, чтобы она держалась лучше. Теперь не ставят...

— И шляпа держится на одном честном слове,— сказала Анна Федоровна.

— Целый день,— говорю,— на ногах. А в горячий сезон — под пасху, под троицын день, под рождество — до глубокой ночи развозили по адресам картонки с заказами... Жалованья ученицам не платили. Работали за одну лишь перспективу стать модисткой. А перспектива была отдаленной. И я не выдержала, ушла к «Мюру и Мерилизу», тоже в шляпный отдел, но к прилавку. А когда Анна уволилась из мастерской и шила на дому для магазина Ермолова в Столешниковом, она взяла меня к себе в помощницы. Мне исполнилось семнадцать, и Дмитрий, зять мой, решил, что пора жениха подыскивать. Созвал вдруг гостей, человек двадцать пять. Я сначала не понимала, что это, зачем, а потом догадалась: смотрины. И весь вечер проревела и наутро еще слезами обливалась. Зять ворчал, сердился, ушел куда-то в сердцах. И принес мне билет к Шанявскому. «Не желаешь,— говорит,— замуж — иди учись».

— Народный университет Шанявского, помещался на Миусской площади, где нынче Высшая партийная школа...— взял слово для справки Петя, человек совершенно незаменимый, если вам требуется какая-либо справка или уточнение.

Перепроверять Петю не нужно, лишние хлопоты. Он в таких случаях — последняя инстанция. Дотошность его подтвержу одним только примером. В третьем томе «Истории Великой Отечественной войны», на странице 217, он увидел снимок: генерал с группой снайперов, награжденных орденом Славы. В подписи: «Июнь, 1943». Петя тут же письмо в редакцию: «Вами допущена грубая ошибка. Снайперы не могли быть в июне 1943 года с орденами Славы, ибо этот орден учрежден 8 ноября того же года». Из редакции — извинение и обязательство исправить ошибку в следующем [redacted]

— Тетя Наташа,— спрашивает Корзинкин, который всего на десять лет моложе своей тетушки,— ты на каком отделении была у Шанявского: на научно-популярном или академическом?

— Научно-популярном, Петя.

— Ну, значит, образование давалось без диплома, без формальных прав после окончания, но довольно фундаментальное. У вас читали Айхенвальд, Сахновский, Грифцов...

— Да-да, я с удовольствием слушала их лекции...

— И с еще бо́льшим удовольствием отплясывала на вечерах...— сказала Анна Федоров-[redacted]

— О, какие там были вечера в актовом зале! На одном из них мы и познакомились с Юрой... Подошел ко мне юноша в черной куртке с медными пуговицами, пригласил на тур вальса. Я его прежде не встречала, не видела. Танцевал легко, вел уверенно и был единственным моим партнером в тот вечер. Проводил, как полагается, домой. И почему-то не появлялся больше на танцах. Не скажу, что я так уж непрерывно думала о нем, но все же запомнился... И вот приходит как-то домой Дмитрий, Аннин муж, и говорит, что у них в «Соколе»...

— Это такое спортивное общество было,— поясняет Корзинкин.— С уклоном главным образом в гимнастику. Мой отец очень увлекался. После работы — в спортзал. А находился он, между прочим, в том же здании, где и университет Шанявского, в подвале. Я тоже там бывал, в детской группе...

— ...Приходит зять и говорит, что у них в «Соколе» есть один великолепный гимнаст, приехал недавно из Чернигова, кажется. Поступил в техническое училище, а в Москве ни родственников, ни знакомых. Снимает где-то угол, хозяйка дерет с него втридорога. «А у нас,— говорит Дмитрий,— комната свободная. Я предложил ему к нам переселиться. Исключительно приятный молодой человек! Сегодня придет представиться». И пришел, как вы уже

догадываетесь, тот самый юноша, с которым я танцевала. Юра. Удивительное просто совпадение!

— А я не уверена, что это было совпадение.

— Ну зачем ты так, Анна, говоришь? Конечно же, чистая случайность. И когда он жил у нас, почти не оказывал мне внимания. Встретимся утром в коридоре: «Здрасьте — здрасьте» — и все. Только раз, может быть, или два пригласил на каток... Он все больше с Гришей и Борисом время проводил за политическими разговорами.

— Уже мировая война шла,— сказал Корзинкин.— И как я сейчас понимаю, оба мои дяди-студенты были настроены против нее. То есть иначе иначе, поскольку и Григорий и Борис Беляковы вступили в большевистскую партию еще до войны. Но этого в семье не знали, пока не грянула революция... А отец мой придерживался, судя по всему, ультрапатриотических взглядов. И у него вечно закипали дискуссии с моими дядьками, на сторону которых все чаще и чаще становился наш жилец Юра. Смысла этих споров я, мальчонка, не понимал, естественно. Видел только, что папе приходится туго, и было обидно за него, но я и к дядюшкам был привязан, да и Юра мне нравился. И поэтому я не любил, когда они затевали вчетвером словесную перепалку, трое на одного.

— Юра-то вскоре съехал с квартиры,— сказала Анна Федоровна.— Возможно, не хотел углублять конфликта с Митей. Или какая другая была причина, не знаю.

— Съехал и долго не показывался... И вдруг является апрельским воскресным утром с огромным букетом оранжерейных роз. Вся семья была в сборе, завтракали как раз, и он на глазах у всей честной компании припал передо мной на колено, протянул букет — другая рука у сердца — и сказал: «Любезная Наталья Федоровна, разрешите пригласить вас на прогулку...» И так у него легко, весело это получилось, что все заулыбались и даже зять мой, забыв о своих политических разногласиях с Юрой, расплылся в улыбке...

— А «любезная Наталья Федоровна», вся залившись краской, пролепетала в ответ: «Я, право, не знаю... Я должна спроситься у старшей сестры...» У меня, стало быть. А старшая сестра и сама бы не прочь была пройтись под ручку с таким вот расчудесным украинским парубком-красавцем. Но, подавив в себе эту суетную мысль, я сказала: «Ты сама вольна, Наташа, распоряжаться собой». Так я сказала?

— Так, Аннушка, так... И мы отправились с ним. Отправились по маршруту, который в таких случаях никогда заранее не определяют. Идешь и не замечаешь, где идешь. Мы жили в Барашковом проезде, это возле нынешнего ЦДСА. А очутились с Юрой в Петровско-Разумовском. День был отличный, солнечный, но утром прошел дождь, и в парке — лужи, лужи. Иная с маленькое озеро. Юра подхватывал меня на руки и прыжком через озерко, я и вскрикнуть не успевала. Гимнаст! Идем по аллее, впереди мужчина, довольно высокий, в шляпе... Разбег, прыжок, сальто над головой прохожего, и вот уже Юра лицом к лицу перед ним. Тот ошарашен, ошеломлен, в общем-то озорство ведь, но как не оценить такого акробатического полета над тобой, такой ловкости, такого избытка сил! И вместо того, чтобы возмутиться, незнакомый человек с восторженным изумлением глядит на Юру.

— Поздненько ты тогда возвратилась. И не нужно было спрашивать, как погуляли: все на лице!

— Это была наша единственная такая прогулка. Была еще другая, печальная, в том же апреле, когда Юру призвали в армию, и он пришел попрощаться, и мы тоже долго-долго кружили по Москве, но самые главные слова он произнес уже при расставании, а я, хоть и ждала этих слов, сказала не так, как надо было, как хотела сказать. Я сказала, что обо всем напишу ему в первом же письме в армию, как только получу адрес. И письмо с адресом пришло быстро, а я снова сделала как-то не так, я написала: «Насколько серьезно это у тебя? Ты все взвесил?» И была наказана, год дожидалась ответа. Терзала, кляла себя... И вдруг — через год! — большое письмо с фронта. Вот оно.

Под рукой у Натальи Федоровны пачка писем.

Сейчас они у меня. Почти все карандашом. И чудо как сохранились, ни одного неясного, стершегося слова. Наверно, это такие слова, которые не блекнут от времени, хотя и писаны карандашом.

Я прочел Юрины послания уже после встречи у Корзинкиных. И кажется мне теперь, что он участвовал в нашем разговоре...

«Пришло время, Наталочка, ответить на твое письмо. Ты просила меня, вернее, советовала взвесить все. Я последовал этому совету и взвесил. Конечно, чувство тогда клокотало, но насколько оно будет долговечным, я не знал... И вот я решил дать году пройти так, чтобы ты для меня, а я для тебя как бы умерли... О себе могу сказать: моя болезнь с повышенной температурой обратилась за год во что-то такое глубокое, что не подвластно уже никаким мимолетным, да и не только мимолетным, влияниям... А как у тебя?»

— Догадываюсь, что ты ему ответила на этот раз,— сказала Анна Федоровна.— Письма от Юры стали приходить чуть не каждый день.

— А где, на каком фронте он был? — спрашиваю я.

— Подписывал так: действующая армия. На конвертах: полевая почта... Подождите, есть снимок с точным адресом. Нет, не Юрина фотография, его приятеля фронтового. Вот видите: бравый мотоциклист с усами. А на обороте надпись: «Сентябрь 24 1916. Острожец!!! Любимому моему другу Юре. На память о том, как вместе страдали от действующей армии в 46-м мотоотделении при 3-й гвардейской кавалерийской дивизии. А. К.».

— Острожец? — переспрашивает Петя.— Попробуем найти.— И, перелистав старенький военный атлас, выдает очередную справку:— Юго-Западный фронт. 25 километров от станции Олыка, железная дорога Ковель — Ровно. Болота, гиблые места...

«...Здесь, в солдатчине, [illegible] нятными, я начал задумываться над тем, что раньше меня и не задевало... Должен сказать, что прежде и судил о каких-то явлениях да и часто поступал, как подсказывало одно лишь чувство, по инстинкту, что ли. И, видимо, поэтому у меня до сих пор не выработался характер, я человек еще не установившийся. А то, что я вижу в армии, заставляет, как я уже сказал, задумываться, анализировать, переделывать свои понятия, свои житейские привычки на новый лад. И, надеюсь, когда-нибудь у меня появится и характер...»

«...Печальная картина ближнего тыла. Разоренные избы и их обнищавшие обитатели... Мы остановились на зимние квартиры. Большой дом, бывшая корчма, без окон, с кое-как сколоченными дверьми, со сломанными нами печками (представь себе меня в роли печника — довольно забавно!) и двойными нарами, которые тоже нами же наскоро сколочены, по какой-то причине ходят, как живые, и я не ре[illegible] спать на [illegible]»

«Солдатская обстановка душит меня. Лучше уж под пули, но зато — человеком... Все мое участие в военных действиях сводится к обслуживанию летучей почты. Скучно и не героично! Праздник внутри меня возникает лишь с приходом твоих писем...»

«Сейчас ужасно много приходится ездить. Людей поубавилось: четверо выбыло из строя. Один расшибся насмерть, а троих отправили вглубь, в лазарет... То и дело ломаются мотоциклы. Мой недавно вышел из ремонта, и я один на посту. Не менее трех дальних поездок за день, а то и ночью гоняют. Разбудят, и в руки пакет, а на пакете: «Весьма срочно» Аллюр три креста... Вскакиваешь, и через три минуты несешься на предельной скорости по ночной дороге до следующего поста, а он далеко... На этих словах меня как раз и прервали: пакет! Дописываю, вернувшись».

«...У меня постоянно неприятности и стычки с начальством. Давно прошу, чтобы откомандировали куда-либо... Только что вышел казус. В команду доставили срочный пакет. А я еще с обеда заявил, что мой мотор требует починки. В команде еще пять машин. Но так как дело к ночи и ехать за 85 верст никому неохота, все заявили о каких-то неисправностях. Моторы-то действительно загнаны... Ну, нас — к командиру, который вернулся незадолго до этого из штаба. Выстроил, и у каждого спрашивает, что с машиной. Докладываем. А он мне: «Ты вообще не заботишься о моторе...» Несправедливо это, неправда, я люблю машину. Но смолчал. Он продолжает: «Не видать тебе школы прапорщиков». А я говорю: «Ваше высокоблагородие, не нужно мне прапорщика. Я бы с большой охотой ушел рядовым в окопы, лишь бы у вас не служить...» И ты знаешь, он ничего не сказал на это, почувствовал, видно, что у меня на душе, не решился распалять солдата. Времена-то немножко другие...»

«...Через пять дней дивизия уходит в дело...»

«Тут случилось одно обстоятельство, и, возможно (три раза плюю через плечо и ты сделай то же), службу продолжу в Москве... Не буду писать о своей жизни, ты не все поймешь, потому что открыто, как хотелось бы, написать не могу...»

Обстоятельством, о котором упомянул Юра, было его ранение в левую руку, в локоть.

— Приехал, рука еще в лубке... Каким вернулся? Со стороны, на людях, по-прежнему веселый, легкий в общении. Но я-то видела перемены в нем. Стал внутренне сосредоточенным, как бы глядящим в себя. Нет, не замкнутым, а именно всматривающимся во что-то и видящим такое, что недоступно человеку, который не был на войне. О чем бы ни говорил, что бы ни делал, он весь еще жил фронтом, войной... По-моему, Юра был уже к тому времени в партии. Правда, впервые он показал мне свой партийный билет после революции. Но, помнится, год вступления там был указан 1916-й... Как сняли повязку с руки, сразу же на занятия в «Сокол». И я с ним. Теперь мы были «братом» и «сестрой», как именовали себя по уставу члены этого общества... А летом семнадцатого, в самом начале июля, мы сыграли свадьбу. Венчались в церковке на Божедомке... Шаферами у меня были два приятеля моих братьев, а у Юры — два солдата, сослуживцы его по 193-му запасному полку. После венчания мы всей компанией в Кусково, к моей маме. Юрина матушка не смогла приехать из Ромен, где жила с дочерью. Болела. Мы собирались навестить ее, да не успели: она умерла в месяц нашей свадьбы.

— Ты расскажи, как и сама свадьба чуть было не кончилась печально.

— Что ты имеешь в виду, Аннушка? Ах, этот случай с коровой... Действительно, грустная могла быть история. Мы вышли все из дому пройтись немного, полюбоваться закатом. Шли по проселочной дороге, смеялись, пели. Вера, сестренка моя, незаметно отделилась от нас, скрывшись в траве. Ромашек хотела набрать в букет. И вдруг слышим ее крик. Бежит через поле, и за ней корова. В первый момент видеть это было забавно: худенькая, быстрая Верочка и откормленная, неповоротливая буренка за ней. Но расстояние между ними все меньше и меньше, длинные рога все ближе, вот-вот настигнут, ударят в спину. Мы замерли. И только Юра безрассудно метнулся наперерез. Представляете, без палки, без кнута. Пусть ловкий, пусть сильный, но разве справиться с разъяренным животным! И знаете, что он сделал? Остановился. Стоит спокойно, не пригнувшись для прыжка, даже руки не выставив для защиты. А ему и не от кого уже было защищаться: корова тоже остановилась, словно на стенку натинулась. Боднула разок-другой воздух и поплелась себе в сторону, меланхолически помахивая хвостом...

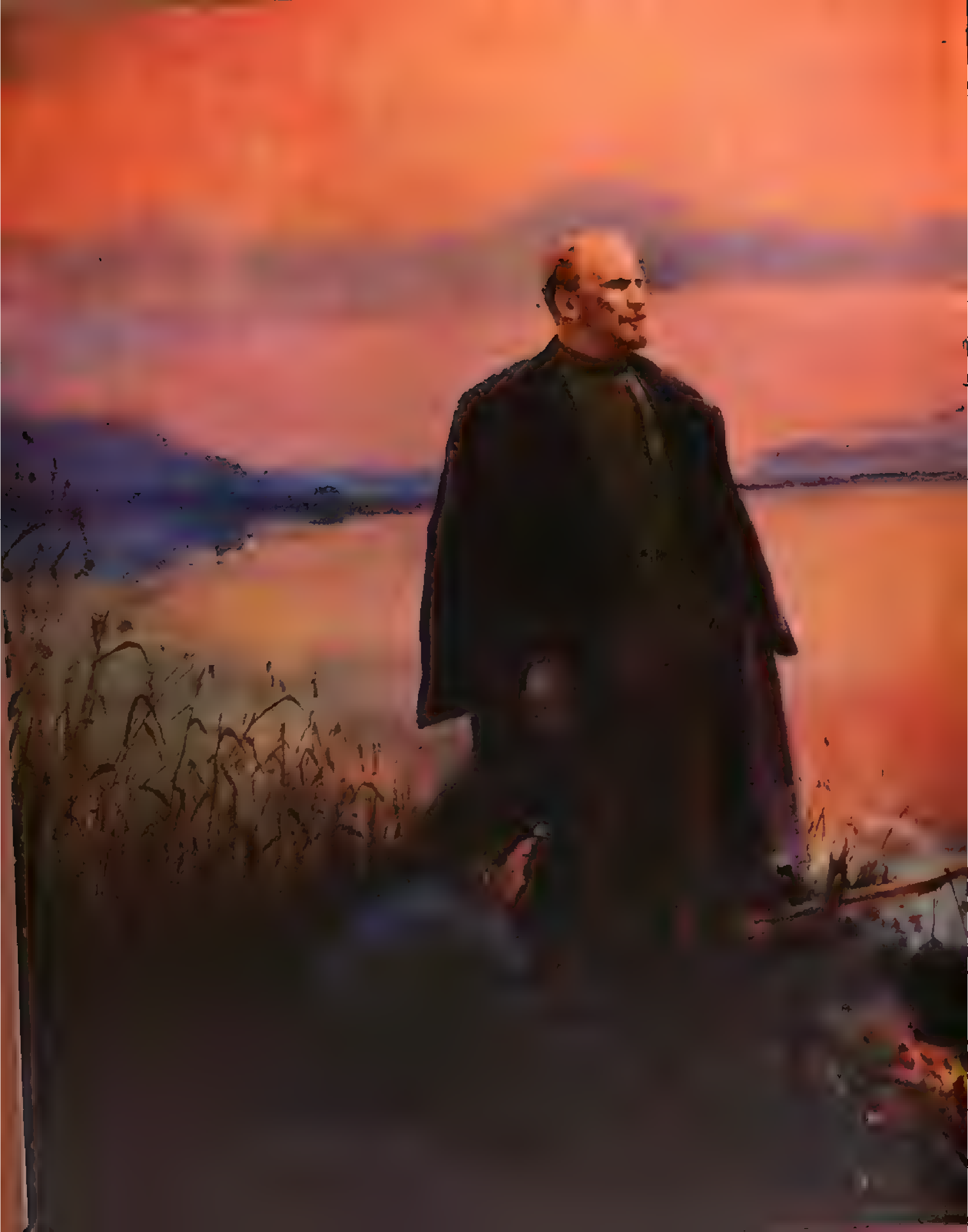
— Мы все к Юре, Вера повисла у него на шее, целует. А он говорит: «Это ж обычное дело. Я вырос в деревне и знаю, как в таких случаях обходиться с животными. Вот так, спокойненько, глаза в глаза. И кнут не нужен...»

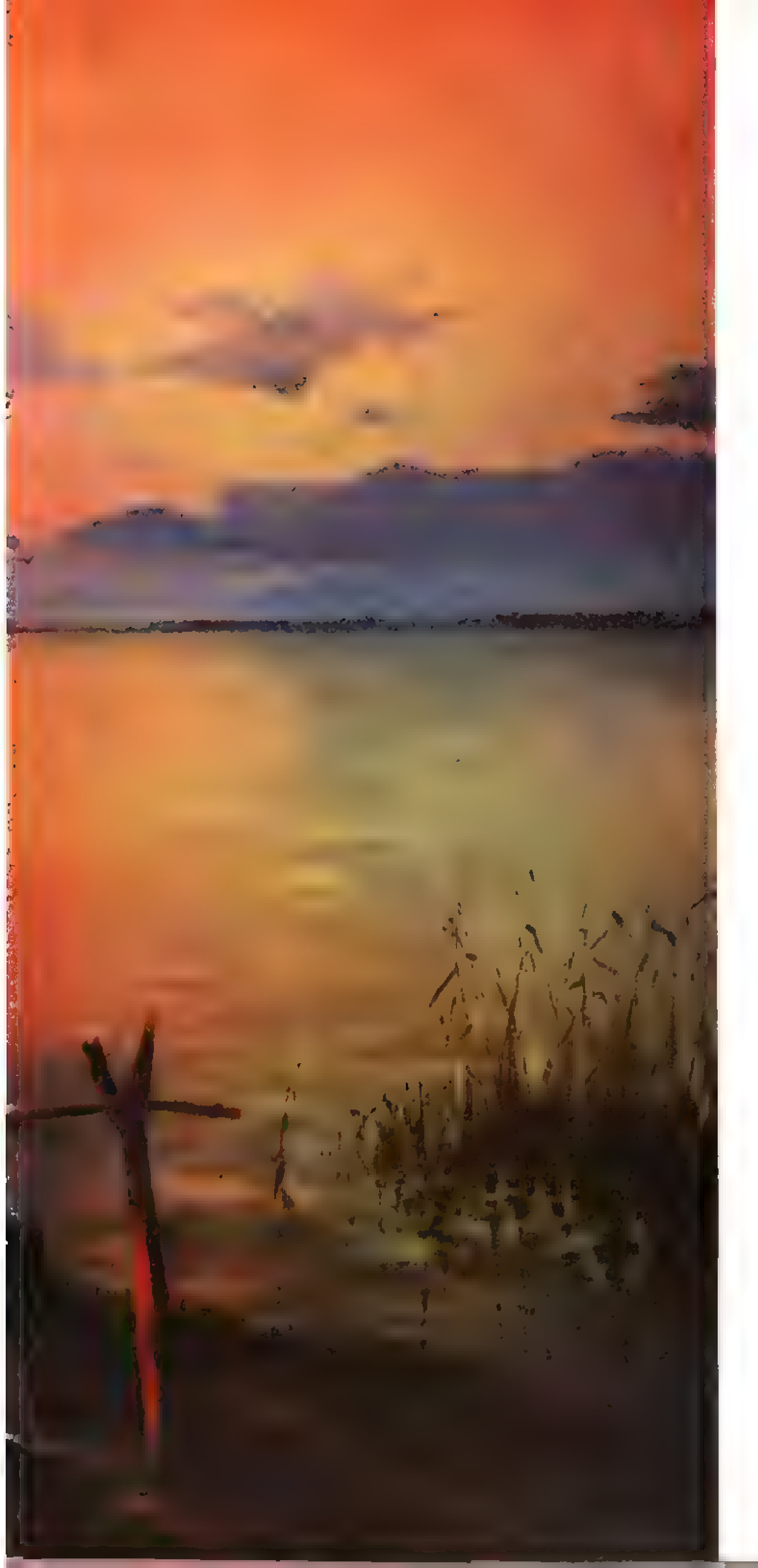
— ...Поженившись, мы жили у Корзинкиных в Барашковом. Юра, как солдат, был на казарменном положении, но довольно часто ночевал дома. В октябре как-то, я думаю, числа 25-го, он пришел позднее, чем обычно, в двенадцатом часу. И вытащил спрятанную под шинелью винтовку с перевернутым штыком. Прежде я видела у него лишь пистолет. «Поставь пока за комод,— сказал он.— И утром не говори своим, что я приходил с винтовкой. Напои чаем, и я пойду, мне надо быть ночью в казарме». В городе было очень неспокойно, говорили о событиях в Питере. И, зная настроения Юры, хотя и не ведая еще, что Юра в партии большевиков, я представляла, чью сторону он примет, если в Москве развернутся такие же события, как в столице. И я ни о чем не расспрашивала его в то короткое наше свидание вечером 25-го. Мы молча попрощались... Он не был дома неделю. Мы слышали стрельбу, доносившуюся от Сухаревой башни. Зять на службу эти дни не ходил, но на улицах бывал. Рассказывал, что в больницы везут и везут раненых, особенно много с Арбата, с Пречистенки, морги переполнены... Узнать, что с Юрой, было невозможно: казарма в Хамовниках, а Хамовники отрезаны от нас. Видя, как я тревожусь, Вера, ничего мне не сказав, отправилась на розыск Юры. А когда возвратилась, он был уже дома. Увидев его, Вера почему-то побледнела и сказала: «Это ты?» «Да я вроде бы,— сказал Юра.— А ты что, сомневаешься?» И она призналась, что обходила больницы и в морге Екатерининской опознала среди трупов убитых в уличных боях Юру... «Ну вот видишь, как хорошо,— сказал он.— Теперь меня больше не убьют, коль уже убили...»

— Георгий Тандетников,— сказал Петя,— был солдат, но он не был рядовым участником событий. 26 октября на полковом собрании его избрали в Военно-революционный комитет, где прапорщик Померанцев стал председателем, а солдат Тандетников секретарем. Сохранился документ, подписанный ими обоими. Это приказ по полку от 28 октября, который обязывал всех офицеров, находившихся в ротах, прибыть в распоряжение комитета. Любопытные пометки можно прочесть на оборо-

С. Сафонов. В. И. ЛЕНИН ПРОИЗНОСИТ РЕЧЬ НА ОТКРЫТИИ ПАМЯТНИКА К. МАРКСУ И Ф. ЭНГЕЛЬСУ.

Д. Налбандян. В. И. ЛЕНИН В РАЗЛИВЕ

В. Шаталин. УМЕР ЛЕНИН.

те приказа, вроде такой, например: «В 16-й роте нет ни одного офицера, был подпоручик Михайлов, и тот сбежал...» Но я про дядю Юру Тебе уже известно, что он являлся депутатом Московского Совета дореволюционного созыва. Совета — солдатского, в котором преобладали большевики .. В только что изданной книге «Октябрь в Москве», страница 332-я, среди активных бойцов революции назван Тандитный...

— Юрина партийная кличка... Он и после боев дома-то почти не бывал. Прибежит — и опять в полк, в Совет, в райком партии. Однажды говорит мне: «Наталочка, у нас в Совете, в Хамовниках, грамотных людей не хватает. Пойдешь?» У него бывала такая интонация, как будто спрашивает, а сам уже решил за меня: пойдешь! Я только сказала: «Юра, я ведь швея, модистка, протоколов писать не умаю». Думала, что самое главное там протоколы. А попала знаете на какое дело? В районную комиссию по борьбе со спекуляцией и контрреволюцией. Нет, это не была еще Чека... Дали мне двух красногвардейцев в сопровождение, и мы пошли в ночлежные дома на Бородиновке, на Плющихе. Имелись сведения, что прячут там мануфактуру. Ничего мы не обнаружили, плохие были сыщики... Моя розыскная деятельность длилась всего несколько дней, душа к этому занятию не лежала, и я очень обрадовалась, когда меня перевели в другую комиссию, в жилищную. Шло переселение рабочего люда из подвалов на верхние этажи, из халуп и бараков в хорошие дома, в особняки на Остоженке, на Пречистенке, на Арбате. Этим и занималась наша комиссия, которая вскоре стала отделом, жилотделом Хамовнического районного Совета. Заведующим был вагоновожатый Дрожжин, потом его выдвинули в Моссовет, а к нам назначили военного товарища по фамилии Тандетников. И я, как инспектор по распределению жилой площади, оказалась, таким образом, под непосредственным начальством у собственного мужа. Это обстоятельство, скажу вам, несколько угнетало меня. Я вздрагивала, когда он громко через всю огромную комнату обращался ко мне: «Наталочка, побеседуй, пожалуйста, с гражданином...» Я сдерживалась, а дома выговаривала: «Ну какая я тебе в служебной обстановке Наталочка? Это несерьезно, так нельзя!» Он клялся быть официальным со мной на работе, но обещание, конечно, забывал, и снова раздавалось то и дело: «Наталочка... Наталочка!..» Ужасная мне виделась в этом семейственность... Мы переселяли людей, а у самих тоже назревала необходимость переезда. Дело в том, что мой зять Дмитрий революции не понял и не принял. Должны были пройти годы, чтобы изменились его взгляды, его психология. А пока что он резко размежевался и с моими братьями и с моим мужем — большевиками. Обстановка дома стала невыносимой. И нам нужно было подыскивать другое жилье.

— И заведующий жилотделом сказал своему инспектору: «Пойдем, поищем, Наталочка, по объявлениям в городе». Так ведь было?

— А ты считаешь, что должно было быть иначе? Пользуясь властью, подходящим моментом, реквизнуть для себя квартирку? Ты бы и сам, Петя, так не поступил... В те дни многие владельцы квартир, зная, что их все равно уплотнят, вывешивали объявления, чтобы заранее подобрать себе жильцов. Вот мы и списали с заборов адреса. Помню, на Зубовском бульваре дверь нам открыла шикарная дама, на генеральшу похожа. А перед ней, представляете, солдатик с подружкой. Окинула меня, естественно, презрительным взглядом, а солдат... солдат ей определенно понравился. Она сказала: «Проходите, пожалуйста». Мы поселились в прекрасной солнечной комнате. Хозяйка, которая и в самом деле оказалась генеральшей, говорила мне потом: «Вы знаете, Наталья Федоровна, почему я сразу пустила вас в квартиру? Потому что в вашем муже-солдате я узнала того самого человека, который, когда я пришла недавно в этот, как его?.. районный Совет, вышел мне навстречу из-за стола и любезно предложил сесть. Чем и удивил несказанно, поскольку в наше грубое время я уже успела отвыкнуть от каких-либо проявлений вежливости...»

— Дядя Юра, кажется, недолго был твоим начальником.

— С полгода. Я уже почти смирилась, и вдруг его — в отдел народного образования. Он собирался, между прочим, и собственное образование продолжить. В институт путей сообщения хотел.

— Но пути ему выпали иные,— говорит Петя.

— Летом восемнадцатого — мятеж эсеров в Москве, Юра участвовал в подавлении. Осенью — командировка на Украину, в подполье. На Скоропадского, как тогда говорили...

— Ставленник немецких оккупантов гетман Скоропадский,— незамедлительно срабатывает справочный автомат Корзинкина.

— Я получила от Юры несколько писем с дороги, из Орла, из Унечи.

«...Выехал из Москвы в прошлую пятницу — сегодня новая пятница. Ждать — самая тоскливая повинность. Скорее бы вожжи в зубы — и в Киев...»

«Я еще не занят делом, на которое послан, но вот-вот примусь... Как тебе нравятся события в Германии? Если так пойдет дальше, то на Украине это быстро аукнется в полную силу. Я предполагал, что так должно случиться, а ты немножко посмеивалась над моим «безудержным оптимизмом». Надеюсь, что я был пророком, чьи предсказания полностью сбываются, и счастлив, что смогу что-то сделать для их осуществления. То-то будет праздник!»

«Закончил сборы в дорогу... Еду без всяких хитрых, тень набрасывающих документов, по собственному паспорту. Так надежней...»

«Буду работать не в самом городе, а где-то в области, как агитатор и как организатор... Не ведаю, когда смогу теперь написать тебе. Но знай, что твой Юрка вывернется из любой петли».

Пока он ездил на Скоропадского, в моей жизни произошла серьезная перемена, подготовленная, собственно, Юрой. Я уже говорила, что была его «сестрой» по «Соколу». Блестящий гимнаст, он и меня кое-чему обучил. В то время не присваивали спортивных разрядов, но думаю, что на нынешний второй я бы вытянула... И вот к нам в район прислали путевки в новый, только что созданный институт. Таких прежде не было институт физической культуры. Теперь он знаменит, у него десятки тысяч воспитанников. А тогда, получив путевку, я не очень-то понимала, кем выйду из этого учебного заведения. Оно разместилось в помещении прикрытого в революцию института благородных девиц. Кстати, часть благородных девиц тоже пожелала посвятить себя спорту и была принята в число первых студентов Инфизкульта... В связи с этим обстоятельством Юра мой оказался в забавной ситуации. Он вернулся как раз из командировки, одобрил мое поступление в институт и решил побывать у нас на занятиях в гимнастическом зале. Когда он вошел, у шведской стенки работала женская группа, десять нас было. Юра скомандовал: «Кто тут дворянки, шаг вперед!» Пошутил, уверенный, что дворянок нет, ну, может быть, одна или две. А шагнули девять. Лишь я, как дочь крепостного, осталась стоять на месте... В дальнейшем, как вы понимаете, социальный профиль института был выправлен. Но в тот день — я не хочу подкрашивать факты — было так: девять и одна... Юра, понятно, был несколько смущен, но, как человек воспитанный, галантный, сказал: «Я приветствую вас всех вместе, а каждой в отдельности посвящаю гимнастическое упражнение». И последовал стремительный каскад фигур. Перед одной дворянкой — сальто, перед другой — стойка на голове, перед третьей — изящный выпад с поворотом, перед четвертой — вольное движение — импровизация, перед пятой — я уж не помню что... А в честь крестьянской дочери, супруги своей, лихо прошелся на руках... Гимнаст был необыкновенный!

— Запиши, пожалуйста, что Наталье Федоровне по окончании Инфизкульта выдали диплом № 1,—сказал Петя.—И ее правомерно считать первой в нашей стране дипломированной, с высшим образованием спортсменкой. Она была оставлена при кафедре и до середины тридцатых годов преподавала в своем институте, а затем в медицинском. Специальность — лечебная физкультура. Зайди-ка на досуге в 1-ю клиническую детскую больницу. Знаешь, бывшая Морозовская. Тебе расскажут там, сколько ребят поставила на ноги тетя Наташа...

— У тебя все, Петя? Я могу продолжить?

— Извини, но моя справка была совершенно необходимой...

— Совершенно необязательной. Ну, хорошо... Юра, вернувшись с Украины, через какой-нибудь месяц снова уехал на Скоропадского. Вторая его командировка в подполье чуть-чуть не завершилась провалом. Вы прочтете об этом в Юрином единственном, пришедшем из той поездки письме...

«...Ух, наконец-то я, Наталочка, дома, в Совдепии, как выражаются теперь на Украине. Переехал я границу туда 8 ноября, а переходил обратно 29-го. И за это короткое сравнительно время всякого я хватанул и навидался... Ехал в ту сторону с женщиной, которая должна была связать меня с нужными людьми. Но в трех верстах от станции возница вдруг заартачился и отказался везти дальше. А тут у меня еще сумка с бельем пропала — то ли украли, то ли с возу свалилась. Осталось только одеяло, которым я прикрывал ноги... На вокзале моей спутнице благодаря некоторому кокетству и красным глазкам удалось сесть в служебный поезд. А я и ноги не успел занести на ступеньку вагона, как был схвачен за руку охранником из «варты». Предъявил паспорт. Препроводили в комендатуру, а оттуда в самую «варту», охранку ихнюю. Просидел там три дня. Допрашивали почти беспрерывно. И снова выручило мое депутатство. Меня представили для опознания некоему «депутату Московского Совета», меньшевику. Он признал меня и спрашивает: «Как вы сюда попали? Зачем?» А я ему те же вопросы. «Я,— говорит,— разочаровался в социалистических идеях и решил начать на Украине новую жизнь». «Вот и я,— говорю,— разочарованный. И тоже хочу жить на родной Украине. Приехал с молодой женой и собираюсь купить дом». Не знаю, насколько это было убедительным, но меня отпустили... Я еще раз угодил в охранку. Они там неплохо осведомлены о нашем подполье, кто-то предает... Пытались запутать меня, уличить в связях с конспиративными организациями, называли фамилии, имена... Но я прошел через испытания благополучно, о чем свидетельствует мое пребывание в Унече, на пути в Москву. Пишу письмо тебе, а возможно, доберусь до Москвы быстрее его...»

— Приехал в один день с письмом. Дома меня не застал, я была в институте. А на столе в кухне конверт нераспечатанный — его письмо из Унечи, утром принесли, когда я уже ушла из дому. Он взял красный карандаш и — видите? — размашисто по конверту: «Люблю! Люблю!! Люблю!!!». И отправился на Гороховскую, навстречу мне, но мы разминулись... Вхожу — на столе письмо от Юрки! И три этих слова на конверте — большими красными буквами. И тут уже слышу, сам он взбегает по лестнице... На этот раз пробыл в Москве чуть подольше — до мая девятнадцатого года. В мае — партийная мобилизация. На Деникина!.. Прибежал в институт: «Наталочка, уезжаю! Идем со мной... Скорее!» «Куда? На вокзал?» «Нет, к сапожнику!» Ничего не понимаю, но он тянет меня за руку, и я бегом, бегом за ним. Достал, оказывается, кожу, чтобы сшить для меня туфли и сапожки. Надо мерку снять... Я бережно носила, я долго сохраняла этот Юрин подарок...

Последние письма.

«Получил назначение. Говорят, интересное. Сегодня еду в 5 часов...»

«Работа моя, как гласит удостоверение, политическая. Вроде той, что была в полку перед Октябрем...»

«Народу в батальоне — четыре тысячи, а у меня в роте соответственно — тысяча. Вот уже вторые сутки как комиссарствую»

«...Особенно трудный день Прислали еще двести человек. И среди них два матроса-черноморца. Стóят остальных ста девяноста восьми — по темпераменту, по сложности политических убеждений, если у них есть убеждения. Утром — большевик, к вечеру — эсер... При мобилизации в соседней волости вспыхнул легкий мятеж, побили агитатора-несклздеху Пришлось немножко повозиться... В деревнях полное отсутствие партийной работы, кустарничество какое-то у местных властей, шараханье из одной крайности в другую... А народ в общем-то славный. И если людям как следует объяснить и растолковать нашу политику, можно смело приступать к социальным рефор[redacted]..».

— Последнее письмо со станции Мальчевская...

— Это в пятнадцати километрах севернее Миллерова,— говорит Петя.

— Датировано 24 мая.

— В эти дни Деникин начал свое наступление из района Ростова..

— Больше писем не было...

...Мы побывали с Натальей Федоровной у профессора Померанцева.

Поздравили Алексея Александровича с орденом Боевого Красного Знамени, которым он награжден к 50-летию Советской власти.

Возвращались на метро, вышли на станции «Парк культуры». По Метростроевской — к Померанцеву переулку.

Рядом — Еропкинский. Тот, по которому 193-й полк прорывался с Остоженки на Пречистенку.

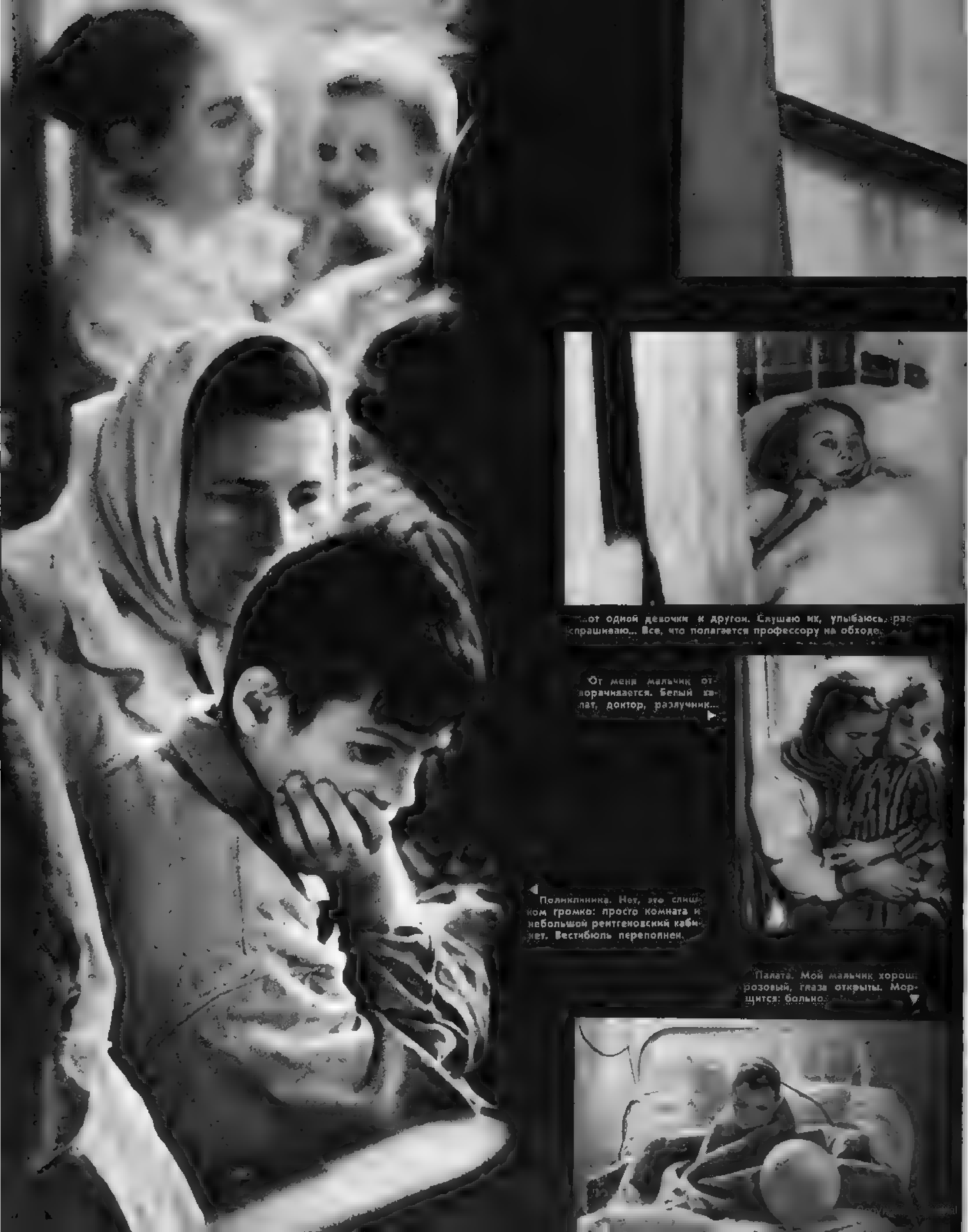
Вот бы и дать этому переулку имя Тандетникова. Чтобы снова они оказались рядом, прапорщик и солдат,— и теперь уже навсегда.

АМОСОВ

Операционный стол, сердце. Чья-то судьба и — ты ее судья и надежда, часто [illegible]

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА

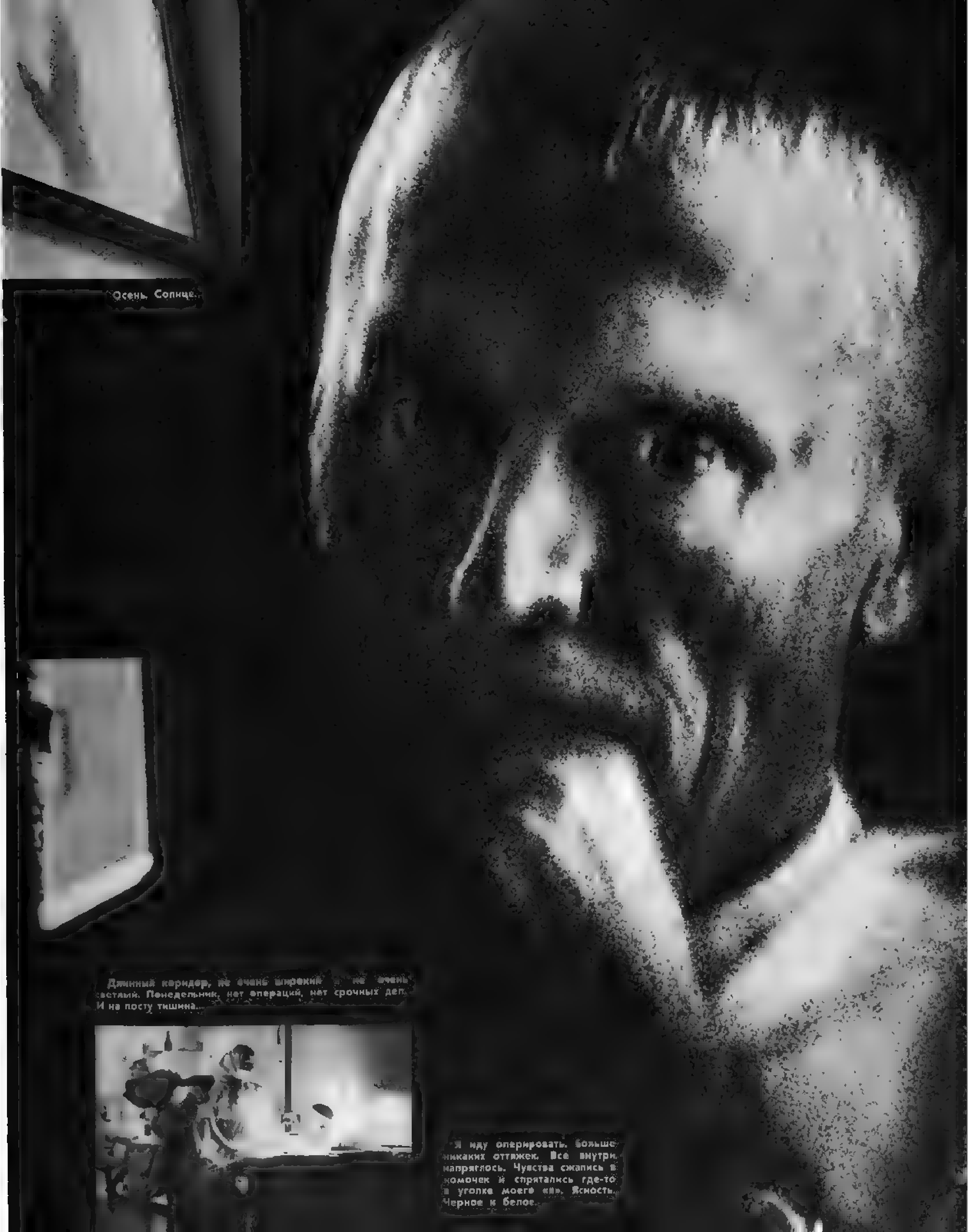

...от одной девочки к другой. Слушаю их, улыбаюсь, рас-спрашиваю... Все, что полагается профессору на обходе.

От меня мальчик от-ворачивается. Белый ха-лат, доктор, разлучник...

Поликлиника. Нет, это слиш-ком громко: просто комната и небольшой рентгеновский каби-нет. Вестибюль переполнен.

Палата. Мой мальчик хорош: розовый, глаза открыты. Мор-щится: больно.

Осень. Солнце...

Длинный коридор, не очень широкий и не очень светлый. Понедельник, нет операций, нет срочных дел. И на посту тишина...

Я иду оперировать. Больше никаких оттяжек. Всё внутри напряглось. Чувства сжались в комочек и спрятались где-то в уголке моего [illegible]. Ясность. Черное и белое.

Быть хирургом Николай Михайлович Амосов не собирался. Техникумы. Заочный индустриальный институт в Москве.

Однако после двух курсов институт сменен на медицинский. Два курса окончены за год. Дальше параллельно два вуза: в одном — на врача, в другом на инженера. Медицинский диплом с отличием. Индустриальный — с отличием.

Аспирантура в медицинском.

Потом война. Амосов — ведущий хирург полевого госпиталя.

Пятидесятые годы. В мире делаются первые операции на сердце. Амосов уже доктор, профессор, специалист по легочной хирургии. Впереди — сердце. Профессор Амосов решает задачи хирургии, инженер Амосов разрабатывает чертежи аппаратов искусственного кровообращения...

Человек познаваем. Можно понять не только простые его функции, но и высшие сознание, волю, считает Амосов. А познать — значит смоделировать. Построить функциональную модель человека, его мышление, его психику. Все зависит от степени приближения модели к оригиналу. Степень приближения — от многого, в частности от технических средств, которыми располагает человек. Но принципиально — разрешимо.

Из-под пера Николая Михайловича вышло немало работ, часть из которых посвящена проблемам кибернетики. Ту же мысль — проблемы моделирования функций человека, общества, которое является тоже системой, только на несколько порядков еще сложнее человека, — автор поднимает и в книге «Записки из будущего», в книге, которую хочется скорее назвать не научно-фантастической, а научно-гипотетической. Мы публикуем отрывок из второй части книги.

Профессор Прохоров, погруженный в состояние анабиоза, просыпается через 50 лет. 2021 год. Многое изменилось. Основное — вторжение думающих машин во все сферы человеческой деятельности.

В Японии создан Искусственный Разум — машина, обладающая сознанием, чувствами, собственным «Я».

В отрывке, представленном автором, — посещение Прохоровым научного центра, где обитает господин Оманкана — Искусственный Разум

Сегодня в первый раз был у господина Оманкана, Искусственный Разум № 1, Самое Умное Существо, Гений. Журналисты придумали много легковесных названий.

Мудрец еще юн, и его ревниво берегут от назойливых посетителей. Беседы записывать не разрешают: вдруг покажется глупым? Скандал. Но пока доказательств гениальности не слышно. Или мы, люди, не понимаем?

В общем, посмотрим.

Шин везет меня по Хайвей в университет, где Его дом. Очень быстро везет, 120 километров в час. Она пытается рассказывать, но мне не до зданий, не до каналов, ни до чего. Непривычна такая скорость, и машины впритирку. Конечно, автоматы, но все же...

Наконец съехали с этой сумасшедшей дороги на обычную улицу Хонго-дори-авеню, сбавили темп и справа увидели университетский парк. Густо торчат над деревьями высокие, в новейшем стиле здания факультетов. (А раньше, говорят, были спокойные кирпичные трехэтажные домики...) Заехали под землю. Паркинг.

Прошли в парк. Старые деревянные ворота — два красных столба и перекладина. Вот берег игрушечного озера, скалы, сосны, снежные лебеди, горбатые деревянные мостики, прошлый век — и стоп. Простой куб из пяти этажей. Одна стена глухая, и на ней японская мозаика того старого, нежного стиля.

Я немножко волнуюсь. Но, как оказалось, напрасно.

Большой темноватый, прохладный вестибюль с маленьким фонтанчиком в середине, с золотыми рыбками в бассейне. Простые деревян- [illegible]

Два полицейских проверили пропуска при входе, в тамбуре. (А на улице шатаются любопытные туристы — хотя бы посмотреть место, где живет Он. Уже ходят легенды о его доброте и мудрости. Даже в наш скептический, шибко информированный век.)

Я остался ждать на полированной скамье, рассматривал полумрак, тишину, пока милая Шин ходила во внутренние покои Мудреца. Еще сидело человек десять (а может, двадцать) японцев и иностранцев скучного ученого вида.

Часы пробили девять, медленно, значительно, тихо и в то же время громко — как и долж- [illegible]

Дверь отворилась, вышел человечек и тихо пригласил:

— Come In.

Я помешкал, поискал мою девушку, но она не появилась, и нужно идти, чтобы не опоздать. Казалось, если эти темные двери закроются, то их не открыть никакими силами.

Пусть уж мисс Шин заботится о себе сама.

Вошли в большую комнату. Нас оказалось двенадцать. У порога маленькое, крепкое рукопожатие немолодого японца с усиками, в очках, и представление:

— Профессор Ямага.

— Профессор Прохоров.

Чуточку дольше рукопожатие, чуточку любопытный взгляд и маленькая улыбка.

Русское:

— Здравствуйте.

Я был почти последним (вдруг Шин еще придет? Неловко).

— Прошу вас, господа, садитесь.

Сели. Осмотрелся. Кресла полукругом. Удобные. Хозяин встал посредине. Спокойный, маленькая искорка иронии, едва заметная. (Или она только кажется, когда ждешь отражения [illegible]?)

Ученые обезличенного вида. Две женщины без возраста. Разные аппараты на ремешках. И у меня тоже Анин магнитофон с малюсенькой камерой.

— Прошу меня извинить, господа. В нашем доме такой порядок, что сначала с гостями беседует кто-нибудь из членов комитета, сегодня это буду я, и только потом, наверное, завтра, вы увидитесь с Оманкана. Такой порядок.

Нового, по всей вероятности, ничего не услышите, наша беседа повторяется и уже перечиталась. Скорее это — напоминание. Потом отвечу на вопросы.

Мы и с этим были согласны. Седой высокий американец, узурпировавший право представлять нас, сказал:

— Yes, сэр. Мы готовы слушать.

Я все записал на пленку. Рассказ был короток и популярен: рассчитан на публику. Потом автомат в гостинице перевел и напечатал текст. Ямага говорил по-английски, как американец:

— Господа! Проблема искусственного разума имеет теперь не качественный, а количественный аспект.

По классификации нашей школы академика Сумо к категории разумных можно отнести только установки, обладающие сознанием хотя бы в самом его примитивном виде.

Конечно, большинству из вас известны классические признаки «Программы Сознания». Первое — внимание, то есть способность выделить и усилить одну, самую важную для человека в данный момент модель, а все другие — притормозить. Усиленная модель — это мысль. Она — в Сознании. Внимание устает, и усиление обязательно переключается с одной модели на другую, потом — на третью, потом может вернуться. Это и есть движение мысли — мышление.

Второе — формирование моделей собственного «Я» и многих «не Я», определение их во времени, в пространстве, в отношениях друг к другу. Эта ступень сознания характеризует взрослого человека, тогда как первая есть даже у высших животных.

Третье — воображение, планирование собственных и чужих действий, речь.

Четвертое — моделирование [illegible] и чужих мыслей. Чем выше ступень сознания, тем больше отношений находит отражение в коре. Тем больше способность перевоплощаться, многоплановость мышления. К сознанию же относится «свобода воли» — способность концентрировать и направлять возбуждение на избранные модели.

Разумеется, там, где есть Сознание, то есть усиление одной модели, присутствует и Подсознание — взаимодействие заторможенных моделей. В Подсознании перерабатывается масса информации, так как там действует огромное число моделей, хотя и с низкой активностью. Главная функция Подсознания — готовить материал для Сознания, оставаясь скрытым... Впрочем, все это вы знаете...

Самое общее качество мозга — это выделять и перерабатывать информацию о внешнем и внутреннем мире. Познание — это создание моделей. Действия — это реализация моделей в движениях, речи. Модели, модели, модели... Бесконечное число возможных моделей! Даже из простых систем, а о сложных и не говорю. Целые иерархии моделей смысла, качеств, сложных понятий... В конце концов ум, интеллект, как раз и заключается в том, сколько моделей в коре и как ими манипулировать. Умный во всяком явлении или системе видит много смыслов и качеств, соотносит их с массой других систем, прикидывает, как бы их изменить и направить... А глупый? Глупый — и так понятно...

Простите меня за столь длинный экскурс в область банальных истин. Теперь ближе к [illegible]

Искусственный Разум предназначается для того же, что и наш собственный: для переработки информации. Это моделирующая установка, способная манипулировать с моделями по программам сознания и подсознания. Это не только счетная машина, это уже индивидуум, личность, обязательно с собственными чувствами и желаниями. Как и в живом мозге, чувства являются источником энергии для мышления. У живых они производные инстинктов и рефлексов, идут с тела, а тут мы должны задать эти рефлексы сами. Рефлексы и чувства определяют субъективность моделей. Накладывают колорит личности, придают индивидуальность...

Н. АМОСОВ

ГЛАВНОЕ — МОЗГ

— Но не только это. Необходимым качеством является память — способность образовывать связи между моделями и забывать их при неупотреблении. Второй фактор памяти — это повышение активности моделей в результате частого повторного возбуждения, тренировка. На этом основана самоорганизация мозга.

Вот, собственно, и все, что нужно для проектирования Искусственного Разума.

Я полагаю, что все вы уже имели дело с Разумом. Знаете, что обычно это просто очень большая и быстроходная цифровая счетная машина, в которую заложены многие из тех программ, о которых я только что говорил. Конструкторы создают структуру моделей, придают им определенные характеристики, задают первоначальную систему связей, механизмы внимания, а потом обучают, тренируют по определенной программе. Теперь это отработано хорошо. Можно заложить и самоорганизацию, то есть образование новых моделей смысла и качества, однако в ограниченных пределах. Разум на цифровых ЭВМ работает относительно медленно, так как расчет большой нейронной сети с изменяющимися характеристиками элементов и связей требует очень много счетной работы. Хотя в новых машинах считают параллельно в несколько каналов, но все равно получается относительно медленно.

Разумеется, многие из вас слыхали, что давно создались нейронные сети из физических элементов, буквально моделирующих нервные клетки. Преимущества очень заманчивы — переработка информации ведется одновременно всеми нейронами, так что суммарная скорость резко возрастает. К сожалению, до последнего времени создать сложные сети не удавалось.

Так вот, главное отличие нашего мозга состоит как раз в том, что он весь создан из искусственных нейронов и их комплексов. Работа велась в течение двенадцати лет очень широким фронтом — нейрофизиологи, психологи, электроники-технологи, конструкторы вычислительных машин. Кроме того, физики и химики и еще много других. Не только японцы, а и русские, американцы.

Мы создали очень большую нейронную сеть, превышающую естественный мозг,— двадцать миллиардов элементов. Число соединений составляет цифру с тринадцатью нулями. Это [illegible]

Я не буду вдаваться в технику, значительная часть ее запатентована, а некоторая еще секрет наших фирм. Мы создали искусственную функциональную единицу, моделирующую специфическую функцию нервной клетки — ее возбуждение, активность. Больше того, мы сделали нейрон гораздо лучше естественного. Основное преимущество — быстродействие. Инерция в тысячу раз меньше! Режимы мышления могут быть ускорены в сотни раз. Вы скажете длинную фразу, она будет записана в памяти, пока Омаинаиз думает совсем о другом. Когда вы кончите, он проанализирует ваши слова в долю секунды, выдаст ответ, а его органы речи произнесут ответ с выразительными интонациями.

Но это еще не все. Мозг может работать на специальном режиме обучения, когда запоминание ускоряется в сотни раз. Мы обучили Омаинаиз за один год, несмотря на естественные неполадки.

— Количество моделей, которое может запомнить мозг, очень велико, но не бесконечно. Поэтому сделано прямое сопряжение с внешней памятью, построенной, как и в обычных цифровых машинах. Она хранит массу сведений... Туда же Омаинаиз выносит результаты своей работы — все равно что наши записи. Еще есть прямая связь мозга с национальной библиотекой.

Память, господа,— это еще не ум. Вы отлично знаете, что наши электронные библиотеки делают подборку любых материалов, составляют рефераты, даже обзоры, но на открытия не способны. Мозг Омаинаиз — творческий от начала до конца. Это не только творчество конструктора — методом перебора, мы надеемся, что он создаст нечто принципиально новое... Конечно, не следует преувеличивать... Гениальные открытия не валяются на дороге...

Сейчас Омаинаиз очень увлекается математикой, и в этой науке он, видимо, преуспеет.

Вот то главное, что я хотел вам рассказать. Теперь я готов ответить на вопросы...

(Немного молчания. Потом поднялась одна из дам, судя по всему, ученая дама, которая всю жизнь что-то подскребывает около своего крупного шефа.)

— Мистер Ямага... Говорят, что гении бывают добрые и злые. Не будете ли так любезны... какие чувства и стимулы вы придали этому мозгу, простите, мистеру Омаинаиз? Мы, женщины, интересуемся чувствами. Если, конечно, это не секрет.

— Нет, почему же. Прежде всего универсальные ощущения приятного и неприятного. Затем несколько сложных рефлексов со своими чувствами: любопытство, заставляющее его искать, рефлекс цели, дающий радости творчества и труда, самовыражение, делающее его общительным. Правдивость, немножко подражание... От инстинктов мы взяли производные чувства — жалость, симпатии к людям. Из эмоций — радость, но также и страх. Властолюбие, тщеславие, гнев и ненависть постарались блокировать нацело... Но... нельзя гарантировать, что все ограничится заданными чувствами. Высшие ступени сознания, позволяющие перевоплощаться, могут создать новые чувства, так же как человек может представить чувства другого, даже если он сам их и не испытывал. Правда, подкорка в чувствах человека все-таки сильнее. Кроме того, мы вынуждены были придать инстинкт защиты и даже немножко азарта...

— Еще вопрос к этому, если позволите. Каковы стимулы его деятельности?

— Любопытство, удовольствие от работы и творчества, от общения с людьми, от искусства... вполне достаточно.

— Можете ли вы предвидеть границы самоорганизации мозга?

— Sorry?

— Не может ли Омаинаиз увлечься чем-нибудь, сильно увлечься, до грани?..

— Понял, спасибо. Увлекаемость необходима, она заложена в характеристиках нейронов в виде способности к повышению функции при упражнении. Но не беспредельно. Этим мы хотели удержать Мозг на земле, так сказать... Не знаю, насколько это удастся. Пока его мыш[illegible]

— Мистер Ямага, можете ли вы изменить характеристики нейронов? Моделей?

— Нет, уже не можем. Мы долго экспериментировали, пока выбрали, теперь уже что получится... Риск, конечно, есть, потому что ансамбли нейронов могут вести себя иначе, чем их элементы... Еще вопросы?

— Расскажите нам о рецепторах и эффекторах мистера Омаинаиз.

— Я не знаю, имею ли я право задерживать всех ответом на ваш вопрос... об этом много писали в популярной прессе...

— Не надо, спасибо. Знаем!

— Еще вопрос... можно? Чем занимается мистер Омаинаиз?

— Он думает. Это — его основное занятие. Но он работает — так его воспитывали — несколько часов работы. Он не управляет нашими министерствами, они имеют свои ВЦ с обычными думающими машинами. Но к нам приходят за консультациями из правительства, из научных центров, даже из частных фирм. Правда, он их не жалует.

— Что же он, социалист?

— Конечно... по-своему. Мы зарабатываем деньги, так как нужно платить долги, отдавать ссуды. Кроме того, творчество. Теперь мы работаем вместе с ним — наращиваем мозг, создаем новые вводные устройства. Блочная система хоть и сделала мозг громоздким, но зато можно приключать новые этажи. Например, очень интересно непосредственно «ощупывать» сложные электронные модели в процессе работы и прямо получать математические зависимости.

— Но большую часть дня Омаинаиз занимается чем хочет. Он читает, смотрит телевизор, приглашает в гости своих друзей, просто интересных людей. Или к нему в студию приходят дети. Или он путешествует. Вернее, путешествует кто-нибудь из служащих с его дистанционными датчиками — зрением, слухом... Поймите, самое главное — это человек, очень умный, очень приятный, со своим строем души, со странностями, с характером... Вот толь[illegible]

— Что «только»?

— Нас беспокоит жажда информации. Если ему не интересно, значит, все — уходи. Людям с ним трудно.

— Еще последний вопрос: каковы ваши возможности контроля за деятельностью этого мистера Омаинаиза? Знаете ли вы, о чем он думает?

— Нет, мы не контролируем его мысли. Зачем? Мы видим его деятельность, она проходит через нас и вместе с нами, чего же еще? Зачем нам приключать к нему шпионов?

— Глубокоуважаемый мистер Ямага, мы очень благодарны за информацию... приносим извинения за излишнюю назойливость. Я лично буду рад вас видеть нашим гостем в Штатах.— Американец посмотрел с высоты своего роста.

Пожали руки и простились. Ямага очень любезно улыбался, как это ведется в их стране испокон веков... Впрочем, пожалуй, нет. Он был просто вежлив, и собственного достоинства хоть отбавляй. Что же, они имеют право.

В вестибюле нам вручили конверты с приглашениями. «Мистер Прохоров, вас просят пожаловать для беседы... Вы можете задать два вопроса... К сожалению, Омаинаиз очень занят и не может уделить вам более двадцати минут...»

Не жирно — двадцать минут. Ведь я не он, скорость ввода и переработки информации не[illegible]

Моя девушка ждала меня, и я чувствовал себя неловко. Извинился.

— Я знала. Такой порядок. Я только маленькая студентка. Но профессор Ямага и нам рас[illegible]

В общем, это продолжалось всего сорок минут. Свидание послезавтра в 13.30. Но что можно услышать за двадцать минут?

Думаю над вопросами...

Перечитал текст, вспомнил. Беседа скучновата, все чувствовали скованность... Даже наш лидер-американец, что представлял и благодарил. Такой самоуверенный седой лев в огромных ботинках. Дама — «О чувствах» Синий чулок. Я думал: привяжется с расспросами — они дотошные, ученые дамы. А этот товарищ, что спрашивал о контроле, похоже, из политиков. Или из службы безопасности. Говорит с акцентом... Ямага обиделся.

Хотелось расспросить о настроениях, мыслях. Упомянул: «Жажда информации». Это и у людей — все больше и больше. А ему, наверное, беда. Все скучны и глупы. Высокий уровень сознания. Перевоплощение, многоплановость — это важно. Многоликость собственного «Я». Идея «Присутствия»: Анна, друзья, все люди незримо управляют моими действиями, из подсознания. Нет, Фрейд неправ: когда модели сильно возбуждаются сознанием, они направляют процессы в подсознании. Единство. Впрочем, это пустое слово — важна мера взаимного влияния.

Еще о гениальности. Говорят, чтобы сделать гениальное открытие, нужно разорвать привычные связи между моделями в коре... взболтать мозг... Только тогда смогут образоваться новые, неповторимые, гениальные сочетания... Можно ли это у него?

О чем все-таки спросить? Так не хочется показаться дураком.

ПИСЬМА С ОПАЛЕННОЙ ЗЕМЛИ

Александр СЕРБИН,
специальный корреспондент
«Огонька»

Фото автора.

Письмо первое: МОСКОВСКОМУ ДРУГУ

...Мы живем поистине у Будды за пазухой. Это письмо я пишу в пагоде, и добрых четыре десятка буддистских божеств неподвижным и загадочным взглядом следят за моим занятием. Вьетнамские друзья поселили нас, корреспондента «Правды» и корреспондента «Огонька», не в гостинице соседнего города, который часто бомбят американские самолеты, а здесь, в этой пагоде.

Вокруг, насколько хватает глаз, рисовые поля — аккуратные квадраты, залитые водой. Они то голубые, когда в них днем опрокидывает свою лазурь чистое небо, то серо-стальные, когда небо затягивается тучами, пришедшими с моря, то вишнево-красные в час заката. И посередине, окруженная этим волшебно меняющимся цветом, стоит на клочке сухой земли наша пагода, с традиционно загнутыми вверх углами крыш, с лепными изображениями суровых воинов в латах на наружных стенах, с изваяниями сердитых драконов у входа, уже не первое столетие охраняющих храм,— стоит, как песня из камня, как изысканное стихотворение древнего вьетнамского поэта. В пагоде мы ведем беседы с друзьями. Здесь мы садимся за обеденный стол, и вокруг нас витает пряный аромат благовоний, дымящихся на алтарях. Пагода дает нам пристанище на ночь, и мы засыпаем под протяжный тонкий голос буддистского монаха, который поет свои вечерние молитвы, сопровождая их печальными и размеренными ударами в деревянный гонг.

Все вокруг проникнуто древней экзотикой Востока, и бывают мгновения, когда кажется, что ты перенесся далеко от тревог нашего века, в тридевятое царство за морями, за долами. Но очень коротки эти мгновения. Их властно прогоняет современность.

Мы знаем, что у нашей пагоды есть свои заслуги перед вьетнамской революцией. В годы сражений против колонизаторов в ней находили убежище патриоты, боровшиеся за независимость Вьетнама. С людьми, что приходят к нам в гости, мы говорим о войне, которую ведет демократический Вьетнам против американских агрессоров. Рядом с нашими постелями в полу пагоды сделаны круглые цементированные ямы-бомбоубежище. По ночам нас, убаюканных молитвами монаха, будят выстрелы зенитных орудий. А сейчас, в полумраке храма, вглядываясь в широко открытые глаза буддистских божеств, я вспоминаю такие же неподвижные взгляды у будд, которые лежали, опрокинутые навзничь, на полу, заваленном обломками, в пагоде Двух слонов в Тханьхоа. В эту пагоду попала американская бомба. И не только в эту пагоду. Много буддистских храмов и католических церквей разрушено американской авиацией на территории Демократической Республики Вьетнам.

Нет, не боги защищают эту землю, и люди не прячутся у них за пазухой от суровых испытаний войны, выпавших на их долю. Я хочу рассказать об одной девушке, которую я повстречал на вьетнамских дорогах. Она не герой. То есть ее имя не печатают крупными буквами на газетных полосах, и о ней не складывают песен. И все-таки она герой, потому что каждый человек здесь обязан быть им. Но сначала не о ней, а о самих дорогах, так станет понятнее и ее образ.

Когда, вернувшись на родину, я буду вспоминать вьетнамскую землю, то, наверное, прежде всего перед моими глазами возникнут фронтовые дороги ДРВ. Сейчас, во время войны, им словно присвоено воинское звание: асфальтовые ленты, связывающие города, пыльные проселки, узенькие пути, проходящие по дамбам рисовых полей, тропы, вьющиеся в зеленых зарослях от деревни к деревне,— все это называется строгим военным словом «коммуникации».

В атаках американской авиации на ДРВ коммуникации — одна из главных стратегических целей. Разрушить транспортные связи между северной и южной частями государства, отрезать порт Хайфон, через который вьетнамскому народу идет помощь от социалистических государств, разбить мосты и переправы, разворотить дороги, по которым можно возить тяжелые грузы, короче, разорвать страну на части,— вот стремление и заветная мечта руководителей американской агрессии. И каждый день кружат воздушные хищники с бомбовой нагрузкой над вьетнамскими дорогами, каждый день бьет по ним крупнокалиберная артиллерия Седьмого флота США, курсирующего в Тонкинском заливе.

А коммуникации действуют

Я несколько раз проехал по дороге № 5, ведущей из Хайфона в Ханой. Иной раз мне говорили:

— Сегодня разбомбили мост Но есть паром.

Или:

— Дорога впереди повреждена. Но есть объезд.

Я не раз ездил по дороге № 1, пересекающей страну с севера на юг, по другим магистралям, ведущим из Ханоя, видел следы американских воздушных налетов на эти коммуникации и потоки грузов, идущих в разных направлениях. Американцы, которые давно сообщили, что столица ДРВ отрезана и изолирована, никак не могут ныне объяснить, почему же не прекратилось движение по дорогам.

Война наложила на дороги свой отпечаток.

Днем они бывают пустынны. Проедет по асфальту на велосипеде солдат, торопливо крутя педали, наверное, получил увольнительную. Пробегут шумной стайкой из школы мальчишки и девчонки в красных галстуках, с чернильницами в руках, в тяжелых соломенных шляпах, которые служат защитой от шариковых бомб и осколков. Прошагает медленно задумчивый бык, запряженный в повозку, груженную щебнем. И вот опять нет никого на дороге, только распласталась по ней резная тень от деревьев, растущих на обочине. Днем тут редко увидишь автомашину. Но вот наступает ночь, густая и вязкая тень опускается на землю, и дорога начинает жить особенной, даже какой-то таинственной жизнью.

Однажды под вечер мы выехали из Ханоя на юг. Наш «газик» вел товарищ Кет, шофер-виртуоз, который сидел за баранкой еще во времена сражений под Дьен Бьен Фу. Вскоре после того, как мы выехали из столицы, стемнело, и пустынная дорога словно проснулась. Как-то неожиданно для себя мы оказались в центре бензинового стада машин. Впереди и позади нас урчали моторами, двигались, фыркали, замирали и снова приходили в движение грузовики разных марок, с прицепами и без прицепов, с крытыми кузовами и открытыми платформами, автобусы и «газики», санитарные автомобили и бензовозы, машины специального назначения. Навстречу нам лился такой же поток. А среди всего этого еще находили себе место повозки, тачки, грузовые велосипеды — одна бамбуковая палка привязана к рулю, другая к седлу, а человек, держась за них, быстро и легко ведет двухколесного коня, у которого через раму перекинут груз, иногда больше трехсот килограммов.

В этом дорожном хаосе был еще не понятый нами смысл и порядок. По какой-то неслышной для нас команде потоки порой разделялись, порой соединялись снова, послушно замирали перед переправами, сохраняли дистанцию на понтонных мостах, замедляли ход на участках дороги, поврежденных бомбами. И все это происходило почти в полной темноте, потому что, соблюдая маскировку, шоферы задраили фары, оставив лишь узенькие щелочки, через которые свет пробивался вперед метра на два. А когда мы продвинулись дальше на юг, где началась зона «свободного действия» американской авиации, где пилоты США сами выбирают цели для своих разбойных полетов, не брезгуя, например, охотой за работающими на полях крестьянами, то по приказу машины совсем выключили фары. Только светлячки, проносившиеся над дорогой, нарушали строгие законы светомаскировки.

Из темноты донеслось знакомое «Майбай!». Это слово — оно значит «самолет» — узнаешь, как только ступаешь на вьетнамскую землю. Какой-то человек стоял на краю дороги и выкрикивал его в окна проходивших машин. И дорога приобрела новый вид. В какие-то мгновения на ней рассредоточилось движение, одни машины свернули в сторону, другие, замаскированные пальмовыми листьями, замерли на обочинах, третьи прибавили газ. Дорога была готова к налету.

Позже мы узнали творцов дорожного порядка — девушек-регулировщиц, вооруженных тревожными свистками, молодых ребят 15—16 лет с карманными фонариками, народных милиционеров, охраняющих переправы и мосты. Добрые гении фронтовых дорог, у которых не успеваешь спросить даже имя, как они стали близки нам за это время, проведенное под их неусыпным — в буквальном смысле этого слова — вниманием!

Мы ехали мимо разрушенных ракетами городков и деревень, видели под откосами остовы сгоревших машин и пальмы, обезглавленные взрывной волной, видели согнутые в дугу железобетонные столбы электропередач и широкие воронки от бомб на соседних с дорогой рисовых полях — все эти следы варварства и злобы агрессоров. Но мы все-таки двигались вперед вопреки этой злобе, вложенной в ракеты и бомбы с клеймом «Сделано в США»!

В таких поездках здесь на память приходят наши песни времен войны. Тогда вспомнилось:

«Эх, дорожка фронтовая,
Не страшна нам бомбежка
любая!..»

И вдвоем с правдинским коллегой мы промурлыкали песню в ответ и на воздушную тревогу и на все, увиденное в пути. Но, по справедливости, эту песню — если бы они ее знали — следовало бы петь тем, для кого дороги Вьетнама стали судьбой Таким, как та девушка, о которой я хочу рассказать.

Наш «газик» ехал навстречу группе людей, которые легко и быстро скользили в лунном свете по обочине, держа на плечах прямые коромысла с низко подвешенными широкими корзинами. Машина запрыгала на выбоинах пути, шофер притормозил, и мы увидели в корзинах песок и щебень. А через несколько дней беседуя в деревне под городом Тханьхоа с милой, маленького роста девушкой по имени Данг Тхи Ло, заместителем командира 384-й роты ударной молодежи, я узнал, что в ту ночь Ло была в повстречавшейся нам группе парней и девушек, которая восстанавливала полотно дороги.

Ло исполнилось девятнадцать в 1965 году, когда Соединенные Штаты начали войну против ДРВ. И в разгар своей весны Ло выбрала судьбу солдата.

— Нет, мы не солдаты,— поправила она меня, когда я произнес это слово.— Мы мечтали об армии, но нам сказали: дороги — тоже

На страже ханойского неба.

Мирный крестьянский труд. Но как часто его нарушают вой американских самолетов и разрывы бомб!

Стервятник наказан!

Зенитчики готовы к отражению воздушной атаки врага в любое время суток.

фронт. И вот уже больше двух лет мы здесь.

«Здесь» — это на участке дороги длиной в двадцать пять километров. Сто восемьдесят человек, из которых две трети — девушки, должны работать так, чтобы движение не останавливалось. Провинция Тханьхоа, где расположен участок этой роты ударной молодежи, подвергается налетам с 5 августа 1965 года. На участке Ло три моста. Это значит, что к нему привлечено особое внимание американской авиации. Ло с друзьями подсчитали: за последние полтора года на каждый квадратный метр их отрезка дороги пришлось по четыре американских бомбы.

— А вы все не проехали по нашему участку! — сказала она, лукаво сверкнув глазами.

Два с лишним года Ло и ее товарищи живут, кочуя вдоль участка из одной деревни в другую. Ночью — работа, иногда под падающими бомбами. Днем — военная подготовка, потому что каждый здесь должен уметь владеть оружием. Когда одна группа на дороге, другая несет сторожевую службу, следит за небом. Во время налетов врага на дорогу и мосты к залпам зенитных батарей Вьетнамской народной армии прибавляется огонь, который ведут парни и девушки из 384-й роты ударной молодежи. А потом еще надо плести корзины и делать повозки — это для работы. И надо учиться. Сейчас в роте нет ни одного человека, который бы не окончил семь классов средней школы.

Но я не согласен с Ло. На долю ее поколения действительно выпала солдатская судьба. Бомбы, лопаты, книги — как это все переплелось здесь! Нелегкое, суровое, военное время. Ло знает: по-другому сейчас нельзя.

Чтобы кончить рассказ о дорогах, вспомню, что недавно мне сообщили в Ханое. Несмотря на непрерывные бомбардировки коммуникаций, общая протяженность дорог в ДРВ не только не уменьшилась, но возросла. Американская авиация разрушила много мостов и переправ, но их число тоже увеличилось: во многих случаях там, где раньше был только один мост, теперь существует несколько видов переправ. И грузооборот по дорогам ДРВ вырос.

Во всем этом есть частичка поистине героического труда Ло и ее товарищей. Ей и сотням других людей, которых мы встречали в ночи во время поездок, не успевал даже рассмотреть их в лицо, я хочу сказать особые слова благодарности: они сделали возможными для меня эти поездки, и я смог рассмотреть лицо борющегося Вьетнама.

Здесь я вижу все, из чего складывается сегодняшняя жизнь ДРВ: ратные подвиги и труд.

Подвиги вписаны в голубизну вьетнамского неба черными дымовыми шлейфами сбитых американских самолетов, число которых перевалило далеко за две с половиной тысячи. Однажды фронтовая дорога вывела меня на позиции ракетчиков — защитников вьетнамской столицы.

Из города мы выехали по асфальту, миновали в столичном пригороде несколько деревушек, потом свернули на проселок и въехали в конце концов в местность слегка бугристую, поросшую редкими тонкоствольными деревцами, в общем-то ничем не примечательную. Мы долго крутили головами, разыскивая ракеты, пока нас не подвели к одной из установок, оказавшейся совсем рядом. Маскировка была удивительно искусной.

Около ракеты мне вспомнились недавние октябрьские и ноябрьские налеты американской авиации на Ханой. Воздушные тревоги по десять — пятнадцать раз за сутки, небо, днем в белых разрывах зенитных снарядов, ночью — прочерченное огненным пунктиром трассирующих пуль, канонада боев, которая не прекращалась над столицей по нескольку дней. В один из таких дней, поздно вечером, после очередной тревоги, министерство иностранных дел ДРВ устроило пресс-конференцию для иностранных журналистов. На ней выступал представитель командования противовоздушной обороны Ханоя. Он нарисовал картину действий американских пиратов.

Американские самолеты вылетают на бомбардировки Ханоя из Таиланда и с авианосцев Седьмого флота. Массовым налетам предшествуют разведывательные полеты отдельных самолетов, которые стараются появиться над Ханоем неожиданно и сразу удирают во все лопатки. Одной из целей таких полетов бывает стремление вызвать огонь и таким образом демаскировать огневую систему ПВО. Следом наступает очередь основной силы воздушной атаки. Приближающиеся к столице самолеты рассредоточиваются и идут на город с разных сторон и обычно на разных уровнях. Часть самолетов, чтобы затруднить работу радиолокаторов на земле, постоянно меняет направление полета. Воздушные пираты делят свои функции: одни бомбят городские кварталы, другие сосредоточивают свои усилия против зенитной артиллерии и ракетных установок. Замечено также — хотя это вряд ли было предусмотрено теми, кто разрабатывал тактику налетов на Ханой,— что летчики США стремятся как можно быстрее избавиться от бомбового груза и исчезнуть из воздушного пространства над вьетнамской столицей. И ради этого они готовы даже забыть боевое задание.

Вряд ли есть необходимость описывать ответную тактику Вьетнама. Вьетнамским военным известна манера поведения врага, и они делают из этого соответствующие выводы. И чем ожесточеннее становятся воздушные атаки на Ханой, тем больше потерь несет американская авиация. Не шутка — потерять 43 самолета только за одну неделю во время октябрьских бомбардировок! Противовоздушная оборона столицы — это согласованные действия зенитно-ракетных подразделений, военно-воздушных сил республики, оснащенных «МИГами», и отрядов самообороны, созданных повсюду. В последнее время в этой системе все большую роль начинает играть современное оружие.

Кстати, «юбилейный» 2500-й американский самолет был тоже сбит ракетой. Это произошло 6 ноября, в 7 часов 35 минут утра, во время очередной атаки на Ханой. Посланная опытной рукой, ракета настигла стервятника тогда, когда он был готов ринуться с высоты вниз, чтобы сбросить свой смертоносный груз. Самолет типа «Ф-105» упал около деревни Я., которая была подвергнута бомбардировке 20 сентября. Тогда в этой деревне погибло двенадцать человек. На этот раз пришло возмездие. Крестьяне погрузили остатки самолета на повозки и отправили этот металлолом в столицу.

Я стоял около ракеты, следил, как ловко управляются с техникой молодые вьетнамские солдаты, разговаривал с командирами, и во мне росло смешанное чувство удовлетворения и гордости — удовлетворения тем, что техника попала в надежные руки, и гордости за свою Родину. Здесь не нужно было произносить слова о пролетарском интернационализме. Здесь эта политика подлинного интернационализма была реальна и осязаема.

Я говорил о подвигах и труде. Как часто здесь это рядом!

Недалеко около дороги № 1, в том месте, где она близко подходит к морскому побережью, раскинулась деревня Хау Лок. Дома крестьян стоят в кокосовой роще, а вокруг — рисовые поля. Живет в деревне больше пятисот семей. Помимо рисоводства и сбора кокосов, здесь выращивают свиней, занимаются лесоводством. Дел хватает на каждого и с каждым годом после завоевания независимости они шли лучше и лучше. Но вот уже скоро три года, как жизнь крестьян стала фронтовой жизнью. В двух-трех десятках километров от деревни, в Тонкинском заливе,— Седьмой флот, который обстреливает побережье. А самолеты над ней летают чуть ли не каждый день. За это время американские пилоты столько раз бомбили деревню, поля и дамбы, что на каждого человека здесь «выпало» по 2,6 бомбы. У жителей теперь новая забота — строить и поддерживать в хорошем состоянии укрытия. Приходится строить укрытия, которые защищали бы и от фугасных бомб, и от шариковых бомб, и от снарядов морской артиллерии. И когда идешь по деревенским улицам или по рисовым полям, то всюду замечаешь результаты этой новой «отрасли» сельского хозяйства. Около школы мы видели, как старшеклассники таскают землю, сооружая бомбоубежище для малышей.

По деревне меня водили председатель сельского административного комитета Чан Ван Линь и Хонг Киеу — секретарь административного совета уезда, куда входит и деревня Хау Лок.

По приглашению правительства Лаоса советский художник Илья Глазунов побывал в этой стране. На ряду с зарисовками из жизни лаосского народа он написал портрет главы государства — короля Лаоса. Работы Ильи Глазунова экспонировались на международной выставке в Тат Луанге и вызвали большой интерес у лаосской общественности.

На снимке: король Лаоса Сри Саванг Ватхана у своего портрета, его супруга и художник И. С. Глазунов.

Товарищ Линь рассказывал деревенские новости: за последние годы они стали получать по пять тонн риса с гектара в год, в деревне работают детские сады, скоро в Хау Лок возвратятся из города две девушки, которых послали учиться в город, и пополнят штат медпункта. В свою очередь, товарищ Киеу сообщил, что в уезде недавно создано несколько предприятий по изготовлению сельскохозяйственных орудий и домашней утвари и что, заботясь о лесах, они высадили с 1965 года здесь [illegible] деревьев.

Были это обычные рассказы двух людей, с головой ушедших в хозяйственные дела. Но в этих будничных делах было нечто необыкновенное! Детские сады — и 2,6 бомбы на человека. Миллионы саженцев — и только в одной общине двадцать пять деревень из двадцати шести, которые подверглись бомбардировкам и обстрелу с военных кораблей. Таковы будни Вьетнама.

На окраине деревни, у самой кромки зеленого рисового поля, мы увидели низкий навес, прикрытый сверху ветками, около него три окопа, в которых стояли зачехленные пулеметы, и группу девушек в пробковых шлемах. Девушки сидели на бруствере. Одна из них держала в руке маленькую модель самолета и что-то объясняла другим. Ее рука при этом проделывала движения, которые воспроизводили маневры самолета в воздухе.

— Один из наших отрядов самообороны,— сказал товарищ Линь.— В нем только женщины. Самой старшей — двадцать четыре года, самой младшей — семнадцать. Любимицы всей деревни. И — героини. На их счету сбитый американский самолет. А сейчас у них занятия.

Здесь я и познакомился с Мой и ее тринадцатью подругами. Были они все маленькие, тоненькие, с нежными лицами, всегда готовыми к улыбке, и я не увидел в них ничего воинственного, солдатски-сурового. Мой (это она проводила занятия) рассказала, что живут они на позиции, что поле рядом — это поле, на котором они работают, что из них четверо замужем, но мужья в армии, и что больше всего на свете они любят [illegible]

Я узнал, как они сбили самолет. Это была настоящая охота за хищником, требующая смекалки, упорства и мужества. Они долго тренировались, учась обращению с пулеметами, запоминали силуэты самолетов, чтобы распознавать их в небе, выслеживали воздушные пути, по которым летали американские пилоты, меняли позиции, ища самые удобные. И однажды, во время налета на деревню, отражая атаку двух пикировавших самолетов, подбили один из них.

— Он задымился и стал падать,— говорила Мой.— Но упал далеко. В море. Мы увидели его остатки, когда рыбаки подняли их со дна. А потом мы получили поздравительную телеграмму от товарища Хо Ши Мина.

Не было ничего воинственного, солдатски-сурового в Мой и ее подружках. Но тем страшнее для агрессора, если против него в ряды солдат встают такие, как Мой. Это значит, что с агрессором воюет народ.

Недели через две после поездки в деревню Хау Лок я прочел в газетах, что Мой и ее подруги сбили второй американский самолет.

...За дверьми пагоды, в которой я пишу это письмо, темнеет. Скоро около драконов, охраняющих вход, появится наш «газик», и мы снова двинемся в путь по вьетнамской земле. Мне осталось уже недолго путешествовать по ней.

По обычаю людей странствующих я увезу с собой отсюда сувениры. Это будут необычные сувениры. Кстати, о них советские люди, живущие во Вьетнаме, сложили шуточную песенку, которая поется на мотив песни про «очи черные». В ней есть такие слова:

...А с собой везем
Мы из пробки шлем
Да кусок крыла
«Ф-105»-го.

Тропические пробковые шлемы носят здесь и мужчины и женщины. А вот кусок крыла самолета «Ф-105» достать труднее. Над Вьетнамом стали меньше сбивать самолетов этого типа. По подсчетам вьетнамцев, из 700 таких самолетов в начале войны сейчас осталось несколько десятков.

Но мне повезло. Как-то, идя по Ханою, на улице Хамлонг, у дверей мастерской я увидел двух парней, которые пилили ножовкой крыло американского самолета. В мастерских из остатков американских самолетов изготовляют всякую сувенирную мелочь: кольца, фигурки, расчески. В ювелирных магазинах есть витрины, где выставлены эти изделия, и надпись под стеклом гласит, что сырьем послужили сбитые стервятники.

Я спросил у парней, крыло какого самолета они разделывают. Оказалось — «Ф-105».

Так у меня появился сувенир, о котором поется в песне.

Запасной

Леонид ТАМАЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки Н. УШАКОВА.

31.

Во вторник утром Максов вызвал лейтенанта Зубкова.

— Для вас есть новое задание...

И объяснил, что вчера в отдел приходил слесарь завода «Кленовый Яр» Федор Гаврилович Смолин — принес найденный на улице областного центра уникальный портсигар, который когда-то принадлежал изменнику Родины, гитлеровскому карателю Букрееву. Надо выяснить все обстоятельства и начать розыски Букреева.

Лейтенант внимательно выслушал начальника и ничего не сказал.

— Вам понятно, что от вас требуется?

— Так точно, товарищ майор...

Максов уловил, что это привычное «так точно» было произнесено без всякого энтузиазма. Ответ не понравился Максову. Он подумал, что лейтенант, видимо, чувствуя вину за недавнюю оплошность в разговоре с директором завода о Савелове, воспринял новое задание как некую воспитательную меру со стороны начальства. Для настоящего контрразведчика (которым в душе не мог не считать себя лейтенант) куда интереснее было заниматься действующими шпионами, чем ворошить архивы, искать очевидцев преступлений, совершенных много лет назад.

Максов приучал своих сотрудников к тому, что нет дел мелких или неинтересных, что в чекистской работе все важно и все серьезно. Поэтому он решил несколько расшевелить воображение лейтенанта и рассказать ему, со слов Смолина, предысторию подозрительной находки.

Предыстория эта была такова.

Впервые букреевский портсигар Федор Гаврилович Смолин увидел в партизанском лагере. Отряд готовил этот лагерь на зиму в районе урочища Кленовый Яр.

В тот погожий октябрьский день они копали траншеи. Пошли на перекур. Смолин с цигаркой в зубах лежал под кустом, следил за полетом переливчатых паутинок в прозрачном воздухе. Внезапно знакомый голос вывел его из ленивого оцепенения:

— Федор, подь-ка!

Смолин поднялся, застегнул телогрейку и, прищуриваясь сапогами по белесой траве, подошел к своему младшему брату. Рядом на мшистом бруствере сидел бородатый партизан из второй роты Букреев. Смолин немного знал его: на прошлой неделе вместе рубили в лесу слеги для землянок.

— Гляди-ка.— Братишка подал Федору шикарно блеснувший на солнце тяжелый серебряный портсигар.— С секретом, и воды никакой не боится! — И тут же с досадой посетовал: — Торгую вот у него, а он упирается.

Букреев сказал:

— Говорю тебе, вещь фамильная, не для продажи...

На том разговор и кончился.

Еще раз судьба свела Федора Гавриловича с хозяином редкостного портсигара при обстоятельствах исключительных — во время боя с карателями, напавшими на отрядный лагерь.

Это случилось на рассвете. Смолин проснулся от взрыва мины. Рвануло где-то поблизости у землянки. С потолка посыпалась сухая глина. Висевшие на стене ходики упали.

Федор Гаврилович выбежал наверх. Партизаны, кое-как одетые, а кто и просто в одном исподнем и босиком, отбивались от немцев, которые уже ворвались в окопы и траншеи, опоясывающие высоту. Выстрелы раздавались редко: в ход были пущены штыки, приклады и кулаки. В сизом воздухе слышалась грубая брань, тяжелое дыхание, звуки ударов железа о железо, вскрикивания и стоны.

Бой был неравный... Партизаны начали отступать. Смолин с братом прикрывали отход отряда, перебегая со своим «максимом» от одной позиции к другой, расстреливая наседавших гитлеровцев короткими очередями.

После одной из перебежек, упав в неглубокую воронку от мины, Федор Гаврилович установил пулемет, привычно протянув руку за лентой. Но брат замешкался: патронная коробка не открывалась.

Смолин хотел закричать на брата, но не закричал — страх сдавил сердце и лишил голоса: справа, из кустов, вдруг вынырнула группа немцев и устремилась к замолчавшему пулемету.

Не спуская с них напряженного взгляда, Федор Гаврилович онемело лежал с протянутой к брату рукой. Брат, плача и матерясь, обдирая пальцы и обламывая до крови ногти, пытался открыть патронную коробку. Уже различимы стали лица солдат, одетых в темно-зеленые шинели, с блестящими пряжками ремней. Впереди, потрясая пистолетом, бежал сухопарый, длинный унтер. Его лицо, небольшая бородка, характерный наклон головы показались Смолину страшно знакомыми...

Когда брату наконец удалось сбить неподатливый барашек запора у патронной коробки и Смолин продернул ленту в приемник, немецких солдат, возглавляемых унтером, достать из пулемета было уже трудно: они залегли на скате высоты, в мертвом пространстве.

Первым приподнял голову над белой от инея травой унтер. И Смолин еще лучше, чем прежде, увидел его лицо. Увидел и не поверил своим глазам: в пятнадцати шагах, за серым валуном, одетый в немецкий мундир, лежал партизан второй роты Букреев...

Раздумывать над этим было некогда. Брошенная унтером граната, описав крутую дугу, упала в трех метрах от воронки. Взрывом перевернуло пулемет. Братья снова поставили его на катки, но он уже не работал. Вынув из пулемета замок, Федор Гаврилович стал отползать вслед за братом к оврагу...

Через несколько дней небольшая группа партизан пробралась в свой разгромленный лагерь. Они пришли, чтобы предать земле тела погибших товарищей. И тут Смолин опять услышал фамилию Букреева. Услышал, чтобы уж никогда не забыть ее! То, что раньше было лишь смутным подозрением, теперь не вызывало сомнений: произошло подлое предательство.

На развилке лесных дорог, где находился один из сторожевых постов отряда, обнаружили труп партизана первой роты Сухова. Он был убит сзади ударом ножа в шею. А в трех метрах от убитого, в густой траве, нашли маленькие ножны с металлическим наконечником.

— А ведь это, ребята, букреевская вещица! — сказал рябоватый снайпер Тюрин.

— Узнал отца в тесте! — недоверчиво усмехнулся кто-то.— Букреев за три дня до налета ушел с Медведевым и Орленко в разведку. Откуда взяться тут его финке, если из разведки никто не вернулся?

Смолин сразу вспомнил бородатого унтера, ножны у Тюрина.

— Пойдем к комиссару!..

Федору Гавриловичу очень хотелось выяснить эту темную историю. Но так, к сожалению, и не удалось. Вскоре начались бои, стало не до Букреева. Потом эта история постепенно забылась.

Но вот теперь, когда старик увидел знакомый портсигар, она неожиданно воскресла. Конечно, может статься, что владелец у этой вещи уже другой. Но что, если предатель и убийца жив? Что, если он топчет советскую землю, быть может, даже живет в одном городе с теми, кого предал девятнадцать лет назад?..

Когда Максов рассказал обо всем этом Зубкову, тот спросил:

— Вы, товарищ майор, кажется, тоже воевали в этих местах?

— Да,— сказал Максов.— Эта история мне знакома не только со слов Смолина...

И он отошел к раскрытому окну.

Пока лейтенант с любопытством разглядывал букреевский портсигар, изучая секрет его замка, Владимир Петрович курил, глядя на синюю кромку леса, видневшуюся над крышами домов... Это там, в Чекских лесах, в партизанском крае, начиналась его боевая жизнь.

Он попал туда прямо со спецкурсов, на которые был направлен по комсомольской путевке как спортсмен-лыжник. В отряде — от рядового бойца до командира взвода — вдоволь хлебнул партизанского лиха. Вместе со Смолиными пришлось ему пережить горечь и унижение разгрома в урочище Кленовый Яр осенью сорок второго года. В том же бою тяжело контузило жену Максова — радистку отряда.

Потом служба в действующей армии. Особый отдел дивизии, а затем корпуса. Ранение на Одере. После лечения в госпитале Максов демобилизовался и пошел в химический институт доучиваться.

Став инженером, он около шести лет проработал на химкомбинате, а оттуда в 1954 году его направили в КГБ. Пришлось сесть за парту. Время было трудное, напряженное: полным ходом шла перестройка деятельности органов государственной безопасности...

И вот снова Чекск. Город, в котором началась его боевая биография. И, быть может, поэтому стал он для него таким дорогим и близким.

22.

В Западном Берлине есть две большие шумные площади. Их соединяет не менее шумная улица, широкая, многолюдная. А неподалеку, почти параллельно, протянулась другая улица — узкая и тихая, с потемневшими от времени островерхими домами в тени старых каштанов.

В конце этой улицы за высоким забором из гофрированного железа стоит двухэтажный каменный особняк. На заборе, справа от калитки,— небольшая медная дощечка. Судя по надписи, в доме разместилась контора частной американской фирмы, ведущей торговые дела с СССР.

Здесь действительно занимаются делами, имеющими отношение к Советскому Союзу. Но только не торговыми...

В этом можно убедиться, если, открыв калитку, пройти асфальтированным двориком мимо гаража и зеленых кустов сирени, потом подняться по мраморной лестнице на второй этаж. Алая ковровая дорожка приводит к двойным дубовым дверям — за ними большой кабинет с дорогой старинной мебелью и высокими готическими окнами.

В один из жарких июньских дней сюда вошла, почти вбежала энергичная Файн.

— Вы позволите?..

Полковник Лаут сидел за столом без пиджака, в белой рубашке, с распущенным галстуком. Он недовольно поднял от бумаг седую, гладко причесанную голову. Ему не нравилось, когда его отрывали от работы в неположенное время. Каждый сотрудник должен знать свой час приема и не мозолить глаза начальнику без особой необходимости. Порядок есть порядок. К тому же Файн нарушила ход его мыслей, оторвала от важной работы.

Работа эта была не только важная, но и срочная. На прошлой неделе Лауту позвонили по спецтелефону из Франкфурта-на-Майне,— там в здании бывшего химического концерна «И. Г. Фарбениндустри» находилась теперь европейская штаб-квартира ЦРУ, официально именуемая «Управлением специальных армейских подразделений». Оттуда сообщили: руководители всех филиалов ЦРУ, размещенных на территории Западной Германии и Западного Берлина, приглашаются на совещание по координации плана готовности к «Э-фалль». Совещание состоится в Берлине — Целендорф, Клейаллее, 170.

В тот же день, после обеда, Лаут поехал на Клейаллее. Дом 170 занимал аппарат «Группы региональной поддержки американской армии», или, говоря по-иному, главный филиал ЦРУ в Западном Берлине — самый крупный разведывательный орган США в Европе. Начальник этого филиала Дейв Мерфи ознакомил Лаута с тезисами основного докладчика — директора ЦРУ и уточнил те вопросы, которые должен был осветить в своем двадцатиминутном выступлении Лаут.

На другое утро Лаут уже засел за составление своего доклада. Присутствие на совещании главного шефа ко многому обязывало. Правда, вопрос о степени готовности к «Эрнст-фалль» — «серьезному случаю», а говоря точнее — к войне, для Лаута был не нов. Собственно, вся деятельность возглавляемого им филиала в последние годы была подчинена этой задаче. И не только его филиала. Это была «задача задач» всех секретных служб и агентурных организаций Западного Берлина, как определил ее однажды сам директор ЦРУ в своем специальном циркуляре.

Основным в докладе Лаута на предстоящем совещании должен быть вопрос о решающих принципах создания агентурной сети в канун превентивной войны. Вчерне эту работу он уже закончил. И результатами ее был доволен. Ему удалось сухую теоретическую проблему оживить новейшим опытом практики,— разумеется, практики возглавляемого им филиала. И, кажется, перед директором ЦРУ краснеть не придется... Но работы оставалось еще немало.

Бросив на стол карандаш, Лаут отрывисто спросил:

— В чем дело?

— Могу вас немного обрадовать, шеф: у Нищенчука оказался толковый преемник...— Файн положила на стол перед полковником несколько листков, сцепленных прозрачным пластиковым зажимом.— Судя по этому сообщению, Барсук активно включился в работу...

Слегка подавшись вперед из глубокого кресла, Файн наблюдала за выражением лица полковника. Он читал долгожданную шифровку из Чекска, которая достоверно подтверждала, что работа по вводу нового агента в Кленовоярское дело наконец завершена, а само дело вступило в решающую фазу... Замысел Лаута — спутать чекистам карты,— по-видимому, удался...

Кончив читать донесение, полковник сказал:

— Что ж, пока неплохо...— Он встал из-за стола, маленький, сухонький. Подошел к круглому инкрустированному столику в углу кабинета, нацедил из сифона стакан содовой.— Учтите, Файн: информация по «Кленовому Яру» не должна задерживаться у Барсука ни одного лишнего часа... Необходимо найти более эффективный способ связи с ним. Заграничные подставные адреса нас теперь не устроят — слишком длинный путь. К тому же было бы неплохо, если бы вообще работа агента направлялась нашим человеком непосредственно из России...

Немного помолчав, Лаут вдруг предложил:

— А что, если мы передадим Барсука на связь капитану Ванджиню?

— Я не совсем понимаю вас...

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—3.

— Все довольно просто. Ванджей давно просился на дипломатическую работу...

— Ясно...— Файн улыбнулась, но эта новость ее не обрадовала. Вот, оказывается, о какой «небольшой командировочке» трепался толстый Гарри месяца четыре назад. Что ж, скатертью дорога, как говорят русские...

Ванджей, конечно, смелый и опытный разведчик. Но она всегда терпеть его не могла. Хотя бы за то, что он сын богатейшего заводчика, а ее родители всего лишь простые клерки. Гарри никогда не испытывал нужды в деньгах и поэтому ни в чем себе не отказывал. Ему делали карьеру связи его семейства, а она, Файн, поднималась по служебной лестнице своими силами... Вот и теперь: чистая, безопасная работа под дипломатической крышей, интересная, новая жизнь в чужой стране, деньги, комфорт — чего еще желать! Везет жирному борову...

— И последнее,— прервал ее мысли Паут.— Учитывая срочность задания, передайте Варсуку, чтобы в средствах он не стеснялся...

[redacted]

В воскресенье Маясов с семилетним сыном Вовкой собирались поехать на целый день в лес, на озеро. Однако заманчивый план пришлось поломать: утром из пионерского лагеря пришло письмо от Гали, дочери Владимира Петровича. Она просила отца купить и поскорее привезти ей («к дню отрядных соревнований») кеды и спортивные шаровары.

Мужчины посовещались за завтраком и великодушно решили исполнить эту просьбу. А на озеро поехать потом, в другой раз.

Напившись чаю, они быстро собрались и вышли из дому. Походили по магазинам на своей улице — ничего подходящего не нашли. Решили ехать в центр, сели в троллейбус, доехали до «Детского мира».

Возле остановки, рядом с баней, был ларек. Тут продавали мыло, мочалки, веники. У окошечка стояло несколько человек. И среди них — лейтенант Зубков. Он только что купил березовый веник, плоский, слежавшийся, и потряхивал им, чтобы расправить.

— Виктор! — позвал Маясов.

Зубков обернулся и вдруг смутился, увидев [redacted]

— Попариться захотел?

— Да вот, после дороги...

— Дело стоящее,— сказал Маясов.— Вы когда приехали?

— Сегодня утром.

— Ну и как?..

Лейтенант отвел Маясова на несколько шагов от ларька и, пока Вовка управлялся с мороженым и глазел на мочалки и веники, вкратце доложил о своей пятидневной командировке.

— В общем, подозрения по Узловой начисто отпадают,— сказал он под конец.

— Значит, поездка ничего не дала?

— Не сказал бы! — Лейтенант улыбнулся.— Был еще второй автобус, ченский.

— Ну, ну, выкладывай[redacted]

— Человек в плаще с погончиками, которого мы ищем, по всей видимости, Александр Ласточкин.

— Ласточкин?

— Да, помощник художественного руководителя Ченского Дома культуры... Как удалось выяснить, он ездил с самодеятельностью на областной смотр и потерял серебряный портсигар.

— Интересно...— задумчиво сказал Маясов.— Что ж, завтра потолкуем об этом.

И они распрощались. Зубков пошел к бане, а Маясов с Вовкой отправились в магазин. Только теперь Владимир Петрович уже не чувствовал в себе того душевного подъема, с которым вышел из дому. Сообщение лейтенанта его озадачило.

«Каким образом оказался у Ласточкина этот букреевский портсигар? Да и букреевский ли он? — тут же спросил себя Маясов.— И вообще, не ошибся ли старик Смолин? Разве не может быть двух абсолютно похожих вещей? Правда, этот портсигар, по всему видно, делался на заказ. Вещь действительно уникальная. Оригинальная инкрустация, замок с секретом, вензель на крышке — «АБ», что надо, вероятно, понимать как «Александр Букреев»... Нет, едва ли портсигар делался для Ласточкина. Что-то здесь не то...»

На другой день Маясов и Зубков вместе разработали план действий по делу Букреева.

Прошло еще четыре дня, и лейтенант снова пришел к начальнику отдела:

— Я хотел бы доложить о ходе розыска...

Маясов взглянул на часы. Времени было в обрез: его ожидали дела более срочные и важные, чем розыск бывшего карателя.

— Чтобы не комкать вашего доклада, давайте встретимся завтра с утра, ровно в девять,— предложил Владимир Петрович.— Идет?

— Нет, товарищ майор! — сказал Зубков.

Маясов удивленно посмотрел на лейтенанта.

— Что-нибудь стряслось?

— Пока ничего не стряслось. Но...— Зубков помедлил.— Дело в том, что, хотя портсигар потерял действительно Ласточкин, хозяин у этой вещи совсем другой...

— Кто же?

— Портсигар принадлежит Савелову...

— Что?!

— Да, товарищ майор. Как выяснилось, и Ласточкину он попал случайно. Перед отъездом в область взял его у своего приятеля Игоря Савелова. Ну, просто, чтобы пофорсить...

Обстоятельно расспросив лейтенанта, как ему удалось все это узнать, Маясов встал и, мрачный, принялся шагать по кабинету.

То, что рассказал Зубков, не укладывалось у него в голове. При самой необузданной фантазии нельзя было предположить такого оборота дела... Если сведения лейтенанта верны, надо немедленно выяснить, каким путем портсигар попал к Савелову. Промедление недопустимо. Потому что одно дело, когда вещь, ранее принадлежавшая изменнику, оказалась вдруг у какого-то нейтрального лица, и совсем другая картина, если к этой вещи имеет отношение Савелов. С одной стороны, преступник военных лет, пока неизвестно, где и на кого работающий, а с другой — лаборант оборонного завода, которого подозревали в пособничестве агенту иностранной разведки Никольчуку.

Маясов понимал, что самое простое в создавшемся положении — поговорить с самим Савеловым. Парня можно вызвать в отдел повесткой или встретиться с ним где-нибудь в другом месте — как ему удобнее — и обо всем расспросить. И тогда окажутся излишними хитроумные окольные тропинки к истине. Вместо сложных и дорогостоящих оперативных комбинаций простой разговор по душам поможет сразу, без зигзагов выйти в розыске на прямую магистраль. И не исключено, что скоро приведет к определенным, ощутимым результатам... Но только к каким результатам? Вдруг окажется, вопреки прежним выводам о Савелове, что он не такой, каким чекисты «открыли» его? Ну, не то чтобы вовсе не «такой», а хотя бы частично? Что Савелов не враг — это вне всяких сомнений. Но могли ведь его запутать?..

Игнорируя пока предположение, что букреевский портсигар попал к Савелову случайно, оставалось допустить, что этот парень к разыскиваемому преступнику имеет какое-то косвенное отношение. Но даже и в этом, «лучшем» случае прямая беседа с Савеловым чревата серьезными последствиями, так как нет гарантии, что содержание беседы не просочится куда не следует.

«А почему бы, собственно, такой гарантии не быть? — спросил себя Маясов.— Разве у меня нет веры в парня?»

— Вот что,— сказал он лейтенанту.— Напишите-ка Савелову повестку на завтра, с утра...

Когда Зубков ушел, Владимир Петрович опустился в кресло, закрыл глаза, долго сидел так. Потом стал просматривать бумаги, принесенные секретаршей еще утром. Сложил их в папку, убрал в сейф. Взглянул на часы: рабочий день давно уже кончился.

Но Маясов все не уходил из отдела, он ждал звонка от Зубкова... И наконец без четверти восемь дождался. Лейтенант сказал по телефону всего два слова:

— Повестку вручил...

Маясов вздохнул с облегчением: он преодолел минутную слабость, поборол собственное предубеждение против человека, которому раньше поверил прочно и до конца...

Устав за необыкновенно трудный день, Владимир Петрович спал в эту ночь, как никогда, крепко. И поэтому не сразу услышал зазвонивший рано утром телефон. Когда проснулся — протянул руку к столику у кровати, снял трубку. Кто бы это мог быть?

В телефонной трубке неожиданно для себя Маясов услышал взволнованный, торопливый голос директора Кленовоярского завода. Самоуверенный Андронов никогда не разговаривал таким тоном. Спросонок Маясов не вдруг понял, чего от него хотят. И только потом, когда директор повторил свои слова, до майора дошел наконец смысл сказанного:

— Сегодня ночью убит Савелов...

24.

Чтобы перебороть дремоту, Тюменцев вылез из машины, начал ходить туда-сюда по мягкому асфальту. Солнце палило нещадно. «При такой тропической погоде много не натопаешь»,— сказал он себе и снова забрался под брезентовый тент «газика». Сел, закрыл глаза, натянул кепку до переносицы — и мгновенно уснул, будто в теплую воду опустили.

Минут через тридцать, проснувшись, Тюменцев поглядел на часы и удивленно присвистнул: с того момента, как он подвез к дому милиции майора Маясова и лейтенанта Зубкова, прошло почти полдня. И неизвестно было, сколько еще придется торчать на этом пятачке под безжалостно горячим солнцем.

Какие-то сумасшедшие были эти дни. Вчера утром, например, он по обыкновению подъехал к дому, где жил Маясов, и вдруг из окна услышал голос его тещи:

— А Владимир Петрович давно ушел...

Тюменцеву как-то не по себе стало: уж не ошибся ли он, вовремя ли подал машину? Не получилось ли, как в прошлый понедельник, когда он опоздал на целых десять минут, и майор ушел пешком?..

В то утро они с Арсением Павловичем Рубцовым были на рыбалке. И покадиничали, засиделись с удочками. А потом, на обратном пути, их еще задержало одно происшествие возле Дома культуры. Там у входа стояла толпа, и когда они спросили, что случилось, какая-то бабка им ответила:

— Кассу ограбили. Да еще, говорят, музыкальные струменты из кладовой утащили...

Приятели увлеклись, смотрели, как работают сотрудники уголовного розыска с собаками. Ну и опоздал Тюменцев.

Зато после этого неприятного случая он старался во всем быть на высоте. Машина у него сияла, пол в гараже был посыпан песочком. Сам меньше зубоскалил и даже бросил курить, решительно разорвал на глазах у майора почти полную пачку сигарет. Правда, истинные причины этой самоотреченности Маясову были неведомы: Тюменцев всего лишь выполнял приказ своего тренера.

И вдруг вчера, что называется, нежданно-негаданно, опять опоздание. Обругав себя разявой, Тюменцев повернул машину от дома Маясова, погнал ее обратно к отделу. И сразу же побежал наверх, к секретарше Нине. Эта Нина, между прочим, была влюблена в брата Тюменцева — Николая. И потому Тюменцев позволял себе обращаться с ней запросто.

— У себя? — спросил он, кивнув на дверь кабинета.

— У воспитанных людей принято здороваться,— сказала Нина.

— Ты лучше скажи: Маясов давно приехал?

— Это мне нравится: ты его шофер, а меня спрашиваешь. У него сейчас Дубравин и Зубков. И вообще он сегодня, по-моему, не в духе.

Тюменцев решил, что лучше пока воздержаться от объяснений с начальником. И направился было к двери, но Нина вдруг спро[redacted]:

— Говорят, Николай жениться собрался?

— Говорят.

Нина перестала стучать на машинке.

— И скоро свадьба?

— Скоро. Как в новую квартиру въедет, так и сыграют... Да ты не расстраивайся, на свадьбу [redacted]

— Дурак ты! — И Нина снова застучала по клавишам.

Довольный, что подкусил задиристую Ниночку, Тюменцев пошел к себе в гараж — читать «Пособие для тренировок боксера». Но вскоре прибежал лейтенант Зубков, велел подавать машину.

Маясов уже был на улице, беспокойно ходил по тротуару. Он показался Тюменцеву небритым. Это удивило шофера... И вдруг в одно мг[redacted] спешил куда-то, что не успел ни побриться, ни даже повязать галстук.

Тюменцев привычно распахнул дверцу. Не поздоровавшись, майор хмуро приказал:

— В уголовный розыск.

Это было вчера. А сегодня Маясов и Зубков как засели почти с утра в кабинете у следователя, так невылазно и сидят.

...Только в седьмом часу вечера они вышли из милиции. У обоих были потемневшие, осунувшиеся лица. Молча сели в машину. За всю дорогу не проронили ни слова. И лишь возле отдела, выходя из машины, Маясов сказал лей[redacted]:

— Завтра утром еду в управление... Все другие дела отложите и займитесь еще раз протоколами допросов...

[redacted]

Дождь провожал скорый поезд от самого Ченска. И, казалось, ему не будет конца.

Устало привалившись к стенке купе, Маясов снова и снова перебирал события последних [redacted]

В то памятное утро Андронов ему сказал:

— В милиции считают, что Савелов убит своими же приятелями по шайке: что-то не сумели поделить... Я говорил: этот парень хорошо не кончит...

Маясов тут же позвонил в милицию. Ему ответили, что к месту ночного происшествия как раз выезжают начальник угрозыска Шестаков и эксперт. Маясов попросил, чтобы заехали за ним, и через десять минут в синей милицейской машине уже мчался к месту убийства.

Это произошло неподалеку от дома, где жил Савелов,— в глухом переулке старого Ченска. Преступник, по всей видимости, настиг парня сзади, внезапно выйдя с ножом из-за угла двухэтажного дома.

При убитом нашли записку. Написанная на листке из тетради карандашом, печатными буквами, она начиналась словами: «Падло, делить надо по-божески...»

Экспертиза установила: отпечатков пальцев на бумаге нет. Нет их ни на одежде убитого, ни на каком-либо другом предмете возле него. Место на тротуаре, где было совершено нападение, преступник густо посыпал табаком. Все это говорило о его опытности.

И все-таки следы остались: та самая записка, которую обнаружили в кармане Савелова. Именно ее Маясов считал самой существенной из улик.

Разумеется, эта записка заинтересовала не только Маясова. На нее прежде всего обратили внимание работники уголовного розыска, которые вели дело. По их предположениям, убийство было совершено из мести. Особенный интерес в записке представляла одна фраза: «Заначенные инструментики твои плакали». Эти слова навели на мысль: не связано ли убийство Савелова с недавним ограблением кассы и кладовой музыкальных инструментов городского Дома культуры? А тут вплелись в дело еще два факта. Первый: за четыре дня до трагического происшествия Савелова видели в пивной вместе с Петькой Косачем — известным вором-рецидивистом. Второй факт: из допроса работника Дома культуры Александра Ласточкина выяснилось, что между ним и Савеловым однажды был разговор насчет денежных сборов кассы Дома культуры. При этом, как показал Ласточкин, Савелов очень удивился, что за билеты выручают такие значительные суммы...

Все это и легло в основу версии уголовного розыска. Маясову эта версия вначале показалась стройной. Даже чрезмерно стройной. Но, поразмыслив, он отверг ее. Отверг потому, что знал о Савелове больше, чем коллеги из милиции. Вероятно, и они бы задумались над чрезмерной стройностью своей версии, если бы знали, например, об истории с букреевским портсигаром или о причастности Савелова к делу Никольчука.

Самое трудное состояло в том, чтобы вопреки очевидной правоте уголовного розыска доказать правильность своей версии, которая со стороны выглядела далеко не так безукоризненно. При доказательстве ее Маясов не имел права свободно оперировать известными ему фактами. Свои предположения он аргументировал лишь соображениями общего порядка, настолько общего, что они могли показаться интуитивными, хотя в основе их лежала жизнь человека. Жизнь, которую он порядком изучил... Но ведь жизнь — это не отдельный факт, момент, эпизод, что-то конкретно доказывающий, подтверждающий или отрицающий. Жизнь — это нечто многообъемное, неопределенное, трудно укладывающееся в рамки созданной версии. И к тому же она неудобоварима для следствия: в дело ее не подошьешь — [illegible]

Как трудно ему придется, Маясов понял, когда попытался поделиться своими сомнениями с начальником уголовного розыска, сказав ему, что, кроме их выводов, исходящих из анализа записки, могут быть сделаны и другие...

Шестаков внимательно выслушал Маясова, покрутил бритой головой и сказал:

— Что-то мудришь ты, Владимир Петрович... Мы уж будем вести следствие так, как начали...

Маясов не стал спорить. Он понимал, что Шестаков не мог действовать иначе. Не мог потому, что опять-таки не знал жизни Савелова. Рассказать же ему все Маясов не считал себя вправе, поскольку подобные вещи не входили в компетенцию органов милиции.

*

Доказательство своей правоты равнозначно доказательству неправоты кого-то другого. Для Маясова докладывать начальнику управления о своей версии означало отрицать, критиковать, подвергать сомнению версию Ченского уголовного розыска. Резюмировал он так:

— В милиции считают, что Савелов, по всей вероятности, убит соучастниками ограбления Дома культуры. Основанием для этих подозрений, как я уже доложил, служит записка, обнаруженная в кармане убитого. Несмотря на шаткость улик...

— Какая же шаткость? — перебил его Винокуров.

В этом вопросе, вернее, в тоне, которым он был задан, Маясов уловил явное недовольство: видимо, генералу не нравилось, что Маясов так резко не согласен с уголовным розыском. И майор вдруг не то чтобы оробел, но на какой-то миг усомнился сам в себе, замешкался с ответом. И поэтому ответ его прозвучал не особенно убедительно:

— Савелов, мне кажется, не мог стать грабителем...

Генерал с чуть иронической улыбкой посмотрел на Маясова, потом перевел взгляд на своего заместителя — высокого, худощавого полковника Демина, который курил, сидя на [illegible]

— Разумеется, мое мнение не аксиома,— тут же сказал Маясов.— Но мне казалось, что я понимал этого парня.

— И каковы же ваши выводы? — спросил [illegible].

— Если предположить, что Савелов не участвовал в ограблении, значит, он убит не грабителями, а кем-то другим. Но записка почти прямо наталкивает на мысль о его причастности к этому ограблению... Тогда возникает вопрос: может быть, тот, кто писал эту записку, хотел толкнуть следствие именно на этот путь?..

Маясов помедлил, преодолевая волнение, и [illegible]:

— В таком случае напрашивается вывод: записка подкинута специально. А если это липа, то можно ли строить на ее основе следственную версию?.. Дальше. Савелов и Косач пили за одним столом в баре. Разве не могло это быть случайным совпадением? Что касается разговора Ласточкина с Савеловым о денежных сборах кассы, то стоит внимательно прочитать протокол допроса Ласточкина, чтобы увидеть: они говорили об этом просто так, между прочим.

— Допустим,— сказал генерал.— И что же из всего этого следует?

— Поскольку версия убийства по уголовным мотивам отпадает, логично предположить, что оно вызвано какими-то иными причинами.

— Ну-ну, конкретнее...

— У меня сложилось два предположения. Первое: убийство Савелова, может быть, имеет какое-то отношение к истории с букреевским портсигаром...— сказал Маясов. И замолчал.

— Так... Ну, а второе?

Маясов ответил не сразу:

— Возможно, товарищ генерал, что убийство Савелова каким-то образом связано с делом Никольчука...

— Вы понимаете, что говорите?! — Генерал встал из-за стола, подошел к Демину, попросил у него сигарету. Неловко, как все некурящие люди, зажал ее между пальцев, стал прикури-[illegible].

— Убийство темное...— глухо заговорил Маясов.— Мне тяжело думать, что оно может иметь касательство к «Кленовому Яру». И все-таки я бы снова обратился к этому делу...

— С какой целью? — спросил Винокуров.

— Оно может натолкнуть на правильный путь при расследовании. И потом возврат к делу Никольчука означает...

— Это означает,— гневно сказал генерал,— что работа по клёновоярскому делу была проведена вами не так, как нужно!.. Это вы хотели сказать?

— Я этого не хотел сказать,— побледнев, ответил Маясов.

Генерал продолжал ходить по кабинету, нагнув крупную голову, заложив руки за спину. Потом остановился перед Деминым:

— А ты, Николай Михайлович, что скажешь?

— Мне кажется, игнорировать версию милиции, как это делает товарищ Маясов, еще рано...

— Не верю я в это! — сказал Маясов.— Я предлагаю, товарищ генерал, дело Савелова из милиции взять... Я сам готов его вести.

Винокуров ничего не ответил. Бросил в пепельницу сигарету, брезгливо понюхал пальцы. Сел за стол, взял в руки перочинный ножик и стал оттачивать толстый карандаш.

— Нет, Владимир Петрович, вашу просьбу я удовлетворить не могу.— Генерал говорил уже [illegible]му неторопливо, тщательно подбирая слова.— Преступление совершено не на объекте, где работал Савелов, а в городе. Значит, и расследование должна вести городская милиция. Это во-первых. А во-вторых, вы сами по профилю работы не следователь, и такое запутанное дело может оказаться вам не по плечу. Я прямо говорю, прошу не обижаться на меня.

— Дело не в обиде...

— Тем лучше... Теперь к главному. Предлагая возвратиться к делу шпиона Никольчука, вы сами-то представляете, что лично для вас это означает?

— Вполне,— мрачно сказал Маясов.— Я вел дело Никольчука и Савелова, и если в конце концов окажется, что вел его плохо, ответственность несу я один... Разрешите закурить, товарищ генерал?

Винокуров кивнул. Пока Маясов делал первые жадные затяжки, генерал молча продолжал строгать карандаш. Наконец сказал:

— Давайте сделаем так. Вы сейчас поезжайте к себе в Ченск и постарайтесь пока переключиться на другое. Да. А завтра к вам приедет Николай Михайлович Демин. Он следователь по профессии. С его помощью, я думаю, мы сумеем разобраться в этом деле...

Маясов опять побледнел.

— Так, понятно... Мне не доверяете?.. Меня в сторону?..— Он рывком поднялся со стула и быстро пошел к двери.

Демин хотел было вернуть майора, крикнул [illegible]

— Что за выходка, Маясов?!

— Не надо, Николай Михайлович,— остановил его генерал.— Пускай остынет, приведет мысли в порядок...

В комнате наступила неловкая тишина. Демин отвернулся к окну, генерал рассеянно вертел в руках карандаш.

— Мне кажется,— первым нарушил молчание Демин,— Маясов горячку порет, как всегда. Версия угрозыска достаточно обоснованна.

— Не будем пока делать выводов,— сказал Винокуров.— Приедешь в Ченск — на месте виднее...

Продолжение следует.

УМЕНИЕ УДИВЛЯТЬСЯ

Случилось это в кинотеатре. Крутили ленту из времен гражданской войны. Как уж водится, один боевой эпизод сменялся другим. И один драматичнее другого. В зрительном зале была б полнейшая, соответствующая напряженному действию фильма тишина, если бы не громкий шепот одного весьма эрудированного товарища. Демонстрируется, скажем, морской бой, а он, тот товарищ, тут как тут со [illegible] я, мол, их, киношников: нальют в таз воды, пустят по ней подожженные спичечные коробки, увеличат все — [illegible] тебе и сражение. В другом эпизоде летят в морскую пучину сброшенные с высокой кручи революционные матросы, а наш эрудит — опять со своими сведениями: сбрасывают чучела, а мы, мол, дураки, переживаем. Кончилось тем, что кто-то, сидевший позади непрошеного толмача, громко выругался и дал ему по [illegible]. Эрудит завизжал. Появились блюстители порядка — и обоих выдворили из театра.

А зря. Выдворить надобно было бы одного только эрудита: он ведь портил все зрелище. Подумалось в ту пору: какой, должно быть, прескучный человек — ничем его не удивишь! Вспомнилась же та история при чтении хорошей книги Семена Шуртакова «Кузьминские сады». Под одной обложкой — под одной, стало быть, крышей — помещены две повести и несколько рассказов. Как же живется под нею этому семейству? Что побудило автора поместить, казалось бы, разные и по теме и по жанру произведения рядом? Или это просто сборник, где необязательно должно быть внутреннее единство? Нет же, это все-таки книга — цельная, законченная. И есть в этой книге нечто, составляющее ее особенность, больше того — ее душу. Я бы определил так: умение автора удивляться. Счастливое умение!

Оно продиктовало поэтичнейшие строки лучших, на мой взгляд, вещей — таких, как повесть «Где ночует солнышко» и рассказы «Первое свидание» и «Кузьминские сады» — этот, последний, не случайно дал имя всей книге. Образ семицветной радуги то и дело возникает на страницах повести. То ее видят дети, первооткрыватели мира, Любаша и Никита. То сам автор и его взрослые герои, не утратившие детской свежести и непосредственности в соприкосновении с огромным этим и всегда удивительным миром.

Счастливое умение удивляться помогает писателю там и сям находить интересных, любопытных людей. То, что другому показалось бы странностью в человеке, для С. Шуртакова — золотинка, отсвет душевной чистоты и красоты. «Первое [illegible]ние» — назвал он один из своих рассказов. Но все другие тоже как бы первое свидание, ибо полны той неожиданной радости, которая вызывается в твоей душе первой встречей с кем-то или чем-то очень дорогим.

С Федором, героем помянутого рассказа, автор встретился в поезде. «Ты веришь в судьбу?» — неожиданно спросил тот. Этого было достаточно, чтобы судьба задавшего вопрос заинтересовала писателя и затем привела его еще к одному важному открытию — открытию сложной, красивой, интереснейшей человеческой [illegible]

В рассказе «Кузьминские сады» писатель доверительно сообщит нам одну чрезвычайно важную мысль. Он скажет, что, кроме непосредственной, что ли, прямой связи человека с жизнью, связан, соединен он с ней, наверное, еще и через близких ему людей, и, как умирает один из них, вместе с тем умирает и какая-то часть самого человека, та сторона, та грань жизни, с какой он через умершего соприкасался. И писатель как бы говорит нам: пристальнее всматривайтесь в жизнь, будьте ее активными участниками, находите интересных людей — их великое множество! — делайте их своими близкими друзьями, и ваша собственная жизнь обретет более глубокий и радостный смысл, ибо вы станете богаче, а значит, и щедрее душой.

Сейчас Семену Ивановичу Шуртакову исполняется 50 лет. Многие годы отдал он литературному делу, своим талантом служа народу, в [illegible] видит животворящие истоки жизни, пример самоотверженного труда и духовного мужания.

Михаил АЛЕКСЕЕВ

Семен Шуртаков. Кузьминские сады. Издательство «Советская Россия», 1967.

О настоящей прозе и предвзятой критике

Уважаемая редакция!

Некоторое время тому назад я прочитал в журнале «Октябрь» новый роман Всеволода Кочетова «Угол падения». Роман произвел на меня сильное впечатление. Я с интересом и вниманием слежу за литературой, посвященной Гражданской и Отечественной войнам. Мне, как и многим читателям, особенно дорого всякое талантливое воплощение в художественных образах эпизодов и событий, составляющих героическую и правдивую историю нашей страны и ее армии.

Думаю, что из многих талантливых произведений, созданных нашими писателями, роман Всеволода Кочетова — одно из наиболее удачных художественных отображений некоторых событий гражданской войны.

Я не литературный критик и не взялся бы за перо для того, чтобы высказывать свое мнение о прочитанном, если бы не прочитал статью В. Оскоцкого «Замысел и его воплощение» («Литературная газета», 10 ян-[illegible]).

Разрешите мне поделиться моим мнением об этой статье.

Надо полагать, что в отличие от меня автор статьи — профессиональный литератор. Ему бы следовало разъяснить читателям, что в романе больше всего удалось автору, что удалось меньше и почему, то есть объективно оценить произведение. Полагалось бы и определить место романа В. Кочетова в ряду других книг о гражданской войне, проанализировать тот большой и сложный исторический материал, который лег в основу романа, может быть, высказать какие-то пожелания автору с позиций читателя, заинтересованного в успехах нашей советской литературы.

После прочтения статьи у меня создалось впечатление, что автор необъективно критикует роман, пытаясь заранее убедить читателей, что в романе все плохо и что другие рецензенты, положительно оценившие новое произведение В. Кочетова, не сумели (и даже «не пожелали») понять и, следовательно, правильно оценить произведение. Совершенно необоснованна попытка критика приписать автору «Угла падения» категорически отрицательное отношение к военспецам из бывших офицеров царской армии и доказать, что автор якобы всех их изображает предателями. [illegible] не можно забыть сцену мужественной гибели генерала Николаева, честного русского офицера, отдавшего жизнь за интересы трудового народа, не пожелавшего в тяжкие для Родины дни стать предателем, или трагическую судьбу подполковника Ларионова, казненного контрреволюционными заговорщиками за переход на сторону революции?

А разве не факт, что на фронтах Гражданской войны немало военспецов из бывших офицеров царской армии наносили предательские удары в спину молодой Красной Армии, а большинство офицеров оказалось в рядах белого движения. Не случайно в те тяжелые годы был введен в революционной армии институт военных комиссаров. Мне думается, что В. Кочетов правдиво изобразил в романе и честных, преданных новой России офицеров и белых оборотней.

Критик пишет, что нельзя обязать автора умалчивать об ошибках А. И. Куприна и что это — дело «вкуса и такта». Странный намек: выходит, что обязать-то нельзя, но автор «со вкусом и тактом» сам умолчит. Непонятно все же, почему надо умалчивать о факте совместной деятельности генерала Краснова и А. И. Куприна в белогвардейской газетке.

В. И. Ленин не прощал и не замалчивал в те грозные дни ошибок и литераторов и нелитераторов.

Можно пожелать многим нашим писателям побольше обращаться в своих произведениях к истории, а для этого нужно глубже ее изучать, как это сделал Всеволод Кочетов, познакомивший в своем романе читателей с многими малоизвестными фактами из героической истории гражданской войны.

О достоинствах романа В. Оскоцкий сказал вскользь два слова, да и то не впрямую. А ведь подлинного историзма не хватает многим нашим произведениям, в том числе и о войнах. В своей статье критик много рассуждает о классовости и пока он рассуждает абстрактно, все у него выходит правильно. Но как только он обращается к тексту романа, все получается наоборот. Так выходит потому, что, по мнению критика, «необходимой глубины «человековедческого» исследования недостает новому роману В. Кочетова... социально классовая сущность людей нередко дается оголенно, вне плоти характеров». Сказано это, конечно, громко, но не убедительно. Видимо, критику хотелось бы, чтобы автор романа нарисовал людей того времени так, как некоторые литераторы пытаются изображать некоторых наших современников: работает хорошо, но демогогии не изменяет, или хороший, «честный» юноша, но ничего полезного делать не желает, а всех старших считает личными и общественными врагами. Не знаю как кому, но большинству читателей и мне лично такая «психологическая глубина» вряд ли понравится. А в описываемое В. Кочетовым время «плоть характеров» в главном действительно определялась по формуле: «Кто не с нами, тот против нас». И показал это писатель с большой художественной убедительностью.

Совершенно не верны замечания критика в отношении роли изображенного в романе предателя революции Зиновьева. В романе действительно нет подробных описаний всех его подлостей: ведь действие романа ограничено определенным временем. Автор романа не мог, да и, видимо, не задавался целью дать разносторонний политический и человеческий портрет Зиновьева, но то, что написано в романе, точно отображает именно политическую борьбу Зиновьева против партии и народа, раскрывая его как двурушника и фракционера.

И в заключение: по моему мнению, В. Оскоцкому не хватает того такта, придерживаться которого он в своей статье рекомендует другим. Написана статья критика в неуважительном тоне. Трудно понять, чем это вызвано. Лишь дочитав статью до конца, можно догадаться, что брался за перо В. Оскоцкий потому, что два других критика похвалили роман В. Кочетова, якобы не поняв его недостатков.

Нам думается, что обязанность критика должна заключаться в строгой и принципиальной объективности при оценке большого писательского труда. Полагаю, что все, кто прочел и прочтет новый роман В. Кочетова, оценят его как большой успех автора и нашей литературы.

В. А. СУДЕЦ,
Маршал авиации

«СХОДСТВО» ИЛИ ПЛАГИАТ?

В редакцию поступило письмо, подписанное несколькими членами бюро секции критики и искусствоведения ленинградского отделения Союза художников РСФСР.

В письме дается высокая оценка печатающейся в «Огоньке» серии очерков И. С. Зильберштейна «Парижские находки», «Поиски ученого, увенчавшиеся действительно важными открытиями, имеют большую ценность для изучения истории русской культуры». Вместе с тем авторы письма несогласны со взглядами И. С. Зильберштейна на работы М. Г. Эткинда о Б. М. Кустодиеве и А. Н. Бенуа, выраженными в статье «Лучший иллюстратор Пушкина» («Огонек», 1968, № 52), они, в частности, считают «никак не аргументированным» обвинение в плагиате, предъявленное М. Г. Эткинду.

Редакция обратилась к И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙНУ с просьбой обосновать свое утверждение. Приводим его ответ.

В статье «Лучший иллюстратор Пушкина», говоря о том, как глубоко неверно и несправедливо М. Эткинд характеризует «Мир искусства» в своих работах, я сказал, что это сделано было к тому же «с чужого голоса», то есть, попросту говоря, взято из книги А. Михайлова о М. В. Нестерове и является, следовательно, плагиатом. Думается, что для каждого непредубежденного читателя это достаточно очевидно, так как оценки М. Эткинда и А. Михайлова приведены мною рядом. Авторы же письма видят здесь лишь сходство. Далее в письме приводится фраза из моей статьи: «В книге о Кустодиеве фактов плагиата немало». И по поводу такого утверждения говорится: «Эта мысль, естественно, ничем не подкрепляется». Что ж, придется мое утверждение подкрепить.

Исключительное место в творчестве Кустодиева занимает картина «Большевик», законченная в 1920 году. Это первое полотно, в котором художник, современник Октябрьской революции, задался целью создать образ большого исторического масштаба. Из всех символико-аллегорических картин, выполненных в эту эпоху, картина Кустодиева — единственная, живо сохранившаяся в памяти и наших поколений. В ней есть убедительность яркой мысли и взволнованного чувства художника. Но идейно-художественный анализ картины в книге М. Эткинда расплывается в потоке выспренних фраз, к тому же заимствованных без указания на источники. Так, в вышедшей в 1951 году брошюре И. Пикулева «Борис Михайлович Кустодиев» сказано о «Большевике»: «Перед ним, как последняя преграда, вырастает здание церкви — символ самодержавия, верная хранительница старых порядков. Зритель чувствует, что исполин так же легко перешагнет через нее, как он до этого переступал через дома и другие сооружения» (стр. 29). Можно прямо сказать, что такая интерпретация образа весьма небогата, да и сомнительна мысль, что именно церковь была «последней преградой» на пути большевика, поднявшегося во весь рост в дни Великого Октября. Тем не менее М. Эткинд в своей работе о Кустодиеве, вышедшей в конце 1960 года, эту мысль И. Пикулева повторяет в качестве собственной: «Перед исполином вырастает церковь — олицетворение старого мира. Но — мы ясно чувствуем это — он перешагнет через нее, последнюю преграду на его победоносном пути» (стр. 115).

Обращаясь же к анализу картины «Большевик», М. Эткинд повторяет уже сказанное в широко известных изданиях. Так, в «Истории русского искусства» (т. XI, 1957 г., стр. 123) говорится, что в картине Кустодиева символический образ охарактеризован «наивно и прямолинейно». У Эткинда это превращается в «наивность и прямолинейность замысла» (стр. 116).

В Ленинграде в 1959 году в связи с выставкой произведений Кустодиева в Русском музее вышел каталог, вступительную статью к которому написала В. Князева. Вот что она говорит о картинах «Купчиха», «Красавица», «Купчихи» и «Девушка на Волге»: «Создавая в них собирательные образы, художник находит теперь новый метод обобщения. В этих произведениях он блестяще воплотил бытовавшее в народе своеобразное понимание женской красоты, связанное с представлением о богатой купеческой жизни» (стр. 14). М. Эткинд, говоря о «Красавице», «Купчихе» и «Девушке на Волге», называет их полотнами, «имевшими целью создание обобщенных, собирательных образов, основанных на бытующем в народе понимании женской красоты». Чужая мысль так понравилась М. Эткинду, что через одну страницу он повторяет ее снова, но в расширенном — опять-таки за счет В. Князевой — виде, применительно к картине «Купчиха»: «...Созданный им (Кустодиевым) образ отражает отдельные стороны бытовавшего в народе понимания женской красоты, которое было связано с представлением о довольстве и богатстве купеческой жизни» (стр. 96 и 98).

Как видим, М. Эткинд не пренебрегает прямыми заимствованиями из ранее вышедших работ, не указывая на источники, хотя в одном случае — это монография о Нестерове, в другом — неудачная брошюра о Кустодиеве, в третьем — статья в «Истории русского искусства», в четвертом — вступление к каталогу выставки. М. Эткинд вставляет в свою работу, как нечто собственное, чужую мысль, чужую оценку, чужой вывод.

Любой плагиатор всегда рассчитывает на то, что его «заимствования» не будут обнаружены. Когда же это обнаруживается, должны в первую очередь заняться искоренением такой постыдной практики общественные организации и печать. Поэтому никак не следовало бы называть сходством явный [illegible].

Доктор искусствоведческих наук
И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН

В. ВЛАДИМИРОВ, М. ЗАСЛАВСКИЙ

РОЗЫ, СНЕГ И ЛАВРЫ

Олимпийский Гренобль.

С высоты птичьего полета.

Так выглядит олимпийский Дворец спорта.

Когда знаменитого английского писателя Сомерсета Моэма спросили, что самое привлекательное в Олимпийских играх, он ответил: «Неповторимое сочетание ожидаемого и неожиданного».

Моэм был совершенно прав. Уже давно известны, например, все красочные детали торжественной церемонии открытия X Зимних олимпийских игр 1968 года. С точностью до одной минуты расписано, когда начнутся те или иные соревнования. Но остается пленительной загадкой, как они кончатся, кто взойдет на пьедестал победителей.

В тот день, когда вы будете читать эти строки, олимпийский факел, зажженный 14 декабря в горах Греции, еще будет совершать свой путь длиной в 7 тысяч километров по территории Франции. На последнем этапе этой гигантской эстафеты через 170 французских городов факел примет прославленный фигурист Ален Кальма, внесет его на олимпийский стадион, зажжет священный огонь в огромной чаше.

Это произойдет 6 февраля в самом сердце Французских Альп, в городе Гренобле.

Семь лет назад Гренобль еще не обладал широкой спортивной славой. Но вот на сессии Международного олимпийского комитета было объявлено, что ему отдано предпочтение среди всех кандидатов, добивавшихся чести проводить Зимние игры 1968 года. Так Гренобль стал столицей Белой олимпиады, мировым центром зимнего спорта.

Среди представителей 38 стран мира, которые приедут в Гренобль, будут и спортсмены Японии. Японцы отправляются туда не только соревноваться. Дело в том, что городом Белой олимпиады 1972 года уже избран Саппоро — столица японского острова Хоккайдо. Так что хозяевам грядущих игр надо набираться и организационного [illegible]

Сейчас о Гренобле много говорят и много пишут. О нем рассказывают толстые иллюстрированные справочники и рекламные проспекты. Из них можно узнать, что поселение, стоявшее на месте нынешнего города, было известно еще во времена Юлия Цезаря; что Цицерон упоминал о нем в письме древнеримскому полководцу Луцию Мунацию Планку, что еще в прошлом столетии Гренобль славился своими перчатками, ликерами...

Торжественная церемония открытия Белой олимпиады предусматривает одну эффектную деталь. В тот момент, когда президент Франции Шарль де Голль закончит свою речь и провозгласит игры открытыми, с неба (а точнее, с вертолетов) обрушится водопад цветов — 30 тысяч алых роз.

Выбор цветов символичен: городской герб Гренобля украшают три розы. Мнения специалистов геральдики о значении этого символа расходятся, но общепринятое современное толкование таково: одна роза знаменует то, что Гренобль — центр науки, другая — что это город могучей индустрии, а третья — что окружающие Гренобль живописные горные хребты, речки, ущелья и долины — подлинный рай для туристов и спортсменов.

Что ж, все верно! Если говорить о науке, то сегодня в Гренобле десятки высших учебных заведений и коллежей, где можно приобрести знания в области политики, экономики, истории, литературы, медицины, физики, химии, радиоэлектроники и других предметов. Основанный в XIV веке, местный университет насчитывает 20 тысяч студентов — в их числе 5 тысяч иностранных из 82 государств. Наконец, в Гренобле расположен главный французский Центр ядерных исследований с тремя атомными реакторами. Промышленность Гренобля тоже достаточно разнообразна. Что касается третьей розы, о ней надо сказать особо...

Совсем недавно респектабельная лондонская газета «Таймс» вдруг разразилась бурной статьей против организации Зимних олимпийских игр в Гренобле... «Помилуйте, — восклицает газета, — что же это за олимпийская столица, если большинство олимпийских состязаний будет проходить в местах, расположенных в десятках километров от Гренобля! Бедные зрители!»

Прежде всего следует отметить, что автор статьи явно утратил чувство традиционного английского юмора. В самом деле, смешно протестовать против выбора места для Белой олимпиады, когда к ней уже все готово и остается только принимать спортсменов и гостей. А кроме того, и на многих предыдущих играх места соревнований были очень отдалены друг от друга. Организаторы Зимних игр в Гренобле учли это неудобство и приняли все меры, чтобы быстрее доставлять участников и спортсменов в нужный пункт. Дорожное строительство оказалось наиболее дорогостоящей частью подготовки олимпиады.

Займемся теперь олимпийской географией Гренобля. С высоты птичьего полета мы увидим его окруженным кольцом горных хребтов. Недаром жители города говорят, что любая его улица упирается в подножие Альп. Горноспортивные станции расположены вокруг олимпийской столицы веером на высотах от 1 000 до 3 300 метров. В Виллар-де-Лан (высота — от 1 050 до 2 000 метров, расстояние от Гренобля — 32 километра) состоятся олимпийские состязания по гонкам на спортивных санях. В Сен-Низье (высота — 1 165—1 380 метров, расстояние от Гренобля — 18 километров) построен 90-метровый большой олимпийский трамплин. В Шамруссе (высота — 1 650—2 250 метров, расстояние от Гренобля — 30 километров) будут проводиться соревнования по слалому, гигантскому слалому и скоростному спуску. В Альп-д'Юэз (высота — 1 800—3 350 метров, расстояние от Гренобля — 63 километра) проложена трасса для бобслея — гонок на многоместных управляемых санях по ледяному желобу, — а также запасные дистанции для слаломистов и мастеров скоростного спуска. В Отране (высота — 1 050—1 230 метров, расстояние от Гренобля — 34 километра) будут соревноваться лыжные гонщики, биатлонисты, двоеборцы.

В самом Гренобле, в городском парке Поль-Мистраль расположены крытый каток, искусственная беговая дорожка и новый Ледяной дворец, где состоятся олимпийские состязания хоккеистов, конькобежцев и фигуристов.

Каждый, кто знаком с историей Олимпийских игр, знает: не только жажда славы побуждает отцов того или иного города выставлять его кандидатуру в качестве будущей олимпийской столицы. И не только стремление заработать на толпах французских и иностран[illegible] туристов, которые на полторы-две недели заполонят город. Нет, муниципалитеты и мэрии, владельцы промышленных, торговых и развлекательных заведений глядят дальше. Они знают: олимпиада — это мощный толчок для строительства целого комплекса самых современных и совершенных спортивных сооружений. А они еще пригодятся! Взять хотя бы Ледяной дворец с трибунами на 12 тысяч мест, где встретятся во время олимпиады лучшие хоккеисты и фигуристы мира. Ведь после Олимпийских игр здесь смогут состязаться велосипедисты, легкоатлеты, представители всех видов ручных игр с мячом, боксеры, фехтовальщики. На арене дворца можно будет устраивать красочные зрелища и спектакли.

В Гренобле, как и четыре года назад в Инсбруке, олимпийская деревня — это целый ансамбль жилых домов, которые после олимпиады будут сдаваться внаем нуждающимся в квартирах. Между прочим, на страницах местной прессы поднимается такой вопрос: не пора ли сдать в архив название «олимпийская деревня»? Какая же это деревня, вопрошают газеты, если место поселения олимпийцев состоит из восьми 15-этажных домов и комплекса других зданий, образующих типичный городской микрорайон? Вносится предложение ввести новый термин: «олимпийский город».

Уже известно количество дей-

ствующих лиц грандиозного олимпийского ревю — участвующие страны прислали заявки на 1 485 спортсменов и спортсменок. А сопровождают их 2 500 тренеров, врачей, массажистов, официальных представителей. К действующим лицам надо отнести и целую дивизию работников печати, радио, кино и телевидения: их будет в Гренобле не менее трех тысяч.

Всех этих прямых и косвенных участников Белой олимпиады надо обеспечить жильем, питанием и транспортом. Если говорить о переброске участников и журналистов к местам соревнований, это осуществят 500 минибусов, которые будут с утра до ночи курсировать во всех олимпийских направлениях с интервалом в пять минут. С жильем тоже как будто все ясно. А вот насчет питания, тут надо предоставить слово великому чародею кухни мсье Бернару Ипполиту, темпераментному южанину, по образованию доктору юридических наук, а по нынешней должности руководителю службы питания олимпийцев.

Мсье Ипполит любезно информирует прессу:

«Мы завезли в Гренобль 100 тонн овощей, 100 тонн фруктов, 40 тонн мяса, 15 тонн цыплят, 20 тонн сыра и 5 тонн страсбургских паштетов. В общей сложности — 800 тонн вкусных и полезных продуктов питания.

Чтобы спортсмены могли получать привычную для них национальную пищу, мы будем готовить блюда французской, англо-американской, центральноевропейской, славянской и дальневосточной кухни. А если какая-нибудь делегация привезет собственные продукты и своих поваров, мы предоставим им полную возможность готовить то, что любят их спортсмены».

Наш рассказ о Гренобле олимпийском озаглавлен «Розы, снег и лавры». О розах — настоящих и символических — было сказано достаточно. Перейдем теперь к снегу.

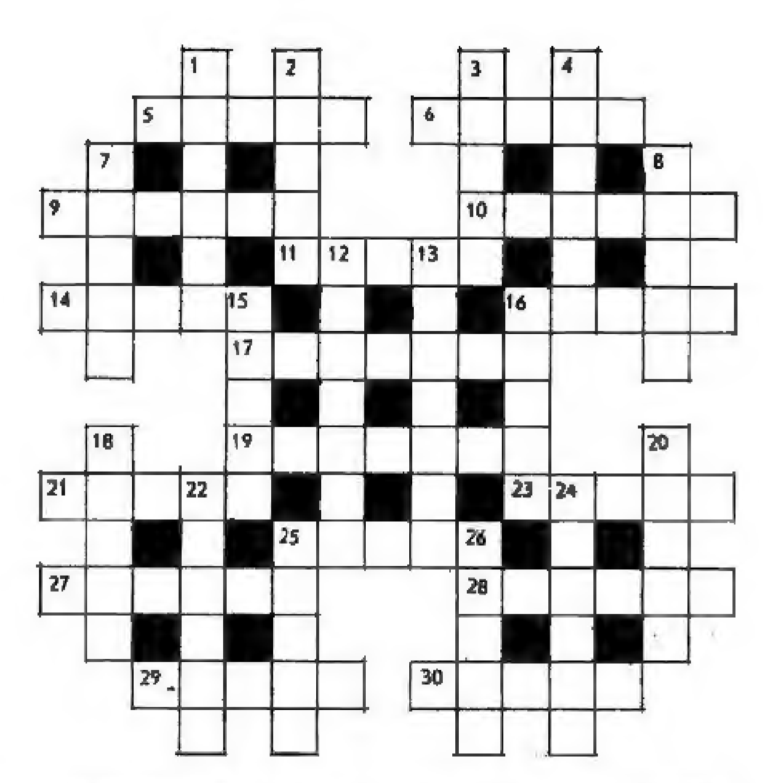
Опыт предыдущих олимпиад в Кортина д'Ампеццо, Скво-Вэлли и Инсбруке показал, что природа порой подводит и организаторов и спортсменов: в Кортине и Инсбруке снега было мало, в Скво-Вэлли — слишком много. Поэтому хозяева игр в Гренобле, опираясь на опыт своих предшественников, провели операцию «Искусственная зима». Военные грузовики развозили по трассам олимпийских состязаний настоящий снег и бруски льда, сфабрикованные на городских холодильниках. Отряды альпийских стрелков укладывали, утрамбовывали или разрыхляли этот покров всюду, где это было нужно. Репетиция прошла удачно.

А вот лавры, медали, награды олимпийских победителей — о них труднее всего говорить... Кто рискнет с уверенностью назвать, например, тройку призеров среди конькобежцев в беге на 500 метров? Будет ли это наш нестареющий Евгений Гришин? Или трехкратный чемпион мира японец Кейчи Судзуки? Или кто-нибудь из голландцев, норвежцев, шведов, финнов? Попробуй угадай!

В декабре Международная федерация лыжного спорта опубликовала мировые «десятки» лучших представителей альпийских состязаний. Среди мужчин своеобразным рекордсменом оказался француз Жан-Клод Килли. Он поставлен на первые места и в слаломе, и в гигантском слаломе, и в скоростном спуске. Казалось бы, чего тут гадать: вот он, будущий олимпийский чемпион! Однако после этой публикации на олимпийских трассах состоялся «Критериум первого снега», и в этих состязаниях француза начисто побил австриец Карл Шранц. Правда, вскоре Килли взял реванш. Но мало ли что может случиться во время олимпийских стартов!

И все-таки каждый из нас вправе составлять прогнозы, а главное, надеяться на победу своих любимцев, на успех советской команды в целом. Ведь уже трижды советские спортсмены были героями белых олимпиад. Самое приятное состоит в том, что мы с вами сможем не только гадать, но сопереживать: видеть на экранах наших телевизоров многие состязания гренобльской олимпиады. Причем не только на черно-белых, но и на цветных экранах. Это одна из новинок Зимних игр 1968 года.

Сообщают, что мэр Гренобля недавно заявил: «Если олимпиада пройдет успешно — а мы на это надеемся,— город будет вправе изобразить на своем гербе четвертую розу». Будем надеяться, что это осуществится.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Рассказ Л. Н. Толстого. 6. Безворсовый двусторонний ковер. 9. Раскаленное космическое тело. 10. Народный художник СССР. 11. Роман Т. Драйзера. 14. Типографский шрифт. 16. Автор романа «К новому берегу». 17. Небольшое сольное произведение. 19. Птица семейства тетеревиных. 21. Река в Коми АССР и Архангельской области. 23. Советский актер и режиссер. 25. Камчатский бобр. 27. Украинский поэт. 28. Точка лунной орбиты, наиболее удаленная от Земли. 29. Серо-коричневая краска. 30. Государство в Африке.

По вертикали:

1. Аттракцион. 2. Кожа для обуви. 3. Сторона прямоугольного треугольника. 4. Древнее оружие. 7. Звезда в созвездии Лебедя. 8. Порт на берегу Мексиканского залива. 12. Цветок. 13. Город в Чехословакии. 15. Обширные леса. 16. Шахматная фигура. 18. Приток Оби. 20. Кровельный материал. 22. Спортивная игра с мячом. 24. Химический элемент. 25. Печь с открытой топкой. 26. Рыба семейства тресковых.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 3

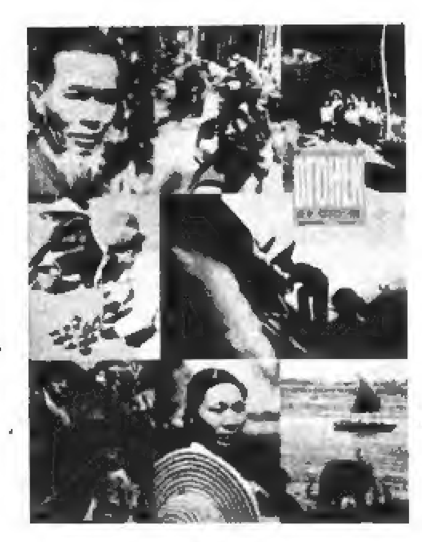
По горизонтали:

4. Межелайтис. 7. Чернозем. 8. Абордаж. 12. Ранчо. 15. Картер. 16. Босфор. 17. Тантал. 18. «Жаворонок». 19. Абрамцево. 21. Роллан. 24. Октава. 25. Омолон. 26. Сфинкс. 28. Голавль. 29. Цистерна. 30. Гренландия.

По вертикали:

1. Седов. 2. Ельмарен. 3. Кимоно. 5. Реестр. 6. Паруса. 9. «Гайдамаки». 10. Грушовка. 11. Астрограф. 13. Челябинск. 14. «Коновалов». 16. Батальон. 20. Махаон. 22. Лисициан. 23. Ворона. 26. Северн. 27. Штрих.

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ОБЛОЖКИ.

Вглядись в эти фотографии, читатель. На них — сегодняшний день Демократического Вьетнама. Готовят к бою грозное для американских воздушных пиратов оружие ракетчики Ханоя. По сельской дороге спешат в школу пионеры — раньше они учились в столице, теперь их школа эвакуирована за несколько десятков километров от города. Бойцы самообороны из деревни Донг Шон под Тханьхоа собирают обезвреженные ими американские шариковые бомбы. Мальчишки пасут буйволов на берегу реки Ма. В центре Ханоя, перед дверьми маленькой мастерской, два парня пилят ножовкой «сырье» — остатки сбитого американского самолета. Школьник остановился на минутку поговорить с дядей-шофером, который работает на «Скорой помощи»,— эту машину часто видят в округе после налетов американских самолетов на крестьянские дома. С этих фотографий на тебя, читатель, взглянут старик крестьянин,— ему приходится сажать свой рис под бомбами, и женщина по имени Нгуен Тхи Минь Там — она работает начальником цеха текстильного комбината, эвакуированного в джунгли.

На последней странице обложки: В полярную ночь далеко видны огни рудника «Центральный» комбината «Апатит».

Фото Г. Копосова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Оформление И. ДОЛГОПОЛОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Очерка — Д 0-15-33; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-38-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00329. Подписано к печати 16/I 1968 г.
Формат бум. 70 × 108¹/₁₆. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 2 000 000 экз. Изд. № 141. Заказ № 3804.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

И. МЕСХИ
Фото И. ТУНКЕЛЯ
и Г. ХАМАШУРИДЗЕ.

ВВЕРХ И ВНИЗ

Тбилиси — город, в котором никогда не скучают глаза. Не потому что в нем какие-то особые ансамбли. Есть, конечно, красивые дома и улицы, есть дома-уродцы и улицы-неряшки. Но весь город как-то очень свободно вылеплен. Его можно без конца рассматривать, как человеческую ладонь,— в складках, морщинах и буграх. Поглядите на такую ладонь с горы Мтацминда, и станете разглядывать долго-долго...

Дома лепятся по склонам и террасам, улицы горбатятся и виляют, подчиняясь запутанному рельефу. От одного проспекта до другого рукой подать, но их разделяет острый, как пила, непроходимый хребет. Впрочем, что значит непроходимый? Проделали в нем брешь, построили улицу и прошли.

Я живу на одном из таких проспектов. С одной стороны — городская суета, поток машин, неоновые рекламы. С другой — безмолвный хребет. Внизу тихо бормочет крошечная река, приток Куры. Весной на склонах из-под камня пробивается трава. За этим хребтом тоже стоят городские дома, а за домами — еще хребет и дальше — еще дома...

Такой Тбилиси город: все время напоминает людям о скалах, горах, диких травах, все время что-то показывает из окна или с улицы, не дает скучать глазам.

Но что происходит с ногами тбилисцев на такой пересеченной местности? Им приходится туго: карабкайся вверх, пружинь на спусках... Может быть, выровнять, выутюжить овраги, расстелить холмы и бугры?

Не надо делать этого! Люди придумали лестницы.

Тбилиси называют солнечным городом, зеленым, древним и юным, многобалконным. Какими только эпитетами не награждают его поэты! Но он, оказывается, и еще город лестниц!

Лестницы соединяют верхние и нижние улицы, поднимают пешеходов на возвышенности, спускают их в подземные переходы. На иных лестницах ступени стерты многими поколениями горожан. Есть современные, движущиеся лестницы — эскалаторы в метро. А разве не лестницы-вагонетки скользят по канатам вверх-вниз, перебрасывая тбилисцев с проспектов в горные парки, из одного городского района в другой?

Когда-то предок наш сбил из досок первые перекладины, вырубил в скале первые уступы. И с тех пор лестницы приглашают нас на свои ступени...

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663